

**БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ КОЛЛЕДЖ**

**СОХРАНЯЯ ПРОШЛОЕ,
ОПРЕДЕЛЯЯ НАСТОЯЩЕЕ,
ПРЕДВОСХИЩАЯ БУДУЩЕЕ**

**Сборник научных трудов, посвящённый
90-летию доктора юридических наук, профессора,
заслуженного деятеля науки
Республики Беларусь А. В. Дулова**

**Минск
«Бизнесофсет»
2014**

УДК 343.98(082)
ББК 67.52я43
С68

Рекомендовано Советом юридического факультета
Белорусского государственного университета
(протокол № 1 от 30 сентября 2014 г.)

Редакционная коллегия:

Г. А. Шумак (отв. ред.), И. Р. Веренчиков, Н. Г. Врублевская,
Д. И. Дмитренко, О. М. Старовойтов, А. М. Хлус, Е. П. Чуприна

Рецензенты:

д-р юрид. наук, проф., директор Научно-практического центра проблем
укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь, заслуженный юрист Республики Беларусь
В. М. Хомич;

д-р юрид. наук, проф., зам. начальника Академии Министерства
внутренних дел Республики Беларусь *В. Б. Шабанов*

Сборник подготовлен при поддержке
юридического колледжа БГУ

С 68 Сохраняя прошлое, определяя настоящее, предвосхищая будущее
: сборник научных трудов, посвящённых 90-летию доктора юридических
наук, профессора, заслуженного деятеля науки Республики Беларусь А. В.
Дулова / редкол. : Г. А. Шумак (отв. ред.) [и др.]. — Минск: Бизнесофсет,
2014. — 244 с.

ISBN 978-985-6939-81-8

В сборник включены труды белорусских и зарубежных криминалистов и
других учёных-юристов, представленные на Международной научно-прак-
тической конференции «Научная школа криминалистики профессора А.В.
Дулова : методология, учения, деятельность». Рассматриваются актуальные
вопросы теории и методологии криминалистики во взаимосвязи с практи-
ческой деятельностью по противодействию преступности.

**УДК 343.98(082)
ББК 67.52я43**

ISBN 978-985-6939-81-8

© БГУ, 2014
© Оформление. ООО «Бизнесофсет», 2014

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ДУЛОВ: БОЛЕЕ ПОЛУВЕКА У ШТУРВАЛА КРИМИНАЛИСТИКИ

Профессор кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Беларусь, заслуженный работник БГУ, лауреат премии имени В.И. Пичеты, лауреат высшей юридической премии «Фемида», участник Великой Отечественной войны, награжден боевыми и трудовыми орденами и медалями СССР и Республики Беларусь, наградами Правительства Республики Беларусь, государственных органов и общественных объединений, медалью Российского отделения ЮНЕСКО «За заслуги в развитии криминалистики», – вот далеко не полный список заслуг Андрея Васильевича Дулова.

Андрей Васильевич Дулов родился 21 октября 1924 года в Ленинграде. Являясь старшим сыном в семье, был вынужден в 15 лет, не окончив среднюю школу, устроиться на работу электромонтером. Великая Отечественная война прервала его едва начавшийся трудовой путь. В июле 1941 года А. Дулов уходит добровольцем на фронт.

Далее следовали участие в обороне Ленинграда, отмеченное Орденами Отечественной войны I и II степени, многочисленными медалями, тяжелое ранение и демобилизация из Красной армии, долгое восстановление здоровья в Ярославле, получение там же среднего специального юридического образования.

С таким багажом в 1944 году молодой юрист вернулся в освобожденный Ленинград, чтобы начать работать следователем прокуратуры. Всего через 2 года он уже старший следователь прокуратуры г. Ленинграда, участник совещания лучших следователей Советского Союза, в активе которого высокая ведомственная награда – Почетная грамота Генерального прокурора СССР. А дальше его ждала работа в следственной группе Генеральной прокуратуры СССР, параллельно учеба во Всесоюзном юридическом заочном институте. Уже в то время тяга к научным исследованиям начинает проявляться в первых статьях А.В. Дулова, опубликованных в сборнике «Следственная практика». Обобщение личного опыта расследования дел различных категорий выливается в публикации и выступления на конференциях о роли и значимости применения судебных экспертиз в уголовном процессе. Эти же статьи стали основой будущей кандидатской диссертации, успешно защищенной в 1955 году.

Именно тогда в Ленинградском государственном университете загорается яркая звезда его преподавательского таланта.

В 1958 году молодой ученый окончательно решает посвятить себя юридической науке, переезжает в Минск и становится доцентом кафедры уголовного права и процесса юридического факультета БГУ. С этого времени вся его личная, трудовая, творческая жизнь неразрывно связана с Беларусью и университетом, ставшим для него вторым домом.

Многогранная деятельность профессора А.В. Дулова проникнута заботой о развитии криминалистической науки и подготовкой в первую очередь мыслящих и всесторонне развитых специалистов в области права. Смело и настойчиво опровергая рутину в научных исследованиях, А.В. Дулов создает новые направления в криминалистике, развивает передовые теории и концепции, чем заслуженно приобретает научный авторитет и всеобщее признание как новатора, реформатора криминалистической науки.

В возрасте 41 года он защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук, в основе которой 4 крупные монографические исследования 50–60-х годов, более 70 авторских статей, явившихся предпосылками к формированию общей теории криминалистики, созданию того, что сейчас можно по праву назвать научной школой профессора А.В. Дулова. Широта научных взглядов, во многом опередивших свое время, глубина изучения проблем, взвешенность и аргументированность – вот основные характеристики его “сухой” научной деятельности.

Уже тогда он становится генератором идей, вдохновителем для многих своих университетских коллег, подлинным наставником для студентов и учеников.

А.В. Дулов не только успешный ученый, но и талантливый организатор. Именно его стараниями в 1972 году создана кафедра криминалистики БГУ – коллектив единомышленников и слаженная команда, интенсивной методической, преподавательской и научной работой

которой на протяжении 18 лет умело управлял ее капитан – профессор А.В. Дулов.

Благодаря сочетанию научных традиций и исследовательского опыта с новаторскими идеями, на кафедре стали динамично развиваться отдельные направления криминалистики.

Прежде всего хотелось бы обратить внимание на развитие профессором А.В. Дуловым системно-структурного подхода при осуществлении научных исследований в области борьбы с преступностью в целом и криминалистики в частности.

Этот подход был использован при разработке новых учебных курсов и спецкурсов. Одним из них стала судебная психология. Впервые в СССР на юридическом факультете БГУ по инициативе Андрея Васильевича введен курс «Судебная психология», который вызывал неподдельный интерес как у студентов и ученых, так и у практикующих работников. Изданное дважды в 1970 и 1975 годах учебное пособие «Судебная психология» получило массу восторженных отзывов, и только в зарубежных странах на него было опубликовано 16 рецензий.

Использование системно-структурного подхода позволило сформировать несколько новых направлений в теории и практике криминалистики, что проявилось при разработке и формировании теории криминалистического изучения преступления.

Андрей Васильевич сосредоточился на том, что до него никто не делал. Он отметил, что из большого числа

закономерностей, которые должна изучать криминалистика, выпадает важнейшее звено – само преступление. Так родилась идея о необходимости исследования в криминалистике материальной структуры преступления, которая в процессе научной разработки чаще стала называться криминалистической структурой преступления.

Криминалистическая структура преступления – разработка школы профессора А.В. Дулова, поставившая под сомнение универсальность и всеобъемлющий характер понятия криминалистической характеристики преступлений, значительное время доминировавшего в отечественной науке.

Еще одним направлением в криминалистике, созданным на основе применения системного подхода, является вывод о том, что следственные действия недостаточно изучать каждое в отдельности. Будучи средствами тактических задач расследования, они применяются в определенных комплексах. Наличие самостоятельного тактического средства расследования преступлений – тактических операций, разработка которых способна внести существенный вклад в процесс совершенствования предварительного расследования, есть еще одно достижение научной школы под руководством А.В. Дулова.

В деятельности многих государственных структур и институтов, не занимающихся непосредственно расследованием преступлений, имеется криминалистическая составляющая. Ряд государственных органов в той или

иной мере выявляют нарушения законов, в том числе и преступления. Должностные лица должны обладать знаниями о системе признаков преступлений, совершаемых в сфере их деятельности, уметь отличать случайные признаки от закономерных, оценивать их значение, обеспечивать сохранность будущих доказательств, знать и применять положения криминалистической тактики. Все это относится к сфере криминалистики. Никакая другая наука не дает теоретического обоснования и практических рекомендаций по осуществлению этих функций.

Такое расширение границ при изучении криминалистической деятельности позволило на более прочной научной основе подойти к решению многих проблем криминалистики. Стало возможным шире рассмотреть проблему криминалистической профилактики. Этот тезис был последовательно развит А.В. Дуловым и его учениками в своих работах.

Предметом самостоятельных диссертационных исследований, осуществленных под руководством профессора А.В. Дулова были методы психологического анализа, системный анализ в криминалистической деятельности, метод экономического анализа, метод бухгалтерского анализа, метод матрицирования, метод ретроспекции, метод рефлексии, метод анализа генезисного развития преступления и др. Все они в совокупности привели к формированию одного из общих методов криминалистики – метода криминалистического анализа.

Изучение общих тенденций развития науки позво-

лило выявить еще один новый элемент в структуре научного знания и использовать его для развития криминалистики. Речь идет о понятии «стратегия развития науки».

Следует отметить, что долгое время в криминалистике доминировала четырехзвенная система науки: теоретические основы криминалистики; криминалистическая техника; тактика; методика расследования отдельных видов преступлений. Профессор А.В. Дулов обогатил её новым разделом – криминалистическая стратегия.

Трудно переоценить вклад профессора в развитие науки в Беларуси. На его счету более 600 опубликованных трудов: монографий, пособий, методических материалов, статей. Непросто найти на всем постсоветском пространстве научную работу по криминалистике, в которой в той или иной степени не были бы заимствованы идеи профессора А.В. Дулова. Молодых ученых увлекали и увлекают разработки, связанные с тактическими операциями, учением о методах криминалистики, проблемами юридической этики и психологии, криминалистической профилактики преступлений.

Под руководством Андрея Васильевича защищены более 50 кандидатских диссертаций, не менее десятка его учеников стали докторами юридических наук. Он являлся оппонентом более чем по 100 диссертационным исследованиям.

Можно с уверенностью сказать, что уже становятся на ноги многие и многие «научные внуки» профессора.

Все они отзываются о нем исключительно с глубоким почтением и благодарностью.

Более шести десятилетий прошло с тех пор, как молодой ученый А.В. Дулов начал свое яркое, стремительное и уверенное восхождение на олимп юридической науки. Он – непререкаемый авторитет для коллег, вдохновитель и лидер плеяды ученых, педагог для нескольких поколений практических работников, мэтр белорусской науки, прекрасный человек, который щедро делится накопленными знаниями. Пусть сегодня его виски обелены сединой, а лицо испещрено морщинами, орлиный взгляд его всё так же глубок, а ум ясен и остер. В эти дни в его адрес звучат наши слова благодарности, глубокой признательности и пожелания активного долголетия.

С.А. Балашенко,
декан юридического факультета БГУ,
доктор юридических наук, профессор

Г.А. Шумак,
заведующий кафедрой криминалистики
юридического факультета БГУ,
кандидат юридических наук, доцент

А.А. Якимов,
старший прокурор отдела
Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь

ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

А.В. Дулов

Развитие науки осуществляется на основе уже познанных закономерностей. К таким закономерностям относятся процессы интеграции и дифференциации. Интеграция проявляется в постоянно развивающихся закономерных связях между различными науками. Углубление и расширение целей научного исследования неминуемо приводит к тому, что для их достижения необходимо использовать данные других наук, тесно взаимодействовать с ними. Взаимодействие постоянно порождает новые методы, средства исследования, что и позволяет расширять сферу познания явлений, процессов.

В развитии современной науки все больше проявляются интеграционные процессы. Усложняются объекты исследования, что требует взаимодействия ряда уже сложившихся наук, создания новых отраслей знаний. Усложняющиеся процессы изучения объективного мира, социальной действительности делают интеграционные процессы обязательным условием развития наук. Такая же тенденция происходит и в праве. Появление новых объектов исследования (космос, экология и т. д.), новых углубленных задач исследований приводит к формированию новых отраслей права.

Но интеграционные процессы проявляют себя и в тенденции формирования циклов, блоков наук. Необходимость этого определяется наличием общей цели, единого объекта воздействия. Такая тенденция проявляется и в праве, в частности в формировании комплекса наук, призванных обеспечить борьбу с преступностью.

Изучение взаимосвязей между науками уголовно-правового цикла постепенно становится постоянным объектом их исследования. Наиболее часто упоминают о связях между уголовным правом и уголовным процессом.

К. Маркс отмечал, что судебный процесс рассматривают только как «надежный конвой, который должен препроводить противника в тюрьму, простое приготовление к экзекуции, а где процесс желает быть чем-то большим, там его заставляют молчать» [1]. Далее К. Маркс, развивая свой анализ, писал: «Если судебный процесс сводится к одной только бессодержательной форме, то такая пустая формальность не имеет никакой самостоятельной ценности. С этой точки зрения китайское право стало бы французским, если бы его втиснули в форму французской процедуры; материальное право, однако, имеет свои необходимые, присущие ему процессуальные формы. Как в китайском праве обязательно фигурирует палка; как с содержанием средневекового уголовного уложения, в качестве процессуальной формы, неразрывно связана пытка, — подобно этому гласный, свободный процесс составляет необходимую принадлежность гласного по своей природе содержания, продиктованного свободой, а не частным интересом. Судебный процесс и право так же тесно связаны друг с другом, как, например, формы растений связаны с растениями, а формы животных — с мясом и кровью животных. Один и тот же дух должен одушевлять судебный процесс и законы, ибо процесс есть только форма жизни закона, следовательно, проявление его внутренней жизни» [2].

По поводу этой цитаты М. С. Орогович в своем «Курсе уголовного процесса» писал: «Эта яркая и выразительная характеристика очень хорошо показывает роль и зна-

чение процессуальных форм и их связей с материальным правом. Они неотделимы друг от друга, так как через уголовный процесс находит свое осуществление и применение в жизни уголовное материальное право» [3].

В действительности же приведенная цитата, образно характеризуя зависимость уголовного процесса и уголовного права, совершенно не претендует на раскрытие связей между этими науками. Да такая задача тогда и не стояла. Совершенно ясно, что исследование связей между науками требует глубокого раздельного исследования их содержания, выяснения общих задач этих наук, путей их разрешения.

В настоящее время без глубокого изучения связей нельзя развивать дальше ни уголовный процесс, ни уголовное право. Как они влияют друг на друга, какое влияние эти связи оказывают на конечный результат – борьбу с преступностью, как можно и следует регулировать эти связи? Эти и многие другие вопросы еще требуют внимательного исследования.

В юридической литературе рассматривались взаимосвязи уголовного права и криминологии. Но детально исследование целей, сущности, методов взаимосвязей не осуществлялось.

Имеются указания общего характера на взаимосвязь уголовного права и криминалистики. Интересно отметить, что наиболее точно сущность этой взаимосвязи определил еще Г. Гросс при формировании новой науки криминалистики. Он писал: «Криминалистика по природе своей начинается лишь там, где уголовное право, также по своей природе, прекращает свою работу: материальное уголовное право имеет своим предметом изучение преступного деяния и наказания, формальное уголовное право (процесс)

заклучает в себе правила применения материального уголовного права. Но каким именно способом совершаются преступления? Как исследовать эти способы и раскрывать их, какие были мотивы совершения такового, какие имелись в виду цели – обо всем этом нам не говорит ни уголовное право, ни процесс. Это составляет предмет криминалистики» [4].

Впоследствии это общее указание оказалось забытым, и об уголовном праве в криминалистике упоминают лишь в разделе «Методика расследования отдельных видов преступлений», как об обстоятельстве, конкретизирующем направленность различного содержания методик расследования.

Обращалось внимание и на связь уголовного процесса и криминалистики. Так, П.С. Элькинд делала вывод, что «дальнейшее развитие уголовно-процессуальной науки и законодательства, как и дальнейшее совершенствование технико-криминалистических средств в уголовном судопроизводстве, возможно только при условии взаимообогащения науки уголовного процесса и криминалистики» [5]. Но на какой теоретической основе должно происходить это взаимообогащение, в чем оно заключается, как должно реализовываться?

Обычно ограничиваются указанием, что при осуществлении следственных действий обязательно должны выполняться все требования уголовно-процессуального законодательства. Но это только одна из сторон связи уголовного процесса и криминалистики. Проблема изучения связей стала настоятельно необходимой с появлением термина «науки уголовно-правового цикла». Значит, имеется целая группа наук, которые тесно связаны между собой. В чем заключаются эти связи, как их надо развивать и со-

вершенствовать? Какое влияние они оказывают на развитие каждой науки, на достижение общей цели – борьбы с преступностью?

Ответить на эти и многие другие вопросы можно только в том случае, если целенаправленно, системно выявить, а затем комплексно исследовать все их связи.

К сожалению, «цикл уголовно-правовых наук» в комплексе пока не изучается. В то же время совершенно очевидно, что проблема активизации борьбы с преступностью настоятельно требует проведения таких исследований. Это, безусловно, выявит новые горизонты в управлении общим процессом борьбы с преступностью, откроет и новые возможности в развитии каждой из наук, входящих в этот цикл.

Практика крайне нуждается в подобных исследованиях. Такая потребность существует на тактическом и стратегическом уровнях. И следователь, и судья при расследовании, судебном рассмотрении уголовных дел комплексно применяют знания уголовного права, уголовного процесса, криминалистики и других наук. Эти знания используются и при разработке государственных программ, мероприятий, направленных на организацию борьбы с преступностью. Отсюда требуется и комплексное изучение этих наук.

Что же надо делать для такого комплексного изучения? Прежде всего, возникает необходимость формирования методологической основы исследования. Такая база имеется у уголовного права, процесса, криминалистики. Но когда ставится задача исследовать комплекс в целом, методологическая основа каждой из этих наук уже недостаточна. Новая методологическая основа, прежде всего, обеспечивается применением структурного подхода. Сово-

купность наук всего цикла должна рассматриваться как система. Это дает возможность определить содержание данной системы: какие науки должны входить в совокупность ее элементов. Причем важно установить, какие науки-элементы являются системообразующими, а роль каких определяется только решением конкретных практических или теоретических проблем, возникающих в ходе борьбы с преступностью на отдельных ее этапах.

При изучении системы необходимо:

1. Определить общую цель формирования, действия создаваемой системы. Такой общей целью является борьба с преступностью. Часто считается достаточным ограничиться указанием на то, что общность цикла уголовно-правовых наук определяется их относимостью к единой цели – борьбе с преступностью. Но определение общей цели является только первоначальным этапом исследования. Если мы хотим использовать все положительные свойства общности этих наук, управлять процессом воздействия этой общности на борьбу с преступностью, следует значительно глубже изучать их в комплексе, устанавливая роль каждой науки, определяя, как каждая из наук дополняет, влияет на другие для достижения общей цели – усиление борьбы с преступностью.

2. Общая цель создает «дерево» целей, которые, в свою очередь, конкретизируют ее, определяют основные пути ее достижения. В связи с этим научные исследования постоянно направлены выявление новых элементов в общей системе целей, на выявление всех составляющих, из которых складывается обеспечение общей цели (сбор информации, предупреждение преступления, пресечение преступлений, расследование, судебное рассмотрение, исполнение наказания, ресоциализация и т. д.).

3. Определение всей системы функций, которые реализуются в деятельности по осуществлению борьбы с преступностью.

4. Определение всех видов связей в изучаемой системе.

Науки рассматриваемого цикла определяют, что является преступлением, как его можно предупреждать, выявлять, доказывать, определять вину и т. д. В этом их общая логическая связь. Но надо устанавливать и всю совокупность научно необходимых и обоснованных связей. Это составная часть системно-структурного подхода, так как структура состоит не только из элементов (наук), но и связей между ними, отдельными функциями, действиями.

Для исследования связей в изучаемой системе уголовно-правовых наук предварительно необходимо иметь достаточно полное представление о самом понятии «связи».

Следует основываться на том, что философские исследования процессов отражения и многочисленные исследования естественных и социальных наук, подтвержденные экспериментальным изучением большого эмпирического материала, убедительно показали, что связи между явлениями проявляются как взаимодействие. Значит, уголовное право воздействует на процесс, а уголовный процесс, в свою очередь, влияет на формирование уголовного права. И так во всех дисциплинах, входящих в данную систему наук.

Взаимосвязи создаются специально для достижения намеченных целей, для решения поставленных задач, имеют различные уровни, виды. Взаимосвязи могут быть причинно-следственными, выступать в виде прогнозируемых зависимостей, могут определяться результатами исследования. Они могут проявлять себя как взаимозависимости,

взаимодействие, взаимовлияние (непосредственное, опосредованное), наконец, различными могут быть и цели взаимодействия: установление методологической или теоретической основы, взаимодействие при осуществлении функций, реализации средства, создании условий для явления, действия.

Все это указывает на исключительное многообразие роли взаимосвязей, а отсюда и сложности их изучения.

При реальном существовании множества отдельных наук формирование целостного комплекса может осуществляться только через изучение систем связей.

Для проведения подобных исследований представляется необходимым сформулировать основные методологические принципы их осуществления. Можно указать на следующие принципы:

1) изучение всех видов связей: системных, структурных, генезисных, функциональных, коммуникативных;

2) изучение всех форм проявления связей: причинно-следственных, зависимостей, спонтанных, внешне случайных и т. д.;

3) изучение связи каждой науки с основной целью образования системы. Конкретизируются цели, функции каждой науки по отношению к общей цели системы, ее функциям. Цели и функции конкретной науки основываются на общесистемных целях и функциях и в то же время конкретизируют, обогащают, совершенствуют их. Причем этот процесс может идти по следующим направлениям: а) осмысление и углубленное исследование реально существующих, функционирующих связей; б) поиски следов возможно существующей, но скрытой связи для исследования ее действительной значимости и ее полной легализации в системе наук; в) выдвижение гипотез о связях, ко-

торые надо развивать для формирования системы наук, развития каждой науки;

4) изучение всех связей с другими науками, входящими в изучаемую систему. Надо изучать связи со всеми науками, все виды связи. Только такой подход обеспечит достижение общей цели системы – организацию и активизацию борьбы с преступностью, развитие вклада каждой науки в достижение этой общей цели. Пока эти связи полностью не сформулированы, что и приводит к тому, что они изучаются недостаточно. Так, в науке уголовного права разрабатываются связи с криминологией, исправительным правом, в меньшей степени – с уголовным процессом, совсем мало – с юридической психологией, юридической этикой, теорией профилактики, криминалистикой.

В криминологии изучение внешнесистемных связей развито еще меньше. Так, не исследуются связи с уголовным процессом, криминалистикой. В то же время именно криминалистика изучает материальную сторону преступления, которая во многом определяется социальными связями, отношениями. Отсюда ясно, что использование результатов криминалистического изучения материальной структуры преступления крайне важно для исследования и тех социальных факторов, которые изучает криминология.

Можно выделить три основные группы связей, которые надлежит изучить при исследовании системы уголовно-правовых наук.

Первая группа – системообразующие связи. Они формируют цели, методологические основы, функции системы, т.е. все то, что создает базис любой интеллектуальной системы. Здесь создается основа связей между всеми науками: формируется их общая цель (древо целей), функции, выполняемые системой

Вторая группа – внешние связи системы наук. Система не существует сама по себе. Это относится и к системам наук: они определяются и зависят от потребностей общества (тех экономических, социальных, технологических систем, которым призваны служить); от других групп наук и т.д.

Внешние связи влияют на формирование теоретической, методологической основы наук, условия их развития, цели и направления предмета наук. Эти связи двухсторонние: система наук через них обогащается и в то же время обогащает их своими знаниями. Связи между науками позволяют устанавливать общие методологические основы исследования образуемой системы наук.

Только анализ и синтез всех внутренних и внешних связей каждой науки позволит правильно определить общую методологию исследования, сформировать в конечном итоге эффективно действующую систему борьбы с преступностью.

Третья группа – это связи внутри системы. Они существуют между всеми элементами, системами (науками) и направлены на взаимообогащение каждой науки. Эти связи обеспечивают формирование методологической и теоретической основы каждой науки, возможность использовать уже разработанные в других науках методы, средства, рекомендации. Связи создаются для выполнения общесистемных целей, функций, что, в свою очередь, формирует системообразующие связи с целями, функциями общей системы

Реализация системного подхода и изучение группы уголовно-правовых наук закономерно должны привести и к углубленному изучению каждой науки, входящей в систему. Каждая из них, в свою очередь, рассматривается как

система и изучается по вышеизложенным принципам. Это значит, что должны изучаться: 1) все внешние связи конкретной науки, которые определяют, влияют на ее содержание и развитие, и те, которые обеспечивают воздействие содержанием, результатами своих исследований на другие науки; 2) связи, формирующие самостоятельность науки; 3) связи, формирующие систему данной науки.

Конкретное изучение связей между науками, безусловно, откроет еще много нового и неожиданного. Самое главное, что это определит новые горизонты исследования, будет способствовать развитию общей системы научного обеспечения борьбы с преступностью.

Так, исследование связей закономерно приводит к созданию условий для более углубленного исследования функций как системы в целом, так и применительно к каждой науке.

Особенность цикла уголовно-правовых наук проявляется в том, что каждая из них обязательно оказывает влияние, обеспечивает, помогает становлению, развитию всех других наук своего цикла. Именно поэтому они и создают единую систему. Такая специфическая взаимосвязь наук приводит к формированию в каждой из них методологической функции. Каждая наука обязана обобщать, систематизировать свои теории, методы, средства, содержание таким образом, чтобы эта информация как можно полнее могла быть воспринята другими науками.

Методологическая функция уже прочно определилась в юридической психологии, юридической этике за счет тесных связей с такими науками, как психология, этика, теория права. Но эта функция существует и у уголовного права, уголовного процесса, криминалистики, что определяется исследуемым содержанием, связями с социальными

науками, общей теорией познания, отражения и т.д. Выделение такой функции будет способствовать консолидации и развитию каждой науки цикла, системы в целом.

Целостное исследование системы уголовно-правовых наук приведет к существенному обогащению методологических основ и каждой из них. Это обеспечивается внутренними связями каждой науки, общими целями и функциями, связями с другими науками, входящими в систему уголовно-правового цикла. Так, существенное развитие методологических основ закономерно ожидается от связей с развитием юридической психологии, юридической этики. Они изучают психологические, нравственные отношения в обществе, их влияние на правовую систему. Соответственно эти знания, уже в качестве методологической основы, будут использоваться в уголовном праве, исправительном праве, уголовном процессе, криминалистике.

Исследование связей позволит существенно активизировать изучение профилактической деятельности. У права имеется общая цель – предупреждение возникновения дефектов, опасностей, конфликтов в обществе. Решение этой задачи присуще в той или иной мере уголовному праву, уголовному процессу, криминалистике, юридической психологии. Таким образом, каждая наука выполняет профилактическую функцию.

Выявление связей, образующихся сочетанием функций профилактики в каждой науке, приводит к выводу о наличии общесистемной функции профилактики преступлений, которая уже определяет, организует, конкретизирует реализацию этой функции в уголовном праве, уголовном процессе, криминалистике и т.д. Множественность связей по функции профилактики между всеми науками требует их упорядочения, т. е. создания самостоятельной

общей теории (а возможно, и самостоятельной науки) профилактики преступлений.

Изучение систем связей способно выделить еще одну функцию – предсказательную. Появляется возможность предвидеть, какие науки, теории следует разрабатывать в пределах системы уголовно-правовых наук.

Выявление всех видов связей между науками уголовно-правового цикла является необходимым средством развития каждой науки и всей системы в целом.

Изучение связей, объединение их в группы может привести к необходимости формирования новых отраслей в существующей системе уголовно-правовых дисциплин. Это происходит в тех случаях, когда цели установленных взаимосвязей не могут быть обеспечены существующим комплексом наук. Так, последовательное применение системного подхода к изучению целей и связей позволяет сделать вывод о необходимости формирования науки управления процессами борьбы с преступностью, комплексно исследующей возможности уголовно-правовых наук в реализации общей задачи правового государства по обеспечению безопасности общества и каждой личности во всех сферах жизни.

Изучение связей может привести и к изменению системы построения отдельных наук данного цикла. Они должны в большей степени учитывать необходимость исследования всех систем связей, последовательность в их изучении. Возникает необходимость более четко определять основные блоки каждой науки (например, выделять общую и особенную часть) и изучать связи, зависимости между этими блоками. Это должно стать обязательным принципом развития всех наук уголовно-правового цикла. Так, например, в криминалистике последовательное при-

менение системного подхода к изучению связей привело к формированию нового раздела – криминалистической стратегии.

Изложение значимости и путей исследования системных связей позволяет сделать вывод о том, что появилась потребность в формировании и разработке общей теории действия уголовно-правовой системы. Создание такой общей теории (а значит и системы методов, средств) должно осуществляться самостоятельной наукой - теорией системы уголовно-правовых наук. Формирование такой теории явится существенным вкладом в развитие всех наук цикла, в повышение их роли в активизации практической деятельности по борьбе с преступностью, повысит системность, организованность, управляемость этой деятельностью.

Литература:

1. *Маркс, К., Энгельс, Ф.* Соч. Т. I. – С. 157.
2. Там же, С. 158.
3. *Строгович, М.С.* Курс советского уголовного процесса. – М., 1968. – С. 86.
4. *Гросс, Г.* Руководство для судебных следователей как система криминалистики / пер. с нем. – СПб., 1908. – С. 8.
5. *Элькинд, П.С.* Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. – Л., 1976. – С. 109.

РАЗДЕЛ I

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И РАЗРАБОТОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

А.Е. Гучок

Одним из направлений повышения эффективности научных исследований в криминалистике может рассматриваться более широкое внедрение в научно-познавательную деятельность учения о материальной структуре преступления. По нашему мнению, модель материальной структуры преступления в системе научной криминалистической деятельности может рассматриваться как в качестве средства приращения нового научного знания, так и в качестве модели объекта исследования.

Основываясь на представлениях о теоретической схеме объекта криминалистики, построенной в аспекте учения о материальной структуре преступления, могут быть определены неизвестные или не в достаточной мере исследованные закономерности предметной области криминалистической науки, что позволяет сформулировать конкретную научную проблему в виде системы вопросов, ответы на которые и предстоит получить. При этом целью исследования является познание закономерностей, детерминирующих взаимодействие между элементами материальной

структуры преступления, закономерностей следообразования и работы со следами по их обнаружению, фиксации, исследованию и изъятию, а также разработка методов, средств, приемов и рекомендаций, повышающих эффективность раскрытия, расследования и профилактики преступлений.

Содержание системы методов и средств, применимых в ходе решения научно-познавательных задач криминалистики, определяется спецификой выделенных объектов исследования (элементы, связи, отражения материальной структуры преступления, их параметры, системное окружение) и особенностями научно-познавательного процесса.

Состоятельность конкретного научно-познавательного процесса обеспечивается соблюдением ряда положений, исключающих ведение теоретической работы, по своей сути, не являющейся научной.

Каждое исследование должно быть ориентировано на установление фактов действительности, реально имеющих характер научной проблемы. При этом проблема должна быть оценена на предмет значительности и ничтожности, реальности и фантомности. Определенные проблемы могут быть характерны для следственных путей раскрытия и расследования преступлений. В данных ситуациях обязательно анализируется потенциал экспертных и оперативных путей и, в случае наличия такового, необходимость проведения научных исследований отпадает.

Некачественное проведение оперативно-розыскных мероприятий, следственных действий, несвоевременно и неполно проведенные экспертные исследования, недостаточный уровень подготовки субъектов познавательной деятельности не могут рассматриваться как научные проблемы. Перспективы их разрешения связаны с совершенство-

ванием организационных основ деятельности по расследованию преступлений, повышением уровня методического обеспечения и подготовки кадров, что имеет весьма опосредованное отношение к научно-познавательной и разработочной деятельности.

Обозначенные позиции достаточно просто реализуются посредством позиционирования конкретных вопросов, отражающих суть предполагаемого проблемного знания, элементам, связям, отражениям материальной структуры, характеристикам системного окружения, технологиям, методам и средствам познавательной деятельности. Иными словами, вопрос о том, что ранее неизвестное об обозначенных компонентах может стать результатом грядущего исследования с указанием перспектив практического внедрения полученного знания, в полной мере предопределяет состоятельность соответствующей научной разработки.

РАЗРАБОТКА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ДОКАЗЫВАНИЯ - АКТУАЛЬНАЯ ЗАДАЧА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

А.В. Дулов, А.С. Рубис

Доказывание в юридической практике есть «искусство собирать факты, их констатировать, приводить в порядок, в котором они взаимно выясняются, и приводить в известность их связь и последствия», отмечает в своей знаменитой работе «О судебных доказательствах» английский философ, юрист И. Бентам [4, с.9]. Оно является основой науки по собиранию, исследованию, проверке и оценке доказательств при реализации основной и неизменной задачи уголовного судопроизводства – установления пре-

ступления и определения наказания за его совершение. Проблема доказывания имеет непреходящее значение и со временем приобретает все большую остроту.

Деятельность по выявлению, предварительному расследованию преступлений, по осуществлению судом правосудия является постоянно развивающимся процессом доказывания. Доказывание происходит при проведении каждого проверочного, оперативного и следственного действия, принятии каждого процессуального решения как при выявлении и расследовании преступлений, так и при рассмотрении уголовного дела в суде. Это и определяет необходимость постоянного внимания и научного исследования проблемы доказывания.

В последнее время существенно активизировались исследования в области криминалистики. Разработаны новые пути использования системного и деятельностного подходов, активно ведется разработка методов практической деятельности при проведении расследования, разрабатываются более совершенные технологии и тактические средства выявления и расследования преступлений. Все это не только позволяет, но и обязывает искать новые пути и средства осуществления доказывания.

Доказывание – творческий процесс, но чтобы он правильно, производительно развивался, следует постоянно искать пути для повышения уровня его организации и активизации, улучшения методов и средств осуществления. Надо углублять и совершенствовать процесс познания истины по каждому уголовному делу. Нет истины – нет правосудия. А без правосудия нет правового государства – реализации постоянной мечты человечества, направленной на формирование и эффективную деятельность свобод-

ного, справедливого, нравственно развивающегося общества.

Для совершенствования творческого процесса доказывания при выявлении, расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел совершенно недостаточно только знания закона. Уголовно-процессуальное законодательство устанавливает, что по каждому делу должно быть осуществлено доказывание, что оно должно проводиться уже во время сбора доказательств, что каждое доказательство должно быть проверено и оценено. Но закон не может устанавливать, как организовать процесс сбора доказательств, какие методы надо использовать для их проверки, какие процессы надо осуществить для оценки каждого доказательства и их совокупности. Это уже задача науки, изучающей процессы доказывания при выявлении преступлений, их расследовании и рассмотрении судом уголовных дел. Такой наукой и является криминалистика. При организации исследования процессов доказывания в криминалистике надо учитывать весь путь их формирования и развития, обязательность изучения проблем доказывания через использование доказательств. Если ретроспективно посмотреть на историю исследования понятий доказательств и доказывания в научной литературе, то последовательность изучения указанного вопроса можно представить по следующей восходящей:

- построение системы формальных доказательств как процессуального института (с появлением гласного суда система формальных доказательств в значительной степени теряет свое значение);
- возникновение и развитие процессуальной теории доказательств (проведена большая работа по определению понятия доказательств, установлению различия между ис-

точниками доказательств и доказательственными фактами и т.д.; при этом исследование доказательств уже привело к изучению проблемы доказывания).

Доказывание есть обязательный элемент деятельности по осуществлению правосудия. Значит, оно должно изучаться прежде всего как специфическая деятельность, которая имеет особую научную основу.

В этой связи представляется, что прежде всего необходимо определить методологический подход к изучению указанной проблемы, «угол зрения» на ее изучение, объем и глубину исследования процесса доказывания.

Разработка методических основ оказалась процессом длительным и сложным. Доказательства и доказывание изучались в основном в рамках науки уголовного процесса. Представляется, что именно такой путь обеспечивает действенность познания процессов доказывания, однако изучение данного вопроса с позиций только одной науки недостаточно и неэффективно. Нормы материального права в этой связи либо не изучались и не «привязывались» к проблеме совсем, либо рассматривались только через призму уголовно-процессуального законодательства. Нельзя сказать, что данный подход в корне не верен, так как именно уголовный процесс является основной формой познания при осуществлении правосудия. Но, с нашей точки зрения, представляется очевидным, что изучение процесса доказывания необходимо вести одновременно с позиций и материального и процессуального права.

Первоначально следует остановиться на соотношении «материального» и «процессуального» в праве. Применительно к процессу доказывания нормы материального права представляют собой по сути предмет доказывания, и поэтому определение соотношения предмета доказывания и

процесса его реализации является важным элементом в понимании соотношения формы и содержания исследуемого процесса, так же, как и в познании его в единстве. Отождествляя «процессуальную форму» с понятием «юридический процесс» (как явлением собирательным), следует учитывать, что «юридический процесс – синтетическое научное понятие, означающее превращение юридических идеальных моделей, закрепленных... в законодательстве, в реальную систему правоотношений» [8, с.89]. В связи с этим механически разделить нормы правовой системы (которой, несомненно, является система доказывания преступлений. - Авт.) на материальные и процессуальные (с отнесением каждой конкретной нормы только к одной из групп) невозможно [1, с.101]. «Процессуальность – это такая регулятивная функция юридических норм, которую они приобретают только по отношению к определенным ("материальным") нормам права, только сотрудничая "с последними" в процессе регулирования поведения... "Материальность" и "процессуальность" юридических норм – это условные термины, которые отражают определенные функциональные свойства норм, обусловленные их ролью в правовом регулировании» [9, с.274]. «Материальность» и «процессуальность» – функциональные характеристики правовых отношений [5, с.98] при доказывании фактов преступной деятельности и виновности лиц, их совершивших.

Сложную систему урегулированных правом общественных отношений, юридических фактов или их элементов можно выразить путем построения научной юридической конструкции – идеальной модели, отражающей эту систему отношений [10, с.12]. Доказывание – это также создание идеальной модели подобного рода отношений,

сложная юридическая конструкция. По сути, это деятельность по установлению соответствия и тождества между данной (наличной, построенной) криминалистической моделью системы «преступление» (то есть выявленными следами отражениями преступной деятельности и преступного поведения в соответствующих средах) и его уголовно-правовой (материальной) матрицей посредством реализации уголовно-процессуальных норм и правил. Поэтому отграничение материального от процессуального не позволяет правильно определить предмет исследования процесса доказывания.

Вместе с тем признание необходимости изучения проблемы доказывания с позиций только комплекса материального и процессуального права оказывается недостаточным. Следует разрабатывать методическую основу реализации процессов доказывания на практике, чего невозможно сделать без исследования его содержания.

В первую очередь необходимо доказывать факт совершения преступления, которое может (и должно) рассматриваться как система. В этом случае изучение данного явления будет осуществляться по тем же принципам, основаниям, путям, что и любое системное образование, с использованием научных достижений. И первое, что необходимо сделать, – привлечь для этой цели все новейшие достижения криминалистики.

Преступление как системное образование наиболее полно изучается в криминалистике. Поэтому при формировании методических основ исследования проблемы доказывания обязательным является использование этой науки.

Уже отмечалось, что доказывание – это деятельность. Опять же деятельностный подход полнее всего используется в криминалистике.

Эта паука изучает и процессы отражения преступления, что предполагает обязательное их рассмотрение при исследовании процессов доказывания.

Изложенное приводит к бесспорному выводу, что без всестороннего использования науки криминалистики изучать проблемы доказывания нельзя. Но и криминалистика не может развиваться без привлечения положений общей теории доказывания, без модернизации ее для своих целей. На всех этапах борьбы с преступностью обязательно осуществляются процессы доказывания. Содержание этой деятельности постоянно расширяется.

В настоящее время в материалах уголовного дела в качестве доказательств все чаще используются результаты отражения (технического документирования) тех или иных элементов совершенных преступлений – соответствующие материалы оперативно-розыскных мероприятий, заключения экспертов и т.д., то есть тех видов деятельности, которые призваны исследовать материальное содержание преступления, его отражение в окружающем мире. Доказывание преступления состоит, в частности, в выявлении и исследовании материального содержания и следов-отражений, оставшихся после совершения преступления и характеризующих его как явление, событие прошлого. На основе этого могут строиться предположения о сущности и динамике преступной деятельности. Мотивы преступления, его этапы, способы, прогнозируемые результаты, деятельность по противодействию расследованию могут быть познаны только через установление и изучение совокупности исследуемых материальных объектов, их элементов, связей, системы взаимодействия, следов-отражений, то есть через доказывание. Доказательства появляются только в процессе доказывания. Значит, необходимо разработать и

постоянно использовать теорию именно криминалистического доказывания.

Несмотря на то, что в юридической литературе достаточно подробно освещены общие гносеологические и методологические аспекты соотношения криминалистики (отождествляемой практически всегда с процессом предварительного расследования) и доказывания [3; 6; 7; 2], ощущается явно недостаточная разработанность общих положений теории доказывания в криминалистической деятельности субъектов доказывания и наоборот.

Таким образом, конкретизация общетеоретических вопросов доказывания на всех этапах борьбы с преступностью, определение и разработка принципов и методов криминалистического анализа преступлений под углом зрения практических нужд субъектов доказывания, бесспорно, является острой и настоятельной необходимостью сегодняшнего дня.

Криминалисты, верно определяя суть содержания деятельности по доказыванию преступлений как симбиоза практической реализации положений гносеологии, системного подхода, теории отражения, фактически сводили ее к методологии эффективного проведения отдельных следственных и иных действий, к применению метода криминалистического моделирования.

Стройной криминалистической теории, позволяющей синтезировать все действенные предложения по активизации содержания процесса доказывания, пока, по нашему мнению, сформулировано не было. Не исследованы в полном объеме и само криминалистическое содержание доказывания, и его структура, четко не определены критерии, методика и принципы построения криминалистической модели отражения преступления как системного образова-

ния и, соответственно, установления факта его совершения. Не выработаны эффективные критерии построения криминалистической модели доказывания как самого факта преступления, так и преступного поведения подозреваемого и обвиняемого на всех этапах борьбы с преступностью, а также критерии идентификации указанных моделей с уголовно-правовой моделью преступления.

В связи с изложенным можно констатировать, что потребность в разработке проблем криминалистики применительно к доказательственной деятельности исключительно велика. Несмотря на имеющиеся достижения в этой области, явно недостаточно исследовано содержание процессов доказывания на досудебных стадиях и, в первую очередь, доказывание, осуществляемое в деятельности субъектов выявления преступлений и, в частности, в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Процесс осуществления данной деятельности имеет множество особенностей, так как она специфически сочетается с реализацией других функций субъектов доказывания как при выявлении преступлений, так и при производстве процессов предварительного расследования.

Анализ практики свидетельствует, что в работе по собиранию, исследованию, проверке и оценке доказательств имеют место существенные недостатки:

- указанная деятельность не всегда своевременно, эффективно, последовательно и системно осуществляется на всех этапах борьбы с преступностью;
- для собирания и исследования доказательств все еще редко, а порой и неумело, применяются современные методики, научно-технические методы и средства, которые комплексно должны использоваться на всех этапах дока-

зывания, а не только на этапе предварительного расследования;

- не всегда принимаются меры по системному и действенному выявлению необходимых фактических данных, их закреплению и фиксации. Некоторые факты просто упускаются из виду, а добытые сведения о них недостаточно эффективно трансформируются в процессуальные доказательства, которые также не всегда незамедлительно и всесторонне исследуются на предмет определения пространственно-временных связей и отношений между элементами системы «преступление».

Все эти недостатки не позволяют надлежащим образом:

- осуществлять построение полной криминалистической модели доказывания преступной деятельности;
- определять характер ее функционирования и параметры взаимодействия с другими системами и т. д., то есть осуществлять доказывание.

В силу недостаточной исследованности всей совокупности материальных объектов и их отражений, познание такого явления, как преступление, нередко происходит не в полном объеме. Вследствие этого допускаются ошибки при определении допустимости, достоверности и достаточности доказательств, имеют место просчеты в использовании и оценке данных, полученных оперативным путем, не в полном объеме осуществляется борьба с латентной преступностью. Потребность в разработке и внедрении в практику доказывания современных научных методов и средств (наряду с преодолением имеющихся недостатков в проведении данной работы) обуславливает настоятельную необходимость серьезного исследования криминалистических проблем деятельности по доказыванию преступлений.

Представляется очевидным, что процесс доказывания происходит на всех этапах борьбы с преступностью – на стадиях выявления преступлений, их раскрытия (предварительного следствия) и судебного доказывания при рассмотрении уголовного дела в суде. При этом доказывание является последовательной и перманентной совокупностью процессов доказывания преступлений, осуществляемых на всех указанных этапах (в допустимых формах и с применением средств, характерных для каждого из них), но ни в коей мере его нельзя рассматривать как некую арифметическую совокупность или сумму данных процессов. Доказывание является обязательной функцией всех видов деятельности по борьбе с преступностью.

Все это и побуждает авторов данного исследования заявить о необходимости формирования основы теории криминалистического доказывания, которая бы призвала разрабатывать не только организационно-технологический процесс, но и, главное, – содержание исследуемой деятельности, особенности криминалистического доказывания на всех этапах борьбы с преступностью.

Исследование перечисленных выше проблем позволяет, с нашей точки зрения, определить криминалистическое доказывание как деятельность по прогнозированию, моделированию и осуществлению системы действий с целью сбора, проверки и оценки доказательств при выявлении и расследовании преступлений.

Роль криминалистики в формировании методологических основ реализации процесса доказывания, особые условия, цели, методы и средства доказывания на всех этапах борьбы с преступностью создают в совокупности основание для формирования самостоятельной теории кри-

миналистического доказывания. Разработка такой теории позволяет более глубоко исследовать процессы доказывания на этапе выявления преступлений и на предварительном следствии, обеспечивая тем самым расширение возможностей осуществления доказывания в суде, куда уже поступают материалы, собранные на указанных выше этапах и фиксирующие процессы собирания, проверки и оценки доказательств, положенных в основу обвинения.

Таким образом, теория криминалистического доказывания имеет особое значение и для совершенствования деятельности прокурора при реализации им своих полномочий по осуществлению государственного обвинения в суде. Здесь необходимо использовать ее (теории) методологические основы для полноты и правильности установления криминалистической структуры преступления и, соответственно, криминалистической структуры его отражений, установленных на этапах выявления и раскрытия преступлений; определять соотношение и тождество созданной криминалистической модели системы «преступление» с его уголовно-правовой моделью, что и является, по сути, криминалистической основой доказывания преступлений.

Таким образом, чем более детально будет разработана настоящая теория, тем в большей степени обеспечивается полная и правильная реализация доказывания при осуществлении правосудия.

Литература:

1. *Баландин, В.Н.* Проблема соотношения «материального» и «процессуального» в праве и ее значение для определения понятия «юридический процесс» / В.Н. Баландин // Журнал российского права. – 2002. – № 6. – С. 93–101.

2. *Белкин, А.Р.* Теория доказывания : научно-методическое пособие / А.Р. Белкин. М. : НОРМА. – 2000. – 429 с.

3. *Белкин, Р.С.* Криминалистика и доказывание: Методологические проблемы / Р.С. Белкин, А.И. Винберг. – М. : Юрид. лит. – 1969. – 216 с.

4. *Бентам, И.* О судебных доказательствах / И. Бентам; по изд. Дюмана, пер. с фр. И. Гороновичем. – Киев : тип. М. П. Фрица, 1876. – 421 с.

5. *Вопленко, Н.Н.* Социалистическая законность и применение права / Н.Н. Вопленко; под ред. М. И. Байтина. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1983. – 184 с.

6. *Ларин, А.М.* Работа следователя с доказательствами / А.М. Ларин. – М. : Юрид. лит. – 1966. – 156 с.

7. *Лузгин, И.М.* Расследование как процесс познания / И.М. Лузгин. – М. : Изд-во Высш. шк. МВД СССР. – 1969. – 177 с.

8. *Осипов, А.В.* Реализация права и толкование его норм / А.В. Осипов // Курс лекций по теории государства и права : пособие : в 2 ч. ; под ред. Н.Т. Разгелдеева, А.В. Малько. – Саратов, 1993. – Ч. 2. – С. 89–105.

9. *Рабинович, П.М.* Упрочение законности - закономерность социализма / П.М. Рабинович. – Львов : Вища шк. Изд-во при Львов. ун-те, 1975. – 260 с.

10. *Черданцев, А.Ф.* Юридическая конструкция, их роль в науке и практике / А.Ф. Черданцев // Правоведение. – 1972. – №3. – С. 12–19.

МАТЕРИАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ СЛЕДООБРАЗОВАНИЯ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

И.А. Лапина

Событие преступления материализуется в следах, приводя в действие механизмы следообразования, ведущие к изменениям внешних условий. При этом следует отметить, что изменение – процесс перехода предмета, явления из одного состояния в другое, появление у предмета или явления новых свойств, признаков, функций, качеств в результате действия внутренних причин и воздействия внешних (других предметов, явлений окружающей среды).

Криминалистика изучает преступную деятельность через образуемые и оставляемые в процессе совершения преступлений следы, т.е. фиксированные результаты изменений в окружающей действительности. Это изучение происходит постфактум, но с целью – выявить закономерности отражения, проанализировать их и синтезировать в моделях расследования. Таким образом, исследуя события прошлого можно сделать предположения о событиях будущего.

Механизм следообразования существенно влияет на объём криминалистической информации, источники которой формируются в процессе преступной деятельности. Следы статические более информативны, чем следы динамические. Если первые позволяют судить о форме и размерах следообразующей поверхности, а также её рельефе и микрорельефе, то вторые чаще всего дают представление только о микрорельефе рабочей грани. Следы локального воздействия, когда энергия действует непосредственно через предмет, способны передать больше информации о

предмете, чем следы периферического воздействия, отображающие обычно лишь контуры объекта.

Особую роль в процессе следообразования играет фактор времени. Во-первых, как условие взаимодействия отражаемой и отражающей систем; во-вторых, как одна из характеристик полученного отображения. Зная такой важный параметр как «возраст» следа («возраст» чернил на документе, например) можно сделать предположение о его подлинности, либо, наоборот, подложности.

Характер следа, кроме того, определяется типом взаимодействия, которое может быть простым и сложным, непосредственным (контактным) и опосредованным (бесконтактным). При механическом взаимодействии – это остаточная деформация (формирование, спрессование, уплотнение, спекание) в виде объемных следов, перераспределение в виде объемных и поверхностных следов, разрушение в виде пробоин, проколов, разделение в виде частей объектов; при психическом – образ; при социальном – структура личности [3, с. 12–21].

Наряду с изучением отражений преступления в целом, криминалистикой изучается и отражение каждого элемента его структуры. На этом этапе приобретают особое значение отражательные свойства объекта, возможности и результаты их проявления в процессе функционирования и взаимодействия с другими системами. При изучении следов взаимодействия объектов материального мира изучаются механизм следообразования, особенности следообразующего объекта, возможности его идентификации. При исследовании отражений человеческой деятельности можно определить физиологические свойства, профессиональные навыки субъекта, что расширяет возможности его идентификации.

В настоящее время круг отражений, с которыми при-

ходится сталкиваться в процессе расследования, значительно расширился. Это связано, во-первых, с появлением и использованием (не только в преступной деятельности, но и, прежде всего, в обществе в целом) новых научно-производственных технологий; а, во-вторых, с развитием и усложнением познавательных процессов в результате одноименных изменений в социальной реальности, «субъект-объектных» отношениях. Как следствие подобных явлений, в криминалистике стали появляться новые специальные разделы. В свое время так сформировалась хелиоскопия – раздел, в котором исследуются возможности идентификации человека по следам губ. Результаты трехлетних исследований японских ученых, итогом которых стал вывод о индивидуальности и неизменности кожного рельефа поверхности губ были впервые опубликованы в 1974 году [6, с. 233–248], однако успешная попытка идентификации человека по следам губ была предпринята в 1961 году в Венгрии при обнаружении на месте убийства хорошо сохранившегося отпечатка на застекленных дверях [5, с. 543–546].

Одним из новейших направлений, которое может быть использовано в работе со следами, является имплантоскопия [4, с. 185]. Подобной практики пока нет, но возможности использования результатов исследования имплантатов для идентификации человека очевидны. Это связано с ростом их применения в хирургии и особенностями самих имплантатов. Они используются в качестве фрагментов кости в ортопедии, челюстно-лицевой хирургии, стоматологии и, как правило, изготовлены из металла. Помимо характерных особенностей, полученных при изготовлении, имплантаты содержат надписи, которые при правильном прочтении могут оказать существенную помощь при иден-

тификации трупа, либо, с использованием рентгенографии, идентификации живого лица.

В последующем круг материальных объектов, которые могут стать источником криминалистически значимой информации, и их классификация были усложнены и дополнены документами, свидетельствующими о преступлении (черновые записи и долговые обязательства, отражающие криминальное движение денежных средств и иных ценностей; поддельные банковские документы; двойные накладные; расписки о незаконном отпуске товаров и других материальных ценностей; поддельные рецепты на получение наркотикосодержащих лекарственных средств; бланки строгой отчетности) и следами-предметами, оставленными, забытыми или утерянными преступниками на месте происшествия [1; 2, с. 178–179, с. 184–185].

Однако деятельность человека – это не только физические действия с предметами, она наделена ещё и социально-психологическим содержанием. Человеческая способность к рефлексии приводит к более сложным изменениям в окружающей действительности, чем материальные результаты отражения события преступления на предметах. Чувственное и рациональное восприятие окружающей действительности, свойственные человеческому сознанию, позволяют анализировать происходящее и, как следствие, получать информацию, которая может иметь значение для расследования преступления, если воспринятое событие – преступное деяние либо его элементы. Изучение подобных социальных отражений свойственно криминалистике лишь отчасти и является предметом исследования других наук (психологии, этики, криминологии, социологии). Однако универсальность метода криминалистической идентификации позволяет включать в объектное идентификационное

поле и идеальные образы-отображения.

В подобной ситуации необходимо правильно оценить информацию, переданную другим лицом следователю, а также информацию, почерпнутую самим следователем из изменившейся социальной обстановки, что позволит сконцентрировать внимание не только на материальных отображениях, но и на значимых и информативных идеальных следах и социальных отражениях.

Литература:

1. Криминалистика: учеб. пособие / А.В. Дулов [и др.]; под ред. А.В. Дулова. – Минск: Экоперспектива, 1998. – 416 с.
2. Коршунов, В.М. Следы на месте происшествия: Обнаружение, фиксация, изъятие. – М.: Экзамен, 2001. – 286 с.
3. Салтевский, М.В. Собираание криминалистической информации техническими средствами на предварительном следствии. – Киев: КВШ МВД СССР им. Ф.Э. Дзержинского, 1980. – 112 с.
4. Hanausek, T. Kryminalistyka: Zarys wykłady. – Kraków, 2000. – 282 s.
5. Hołyst, B. Kryminalistyka. – Warszawa, 2000. – 1241 s.
6. Tsachihashi, Y. Studies on personal identification by means of lip prints // Forensic Science. – 1974. – №3. – P. 233–248.

ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

И.И. Лузгин

Развитие в криминалистике «частного» закономерно привело к изменению его качеств на уровне «общего». При этом происходит смена этапа дифференциации развития по форме на интеграционный по существу. Что проявляется в

криминалистической интерпретации философских категорий, обуславливающих данный процесс. Зрелость отечественной криминалистической научной школы А.В. Дулова, предложившего концепцию исследования материальной структуры преступления, прослеживается в трудах белорусских учёных-криминалистов Г.А. Зорина [1, с. 105–106], Г.А. Шумака [2, с. 432–433], В.П. Шиенка [3, с. 284–285], А.Е. Гучка [4, с. 21–23] и ряда других, развивающих отечественную криминалистику на основе реализации концепций и современных криминалистических идей [5, с. 93–94]. В работах А.В. Дулова и его учеников теория отражения стала методологической основой научных исследований и важным направлением решения практических задач.

До 90-х годов 20-го века криминалистика и технико-криминалистическое обеспечение (ТКО) развивались на философских представлениях о том, что «кроме движущейся материи и ее свойств в мире нет ничего» [6, с. 65]. Информационные основы материального мира как взаимообусловленный процесс (информация, энергия, мера отражения) во внимание не брались. Введение философской категории «информация», ставшей в один ряд с категориями «материя» и «движение», перенаправило формальное восприятие объектов от разнородных по природе и источникам происхождения к восприятию их информационного единства по существу. Устранение устаревших парадигм мироустройства перестало быть препятствием для практической реализации наработанных идей. Интеграционность в криминалистике стала проявляться не только как стремление к консолидации криминалистических знаний, усиливающих эффект, но и вследствие нового понимания их содержательной глубины. С выходом науки через теорию отражения на уровень понимания следообразования как универсального процесса, ситуационно обусловленного по

форме и информационного по существу, началось завершение собирательного периода ТКО и входящих его систему технико-криминалистических средств (ТКС). Было положено начало информационно-аналитическому уровню исследования носителей криминалистически значимой информации (КЗИ) как системных объектов и различной природы сред как средств передачи информационно кодированных результатов отражения. На этом уровне ТКО, используя следствия теории отражения, стало обеспечивать вовлечение в доказывание не субстанциально однородных элементов исследуемых объектов и процессов, а объективно тождественных структурных и функциональных их характеристик, обладающих как различной степенью материальности, так и их присутствия в реальности той или иной из областей. Исследования в этой области позволяют переходить к криминалистическим технологиям (КТ) получения КЗИ на основе системных процессов любой природы независимо от характера их переносящих и отображающих сред. Развитие информационно-коммуникативных средств предопределило завершение собирательного периода использования ТКС. Формируется технико-технологический этап системы ТКО – технико-технологического криминалистического обеспечения (ТТКО) отвечающего современности. При этом предполагается применение иных методов получения и обработки и предоставления КЗИ в системе ТТКО. Система криминалистических технологий получения информации обусловлена информационной природой отражения КЗИ и функционирует на основе сочетания функций её обнаружения, фиксации, сохранения, предварительного исследования и оценки. Реализуется функция её получения информации как одномоментный высокотехнологичный процесс. Используются технологические стационарные и мобильные с удаленным доступом информационно-аналитические платформы, оснащённые перифе-

рийными средствами извлечения первичной КЗИ из носителей и средств её передачи в системах различной природы сред. Это позволяет формировать на принципах технологий единого криминалистического пространства автоматизированную информационно-поисковую систему получения первичной криминалистически значимой информации (АИПС ПКЗИ) на основе средств и методов сбора, обработки и передачи первичной информации для получения её как информационного продукта (взаимосвязанных качеств и состояний объекта, процесса, явления и прогноза развития свойств). При этом технологии получения такого рода, информации могут быть различны по мере развития научных отраслей. Но базовый принцип подхода к получению КЗИ, строящийся на информационной природе теории отражения как методологической основе изъятия и обработки КЗИ, неизменен и должен соблюдаться всегда.

Цель системы КТ в отличие от системы избирательного использования ТКС – оптимизированное по времени и качеству производство информационного криминалистического продукта, по уровню пригодного для анализа субъектами расследования в целях принятия решений по достижению целей расследования и оптимизации выполнения частных следственных задач.

Методологическая значимость теории отражения – в её информационной природе обуславливающей системный характер результатов отражения как основы криминалистических технологий получения КЗИ в отличие от системы ТКС не в образе её видовых форм, а как информационного криминалистического продукта, не операционно эффективного по форме (как при существующей системе ТКС), а содержательного для принятия решений для достижения целей по существу.

Литература:

1. *Зорин, Г.А.* Характеристики криминалистических интегрированных технологий в системе единого информационно-криминалистического пространства Республики Беларусь/ Г.А. Зорин // Инновационные проблемы и перспективы развития правоприменительной деятельности / под. общ. ред. Г.А. Зорина. – Гродно, 2009. – С. 105– 108.

2. *Шумак, Г.А.* Современные направления развития отечественной криминалистики / Г.А. Шумак // Актуальные проблемы развития современного белорусского государства и права : материалы респ. науч.-практ. конф., Гродно, 16-17 апр. 2010 г. / Гродн. Гос. ун-т; редкол. : Н.В. Мисаревич [и др.]. – Гродно, 2010. – 431–434.

3. *Шиенок, В.П.* О необходимости создания новой методологии белорусской криминалистики и путях её разработки / В.П. Шиенок // Криминалистические чтения посвящённые памяти заслуженного юриста Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора Г.И. Грамовича : материалы междунар. науч. конф., Минск, 21 дек. 2012 г. / Акад. М-ва внутр. дел. Респ. Беларусь. – Минск, 2012. – С. 284–286.

4. *Гучок, А.Е.* Криминалистическая структура преступления / А.Е. Гучок. – Минск: БГУ, 2007. – 151 с.

5. *Ковдерко, В.И.* Формирование теории криминалистического отражения как методологической основы науки криминалистики / В.И. Ковдерко. – Право.by. – 2010. – № 1. – С. 93–97.

6. *Белкин, Р.С.* Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов / Р.С. Белкин. – 3-е изд., доп. – М., 2001. – 837 с.

ИДЕИ А.В. ДУЛОВА О МЕТОДОЛОГИИ КРИМИНАЛИСТИКИ И ЕЕ ИНТЕГРАТИВНОМ ХАРАКТЕРЕ

Е.В. Смахтин

Роль Андрея Васильевича Дулова в формировании теоретических основ криминалистики трудно переоценить. Предпримем попытку краткого осмысления некоторых

умозаключений известного ученого, касающихся методологии криминалистики и ее интегративного характера.

По мнению А.В. Дулова, «криминалистика – это наука, призванная решать задачи, возникающие в борьбе с преступностью, путем изучения преступления, процессов его отражения в окружающем мире и сознании человека и содержания деятельности по расследованию в целях познания закономерностей этих процессов и связей между объектами исследований для разработки методов, средств, приемов и рекомендаций по организации тактической деятельности по выявлению, расследованию и профилактике преступлений» [1, с.16].

Нетрудно заметить, что в приведенном определении подчеркивается интегративный характер криминалистики, взаимосвязь уголовно-правовых наук, которая проявляется и в утверждении А.В. Дулова о том, что «потребность в практическом применении уголовного права, а затем и уголовного процесса, привела к формированию и развитию криминалистики» [2, с.47].

Детальное изучение цитируемой статьи А.В. Дулова приводит к убеждению, что ученый совершенно прав, когда пишет, что «одной из исключительных особенностей методологических основ криминалистики является специфическая роль системного подхода при формировании этих основ. Достаточно отметить, что системный подход должен применяться при разработке всех ... элементов методологии» [3, с.46–50].

В более поздней работе исследователь подчеркивает наличие интеграционных связей криминалистики с правовой системой борьбы с преступностью [4, с.98–102].

Развивая эту мысль, ученый обоснованно отмечает: «...отсутствие глубокого интеграционного анализа мето-

дологических основ особенно заметно в криминалистике. Из учебника в учебник переходит весьма ограниченное число методов этой науки, которые в действительности не обеспечивают решение всех необходимых задач, а в результате – не обеспечивают необходимого уровня борьбы с преступностью. Исследование интеграционных процессов формирования методологических основ должно привести к развитию методологических теорий криминалистики, которые уже создаются учеными-криминалистами (теория крими-налистического отражения, теория криминалистической систематики и т.д.)» [4, с.98–102].

Проведенный нами сравнительный анализ методологических основ криминалистики подтверждает вывод белорусского ученого-криминалиста [5, с. 86–155]. Достаточно обратиться к учебнику, изданному в 1997 г. в г. Минске. В нем, в частности, методология определена как «учение о методах криминалистики» [6, с. 11–14]. Полагая, что подобный подход неверен, так как не отражает многих методологических концепций, входящих в методологию науки наряду с ее методами. Трудно согласиться и с «изложением нетрадиционного вида ситуалогической методологии» другим белорусским криминалистом, Г.А. Зориным [7, с. 43–48].

Мы солидарны с А.В. Дуловым в мнении о том, что методология криминалистики – это не просто набор методов. Методология науки представляет собой совокупность имеющихся научных знаний, включающую, в том числе, методы науки, систему мировоззренческих концепций и теоретических положений.

Правильность подобных высказываний можно проверить, обратившись к словарям В.И. Даля [8, с. 323] и С.И. Ожегова [9, с. 352].

В философских и энциклопедических словарях находим аналогичные определения. «Методология (от *метод* и *...логия*) учение о структуре, логической организации, методах и средствах деятельности; методология науки – учение о принципах построения, формах и способах научного познания» [10, с. 358, 359].

А.В. Дулов, говоря о месте системного подхода в методологических основах криминалистики, отмечает, что применительно к преступной деятельности все методы системного подхода обеспечивают структурный, функциональный, генезисный и коммуникативный анализ преступной деятельности, а также специальный метод системного исследования – выявления и анализа межэлементных связей в структуре преступления» [11, с.46–50].

Важные выводы ученого касаются и необходимости установления системы связей между криминалистической деятельностью и «элементами преступной структуры» [11, с.46-50], формирования особой интеграционной системы, в которой недостаточно применения только психологии. Необходимы основательные знания этики, процессов управления и т.д. [12, с.98–102].

Следует согласиться с точкой зрения А.В. Дулова на формирование особой интеграционной системы с одной оговоркой. Сегодня необходимы и комплексные системные научные исследования, представляющие собой сплав выводных практических знаний не только криминалистики, но и других уголовно-правовых наук. Общие методологические подходы, на наш взгляд, позволят улучшить состояние дел по борьбе с преступностью, а не «решить особый комплекс задач криминалистики». Очевидно, что при проведении подобных комплексных исследований чрезвычайно важно правильно определять предметную сферу каждой отрасли научного знания.

Литература:

1. Криминалистика: учеб. пособие / А.В. Дулов [и др.]; под ред. А.В. Дулова. – Минск: Экоперспектива, 1998. – 416 с. – С. 16.
2. Дулов, А.В. Место системного подхода в методологических основах криминалистики // Проблемы системных исследований в криминалистике и судебной экспертизе: сб. тезисов. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 4-5 декабря 2006 г. – М.: МАКС Пресс, 2006. – С. 47.
3. Дулов, А.В. Указ. соч. – С.46– 50.
4. Дулов, А.В. Изучение интеграционных процессов – важнейшая задача криминалистики // Использование достижений иных наук в криминалистике: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. с международным участием. Краснодар, 2008. – С. 98–102.
5. Смахтин, Е.В. Криминалистика в системе юридических наук уголовно-правового цикла: теория и практика: дис. ... д-ра юрид. наук / Е.В. Смахтин. – Екатеринбург, 2010. – С 62– 63.
6. Андреев, И.С. Криминалистика: учеб. пособие / И.С. Андреев, Г.И. Грамович, Н.И. Порубов; под ред. Н.И. Порубова. Мн.: Выш. шк., 1997. – С. 11–14.
7. Зорин, Г.А. Теоретические основы криминалистики. Мн.: Амалфея, 2000. – С. 43–48.
8. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1998. – Т. 2. – С. 323.
9. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1990. – С. 352.
10. Философский энциклопедический словарь / кол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. – 2-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – С. 358, 359.
11. Дулов, А.В. Указ. соч. С. 46–50.
12. Дулов, А.В. Указ. соч. С. 98–102.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Г.А. Шумак

Процессы коренных преобразований, происходящие в белорусском обществе и государстве, тесно переплетены, взаимосвязаны и взаимообусловлены. Каждая сфера функ-

ционирования общества – производственная, социальная, экономическая, культурная, правовая – требует взаимного обеспечения. Практика показывает, что невозможно успешно решать экономические проблемы без соответствующих преобразований в социальной сфере, как и наоборот: реформирование социального устройства общества требует совершенствования производственно-экономических отношений, развития культуры и правовых устоев общества. Не исключением является и правовая сфера. Без продуманного, научно обоснованного правового обеспечения все иные преобразования в обществе неизбежно будут носить хаотичный характер, противоречить друг другу и, в конечном счете, обречены на провал. С другой стороны, правовая реформа в стране может осуществляться в отрыве от реально существующих экономических, социальных и иных условий и обстоятельств. Право и правовые процедуры, как и в прежние времена, обусловлены материальными процессами и условиями жизни общества.

На пути реорганизаций, направленных на улучшение качества жизни людей, встречаются многие препятствия. Кроме угрозы отмеченного выше рассогласования сфер реформирования, среди других преград следует выделить особую опасность криминализации процессов преобразований в обществе. Внедрение преступных элементов в структуру взаимообусловленных связей социально-экономических и правовых реформ не только тормозит движение к достижению намеченных целей, но может превратить практически любое прогрессивное начинание в свою противоположность. Именно противоправная, и прежде всего, криминальная деятельность в начальный период социальных преобразований, стала причиной необъ-

яснимых на первый взгляд неудач успешно начавшихся реформ в экономике и социальной сфере ряда государств европейского и азиатского регионов.

Все сказанное выше приводит к мысли о том, что обеспечение реального противодействия преступным внедрениям в процессы стабилизации и развития общества на определенном этапе становится важнейшей задачей политических и государственных структур.

Такое реальное противодействие, в свою очередь, должно быть всесторонне обеспечено и научно обосновано. Соответственно этой задаче существенно возрастает роль и ответственность блока наук и научных дисциплин, представляющих теоретическую, методологическую и методическую основу противодействия преступности. Криминалистика в этом блоке занимает свое необходимое и незаменимое место.

Определяя актуальные задачи и тенденции развития белорусской криминалистики, следует обратить внимание, что сама постановка вопроса стала возможной лишь в последние годы. Отсутствие существенных особенностей не только в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, но и в реальных социально-экономических процессах, обеспечиваемых этим законодательством, приводило к тому, что криминалистика была наукой достаточно жестко централизованной, единообразной, лишь изредка допускавшей дискуссии, в основном, по проблемам своего внутреннего развития.

Сейчас ситуация изменилась. И не только в силу того, что законодательство и социально-экономическая ситуация в постсоветских государствах стали различаться. Вопрос еще и в том, что благодаря сочетанию научных традиций и исследовательского опыта старшего поколения кримина-

листов с новаторским их развитием учениками, в различных регионах постсоветского пространства, а также в ведомственных структурах (университетах, академиях МВД, научно-исследовательских институтах) стали обозначаться своеобразные подходы к научным проблемам, интенсивно развиваться отдельные направления криминалистики. Дальнейшее укрепление и последовательное развитие этих особых подходов привело в ряде случаев к формированию оригинальных криминалистических научных школ.

Представляется, что в настоящее время с полным основанием можно говорить о сформировавшейся и постоянно развивающейся белорусской университетской научной школе криминалистики. Лидером этой школы является доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Беларусь А.В. Дулов.

В числе учений научной школы А.В. Дулова важная роль принадлежит теории криминалистической структуры преступления. Необходимость ее разработки обнаружилась при тщательном анализе господствующего определения предмета криминалистики. В последние годы предмет криминалистики обоснованно определяется через те закономерности, которым подчинены познавательные и деятельностные процессы в ходе расследования преступлений [1, с.11–12]. Белорусские криминалисты обратили внимание на то, что из большого числа закономерностей, которые должна изучать криминалистика, выпадает важнейшее звено – само преступление, на выявление, расследование и предупреждение которого и направлена вся криминалистическая деятельность. Известно, что преступление изучается многими науками. Какой здесь криминалистический аспект? Какие закономерности преступления должна изучать криминалистика? Ответ на этот вопрос можно вывести из

контрвопроса: а что в преступлении не изучается другими науками? Уголовное право изучает поэлементный состав преступления с акцентом на те общественные отношения, на которые оно посягает. Криминология изучает преступление как социальное явление, его место и особенности среди множества других явлений. А что же представляет собой преступление с точки зрения технологической, деятельностиной, материальной?

Так родилась идея о необходимости исследования материальной структуры преступления, которая в процессе научной разработки чаще стала называться криминалистической структурой преступления [2, с. 42].

Криминалистическая структура преступления – оригинальное учение белорусской университетской школы, поставившее под сомнение универсальность и всеобъемлющий характер понятия преступлений, значительное время доминировавшего в нашей науке. Усилиями белорусских ученых создано стройное представление о преступлении как системе взаимосвязанных материальных элементов. Исследование криминалистической структуры преступления – это выявление и изучение подсистем, элементов, без наличия которых не было бы самого факта преступления (преступного результата). Такое исследование характеризуется определенной статичностью и призвано определить общую совокупность элементов. Так, в любом преступлении наличествуют субъект (лицо, совершившее его), объект (предмет, лицо, на которые направлено преступное воздействие), орудие преступления. Криминалистическое исследование имеет целью изучать параметры каждого элемента, их специфические свойства, которые приводят к тому, что объект, субъект становятся элементом структуры преступления. Здесь используются возможности

самых различных естественных, технических наук, их методов.

Криминалистическое учение о материальной структуре конкретизируется в методиках расследования отдельных видов преступлений. Одним из направлений такой конкретизации является исследование криминалистической структуры экономических преступлений

Проведение социальных и экономических реформ в нашей стране требует усиления борьбы с различными видами преступлений в сфере экономики. Корыстные посяательства на объекты государственной и частной собственности, на порядок осуществления предпринимательской деятельности, «теневые» хозяйственные операции, неуплата налогов являются серьезным препятствием на пути достижения конституционных целей и задач построения справедливого и динамично развивающегося общества.

Современная ситуация, складывающаяся в сфере материального производства и распределения ресурсов, требует новых научных подходов к разработке проблем борьбы с экономическими преступлениями. Прежде всего, необходим тщательный научный анализ конкретных социальных явлений, составляющих эту категорию преступлений.

Возникает необходимость определения криминалистических критериев отнесения преступлений к той или иной категории (группе, виду). Представляется, что применительно к экономическим преступлениям таким критерием является обязательность отражения преступных деяний в системе экономической информации [3, с. 282–284].

Важно обратить внимание, что отражение экономических преступлений в данных учета, отчетности, финансовых показателях и т.п. источниках может носить

как реальный, так и потенциальный характер. Это значит, что к категории экономических могут быть отнесены и преступления, которые в силу субъективных причин не нашли отражения в системе экономической информации (например, хищения заранее созданных излишков), но могли и должны были там отразиться.

Создание современной методики расследования экономических преступлений требует привлечения комплекса знаний из различных отраслей права, экономики и других наук. Круг проблем, требующих криминалистической разработки, вытекает, прежде всего, из задач расследования, определенных уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными нормами. Понятия объекта и субъекта преступления, взаимосвязи объективной и субъективной стороны, как и положения закона о предмете доказывания, составляют исходную базу создания криминалистической модели преступления. Тем не менее, решение задачи разработки методики расследования экономических преступлений, требует исследования более широкого круга явлений и процессов. Поэтому структура преступления, изучаемая в криминалистике, по своему содержанию богаче, шире аналогичных структур в уголовно-правовой, криминологической и процессуальной науках.

Сложность криминалистической структуры экономических преступлений обусловлена многообразием связей и отношений, складывающихся в ходе осуществления преступной деятельности. В зависимости от прикладных целей могут выделяться различные элементы этой структуры, исследоваться разнообразные их связи с переходом на более общие или конкретные уровни. Наиболее общая схема криминалистической структуры преступления включает в себя такие элементы, как объект, субъект, средства и меха-

низм совершения преступления. Элементы взаимосвязаны и функционируют в этой взаимосвязи. Преступление начинается в тот момент, когда эти элементы вступают во взаимодействие.

Понятие объекта преступления как элемента криминалистической структуры иное, чем в уголовном праве. Применительно к должностным экономическим преступлениям оно весьма синтетично. Прежде всего к нему относится то звено хозяйственного механизма, в рамках которого возникло и развивается преступление. Как правило, это определенное предприятие, учреждение, организация. В ряде случаев объект бывает уже – конкретный производственный участок, цех, магазин, склад. Иногда объект преступления охватывает совокупность предприятий, учреждений, организаций, связанных общей хозяйственной деятельностью.

Специфика данной группы преступлений позволяет в процессе криминалистического анализа объекта описать и обстановку преступления, так как они неразрывны, а также конкретный предмет посягательства – деньги и материальные ценности.

Характеристики объекта экономического преступления чрезвычайно разнообразны. Множественность критериев их классификации обуславливает различные подходы к разработке методики расследования. Изучение организации как объекта экономического преступления начинается с получения общих сведений о его виде, структуре, взаимосвязях, производственных и финансовых характеристиках. При этом выделяются организационная, техническая, финансово-экономическая, документальная подструктуры объекта. Изучение каждой из них осуществляется с помощью своих методов, основанных на соответствующих ви-

дах познаний.

Субъект как элемент структуры экономического преступления характеризуется следующими криминалистически важными чертами:

- возможность осуществления преступной деятельности в ходе выполнения своих профессиональных функций;
- наличие специальных знаний или профессионального опыта;
- возможность оказания противодействия выявлению и раскрытию преступления на основе знания системы защиты объекта и ее недостатков.

Необходимо учитывать также психологические особенности личности преступника, его волевые и интеллектуальные качества, степень контактности и другие характеристики. Криминалистический анализ субъекта предполагает изучение его личностных свойств во взаимосвязи с криминогенными признаками объекта экономических преступлений и средствами его совершения.

Анализ структуры экономических преступлений, совершаемых группой лиц, требует создания синтетической модели субъекта, отражающей функции и деятельность участников преступления как единого механизма.

Средства (орудия) совершения преступления – обязательный элемент его криминалистической структуры. Применительно к экономическим преступлениям он обладает существенной спецификой. Определенное значение имеет и традиционный круг орудий преступления – орудия взлома, транспортные средства, средства письма, орудия подчисток и исправлений в документах и т.п. Однако по данной категории дел таким орудиям отводится, как правило, вспомогательная роль. Наиболее распространенным средством совершения должностных экономических пре-

ступлений являются различного рода документы (нормативные, учетные, удостоверяющие), содержащие материальный или интеллектуальный подлог.

Особенности криминалистической структуры экономических преступлений позволяют рассматривать в качестве специфических средств совершения преступления и более широкий круг обстоятельств, в частности таких, существование которых делает возможным реализацию преступного замысла. Такие обстоятельства бывают двух видов – объектные и субъектные. К первой группе относятся существующие на предприятии объективно или созданные лицом умышленно условия образования, переработки и преступного изъятия излишков, криминальные отступления от правил технологического процесса, учета, контроля, распределения. К субъектным средствам совершения экономических преступлений относятся должностные функции лица, позволяющие создавать условия, осуществлять или скрывать преступление, его специальные познания, включающие и знание недостатков системы защиты, некоторые личностные свойства субъекта (накопленный преступный опыт, умение воспользоваться доверием и т.п.).

Таким образом, в орудиях и средствах совершения экономических преступлений наиболее рельефно проявляется взаимосвязь, а иногда и взаимопереход элементов структуры преступления и их отдельных характеристик. Криминалистическое значение этого элемента заключается главным образом в том, что именно средства совершения в наибольшей мере проявляются вовне в качестве признаков преступления. Изучение этого проявления лежит в основе методики выявления и расследования данной группы преступлений.

Самостоятельным элементом криминалистической

структуры является механизм совершения преступления. Уяснение этого механизма – неперемное условие и этап в расследовании. Механизм преступления представляет собой материальное выражение результатов взаимодействия элементов структуры преступления. Результат взаимодействия чаще всего проявляется в виде изменений объекта (отдельных его структур): снижения или рассогласования экономических показателей, нарушения установленных связей, ухудшения качества продукции и т.п. При длительном существовании преступной структуры конкретный результат развивается в такой элемент, как последствия – устойчивые негативные изменения в функционировании объекта, в привычках и образе жизни субъекта преступления, во взглядах и представлениях окружающих людей.

Основой расследования экономических преступлений, является обнаружение, изъятие и использование следов. В теории криминалистики убедительно доказывается неизбежность, закономерность формирования следов при совершении любого преступления. Экономические преступления, строго подчиняясь этому правилу, обладают в тоже время существенной спецификой процесса слеодообразования. Могут быть различные пути изучения этого процесса. Наиболее продуктивным является структурный подход.

Слеодообразование по данной категории дел представляет собой процесс, соответствующий этапам развития технологии преступления. Генетический анализ одного из видов экономических преступлений – хищения – позволяет выделить такие наиболее общие его этапы, как создание излишков, их переработка, реализация, использование результатов. Могут быть иные схемы, заключающиеся в основном в выпадении одного или нескольких этапов (например, хищение без создания излишков, хищение со-

зданных излишков без переработки и т.п.). На каждом их этапов в полном соответствии с законом отражения формируется своя система следов, носителями которых являются как сами элементы структуры хищения (объект, субъект, средства), так и различные элементы обстановки преступления.

На процесс следообразования при совершении экономических преступлений влияет ряд факторов, которые могут усиливать его или ослаблять. К ним следует отнести: устойчивость системы защиты объекта, четкость документирования хозяйственных операций, строгость в выполнении контрольных функций, охрана объекта – усиливающие факторы; тщательный подбор участников преступной группы, обеспечивающий «согласованность» при выполнении преступных действий и высокий уровень противодействия их раскрытию, наличие преступного опыта и специальных знаний у организатора и иных лиц, участвующих в преступлении, – ослабляющие факторы.

В основе образования следов экономических преступлений лежат те изменения, которые объективно происходят в результате преступных действий в подструктурах предприятия и фиксируются в материальных носителях и в сознании людей. Эти изменения могут отражать различные уровни взаимодействия элементов структуры преступления, быть «ближе» к самому событию или фиксировать лишь отдаленные связи. Взятые изолированно, они не могут однозначно расцениваться как результат преступных действий. Поэтому в экономической криминалистике вместо термина «следы» – чаще используется понятие «признаки» преступлений или даже «признаки возможных преступлений».

Изучение признаков совершения экономических пре-

ступлений целесообразно осуществлять применительно к отдельным подструктурам организации, рассматриваемой в качестве объекта преступления.

К ним относятся:

- в организационной подструктуре предприятия – изменения в осуществлении должностных функций лиц с целью обеспечения условия создания излишков, упрощения и иные непредусмотренные коррективы в деятельности системы защиты (изменение структуры документооборота, порядка осуществления контроля, визирования документов и т.п., сокращения в штатном расписании лиц, от которых может исходить угроза разоблачения); принятие на материально ответственные должности лиц, привлекавшихся к ответственности за корыстные преступления;

- в подструктурах менеджмента и маркетинга – неожиданные изменения в структуре внешних связей объекта, не вызываемые экономической целесообразностью; нарушения в порядке осуществления заготовительных операций, наличие претензий у поставщиков и сдатчиков сырья; искусственное создание на перерабатывающих предприятиях условий затоваривания, отсутствия свободных мест и т.п., при которых сдатчики оказываются в положении просителя;

- в технологической подструктуре – нарушение технологии изготовления изделий; снижение качества продукции; недовложение сырья; фальсификация используемых материалов; безосновательные изменения ассортимента выпускаемой продукции или оказываемых услуг (форсированный выпуск того вида продукции, при производстве которого достигается экономия); внедрение рациональных технологий без соответствующего оформления и пересмотра норм расхода материалов; применение фальсифи-

цированных лекал, матриц, инструментов;

– в подструктуре бухгалтерского учета и контроля – пересортица товарно-материальных ценностей, применение необоснованных норм выработки, норм списания материальных ценностей, непроведение в установленный период инвентаризаций.

Сложность использования отрицательных экономических последствий в качестве признаков преступлений обусловлена тщательным приспособлением противоправной экономической деятельности к нормативной.

Значительные возможности в элиминировании изменений, вызванных преступной деятельностью, от воздействия некриминальных факторов имеет экономико-криминалистический анализ финансово-экономической подструктуры организации. В качестве признаков возможных преступлений может рассматриваться необъяснимое экономическими причинами ухудшение отдельных показателей – рост себестоимости продукции, увеличение внепроизводственных расходов, издержек обращения, расхода отчетных показателей с показателями экономической модели, нарушение принципа непротиворечивости взаимосвязанных технико-экономических показателей, нарушение иной корреляционной зависимости, обуславливающей производственный процесс. Признаки обработки «теневых» операций могут содержаться в нормативной документации, отражающей технологический процесс, в данных оперативного учета времени работы станков и оборудования, в сведениях о размере начислений заработной платы производственным рабочим.

Особенностью взаимодействия элементов структуры экономических преступлений является концентрация подавляющего большинства признаков в документальной си-

стеме. Изменения в хозяйственной деятельности объекта, происходящие в результате совершения преступлений, находят отражения в различных документах, вызывая в них логические противоречия, технические подделки и другие нарушения, т.е. оставляя следы. Они же являются и главным средством выявления и расследования экономических преступлений.

Литература:

1. Осмотр места происшествия по делам о насильственной смерти: Пособие для следователей / под ред. А.В. Дулова, Н.И. Порубова. – Мн.: НИИ ПКК И СЭ, 1995. С. 11-12.

2. Криминалистика: учебник для вузов / Т.В. Аверьянова [и др.]; под ред. Р.С. Белкина. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА. М, 1999.- 990 с. С. 42.

3. *Шумак, Г.А.* Проблемы классификации и структурного анализа экономических преступлений // Проблемы развития юридической науки и совершенствования правоприменительной практики: сб. науч. тр. / редкол.: С.А. Балашенко (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2005. – С. 282–284.

К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ КРИМИНАЛИСТИКИ

М.В. Федончук

Несмотря на достаточно большое количество работ, посвященных общей теории криминалистики, в настоящее время среди ученых нет единого подхода к определению, содержанию и классификации методов криминалистики, применению криминалистических знаний как в правоохранительной деятельности, так и в иных сферах.

Вопрос о методах криминалистики продолжает оставаться актуальным, поскольку криминалистика: во-первых, является прикладной наукой; во-вторых, имеет комплекс-

ный характер; в-третьих, аккумулирует в себе наилучшие достижения других наук (химии, физики, биологии и т.д.) и использует их в целях обнаружения и фиксации следов преступления, раскрытия и расследования преступлений, выявления лиц, их совершивших, розыска людей, предметов и т.д.

Особую роль для криминалистики как науки, так и практической деятельности, имеют методы анализа, распознавания, моделирования и прогнозирования, которые являются, с одной стороны, общенаучными методами познания, а с другой – специальными криминалистическими методами, с помощью которых криминалистика исследует как реальные объекты (человек, предметы, следы и др.), так и идеальные (отраженные в сознании).

Криминалистика не стоит на месте, это постоянно развивающаяся наука. В последнее время ученые все чаще ищут новые аспекты и возможности использования достижений криминалистики в различных сферах юридической деятельности. Как показывает практика, криминалистические знания могут успешно использоваться не только в уголовном процессе, судебно-экспертной деятельности и оперативно-розыскной деятельности, но и в любой другой правотворческой и правоприменительной деятельности.

Так, Н.П. Яблоков полагает, что технико-тактический и технолого-методический арсенал криминалистики может эффективно использоваться в деятельности процессуального характера (гражданского, арбитражного и административного процессов), правовые нормы которых в определенной мере сродни уголовно-процессуальным нормам, а также в иной деятельности практикующих юристов (адвокатов, нотариусов, частных детективов и др.) [1, с. 11].

М.В. Жижина указывает на тенденцию к расширению

предмета криминалистики, которая подтверждается разработкой новых теорий, в частности, касающихся тактики профессиональной защиты, разработки организационных и тактических основ судебного следствия, в том числе тактики деятельности суда, государственного обвинителя и др. [2, с. 4].

Т.Д. Телегина считает, что одновременно необходимо исследовать возможности применения криминалистических рекомендаций не только в правоохранительной деятельности, но и при разрешении гражданско-правовых конфликтов и в других отраслях права [3, с. 57].

Кроме того, широкие возможности криминалистики, ее постоянно расширяющийся потенциал позволяют внедрять специальные криминалистические знания как в законотворческую деятельность в целом, так и использовать их в процессе проведения криминологической экспертизы нормативных правовых актов и их проектов в частности.

Вместе с тем А.А. Голованов справедливо отмечает, что механически переносить весь спектр криминалистических знаний в ту или иную сферу правоприменительной деятельности нельзя – требуется определенная адаптация. При этом следует иметь в виду, что содержание криминалистики, как и любой области научного знания, нуждается в определенном упорядочении [4, с. 62].

Изложенное свидетельствует о необходимости разработки криминалистического учения о применении специальных криминалистических знаний в иных сферах, непосредственно не связанных с криминалистикой. Применительно к проведению криминологической экспертизы нормативных правовых актов и их проектов основными направлениями разработки этого учения являются: 1) моделирование и прогнозирование преступлений; 2) модели-

рование криминальной обстановки; 3) моделирование отдельных элементов состава преступления (составов преступлений), признаков конкретной группы преступлений; 4) моделирование связей между отдельными элементами состава преступления (составов преступлений); 5) моделирование следов преступлений и лиц, их совершивших; 6) моделирование обстоятельств и условий, способствующих совершению преступлений.

Литература:

1. *Яблоков, Н.П.* Роль криминалистики в правоприменительной деятельности и практике подготовки юристов широкого профиля / Н.П. Яблоков // Вестник криминалистики. – 2008. – Вып. 1(25). – С. 10-15.

2. *Жижина, М.В.* Предмет криминалистики: история развития и современные представления / М.В. Жижина // Эксперт-криминалист. – 2011. – № 2. – С. 2-4.

3. *Телегина, Т.Д.* Развитие представлений о предмете криминалистики как науки и учебной дисциплины / Т.Д. Телегина // Вестник криминалистики. – 2010. – Вып. 4(36). – С. 51-57.

4. *Голованов, А.А.* Современные представления о предмете, объекте и системе криминалистической науки / А.А. Голованов // Вестник криминалистики. – 2010. – Вып. 4(36). – С. 60–63.

РАЗДЕЛ II

ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

СОВРЕМЕННЫЕ СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ

О.С. Бочарова, Т.Ю. Ритвинская

В целях повышения защищенности документов от возможной подделки, совершенствования механизмов оперативной и точной идентификации личности при пересечении границы, повышения качества и эффективности международных авиаперевозок, создания максимального комфорта для пассажиров возникла необходимость введения электронных (биометрических) паспортов.

Биометрический паспорт – это машиносчитываемый электронный ID-документ (идентификационный документ), в который имплантирован RFID-чип (чип, содержащий биометрическую информацию). В чип записываются биометрические характеристики владельца паспорта – отпечатки пальцев, изображение радужной оболочки глаза и другие, в зависимости от требований законодательства той или другой страны. В литературе используются также термины – «электронный паспорт» и «паспорт нового поколения».

В настоящее время, по данным ICAO, около половины стран-участниц ООН выдают биометрические паспорта, содержащие бесконтактный чип с интегральной схемой, на которой хранятся биометрические данные владельца

документа: оцифрованное фото лица, отпечатки пальцев (или радужной оболочки глаза), а также другие зашифрованные данные для идентификации. Сорок пять стран из числа тех, которые выдают е-паспорта, имеют (хранят) на документах одновременно данные и отпечатков пальцев, и изображение лица, в то время как 34 страны используют только оцифрованное фото владельца документа. Остальные 14 стран в настоящее время используют только изображение лица, но в ближайшее время они планируют использовать и данные дактилоскопии.

В качестве основной биометрической характеристики человека, совместимой с биометрическими системами на международном уровне, ИСАО определило *цифровое двухмерное изображение лица*, а отпечатки пальцев и изображение радужной оболочки глаза в качестве дополнительного, факультативного биометрического идентификатора.

В Республике Беларусь есть все необходимое, чтобы в самом скором времени ввести биометрические документы. Приборы, которые считывают информацию с чипов, Беларусь производит самостоятельно (ПАК «Регула 4305 МН»). Но готовность в этом вопросе еще не полная: предстоит создать центр по производству чипов и разработать систему записи данных. Что касается приборов, которые считывают информацию с чипов, то, как показал опрос контролеров органов пограничной службы, они нередко дают сбой и считывают на сегодняшний момент только информацию, расположенную в машиносчитываемой зоне и цветную фотографию без защитной сетки и других средств защиты.

Для того, чтобы паспорт соответствовал требованиям ИСАО, в чипы паспортов необходимо будет вносить отпе-

чатки пальцев и/или радужной оболочки глаза. Все десять отпечатков с руки не потребуются, как планировалось ранее, необходимо будет предоставить только два указательных, как уже принято в 100 странах мира.

Специалисты по работе с документами, удостоверяющими личность, считают, что в обозримом будущем будет развиваться традиционная паспортная книжка как основной документ для прохождения пограничного контроля во всем мире. Тем не менее, некоторые государства планируют вводить в обращение документы в виде пластиковой идентификационной карты (ID-карты). Такие документы облегчат пограничный контроль и регистрацию в аэропортах и будут действовать между странами в рамках двусторонних соглашений или в рамках регионов (например, в пределах Европейского Союза, где существует процедура безвизового перемещения через границу). Паспорта в виде пластиковых карт могут также служить и национальными идентификационными документами.

Каковы бы ни были конкретные требования к проездным документам нового поколения в каждой стране, эти документы должны удовлетворять определенным требованиям:

- размещение в документе защищенного хранилища признаков идентичности владельца, выполненного в виде микросхемы (чипа) с достаточной информационной емкостью;
- наличие в них биометрических характеристик их владельцев;
- обеспечение возможности автоматизированного чтения с идентификационного документа (ID) признаков идентичности;
- возможность комплексной, в режиме реального вре-

мени, верификации идентификационного документа;

- наличие автоматизированной системы сбора, обработки, хранения и поддержания в актуальном состоянии информации о владельцах ID, их персональных данных, а также данных учета о производстве, выдаче и аннулировании действия документов, удостоверяющих личность;

- возможность защищенного обмена запросами и ответами между государственными органами, уполномоченными на проведение проверочных мероприятий в отношении как самих ID, так и их предъявителей;

- защищенность ID от подделки, дублирования, изменения учетных и иных данных об их владельце;

- обеспечение верификации государственного органа, выдавшего данный документ;

- исключение возможности использования похищенных бланков ID, не прошедших стадию персонализации.

Работы над совершенствованием электронных паспортов продолжаются постоянно. Проходят консультации представителей ICAO с различными заинтересованными сторонами для определения того, какие дополнительные средства защиты могут быть включены в паспорта нового поколения.

Анализируя применяемый комплекс защитных средств в паспортах и визах Республики Беларусь, а также исследовав ряд документов различных государств, можно выделить некоторые направления совершенствования, как защитных средств, так и повышения качества контроля подлинности:

- комплекс элементов и средств технологической и физико-химической защиты, основанный на современных возможностях изготовления водяных знаков и специальных защитных красок;

– новые полиграфические средства и методы защиты документа;

– страница с установочными данными нуждается в наиболее сложных и не поддающихся имитации элементах и средствах защиты;

– комплекс защитных средств визовой марки во многом повторит требования к комплексу защитных средств документа.

Таким образом, введение высокозащищенных биометрических документов будет способствовать как укреплению национальной безопасности страны, так и улучшению имиджа Республики Беларусь на международной арене, повышению туристической и транзитной привлекательности нашей страны.

ПРИМЕНЕНИЕ ГОЛОГРАФИИ ДЛЯ РЕГИСТРАЦИИ И ХРАНЕНИЯ ТРЕХМЕРНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

В.Л. Григорович

Разрабатываемые криминалистикой способы регистрации и хранения информации об объектах, попавших в сферу криминальной деятельности, и следах преступления для ее использования в раскрытии, расследовании и предотвращении преступлений требуют совершенствования. На наш взгляд наиболее перспективным направлением решения этой задачи является внедрение в криминалистическую практику достижений голографии.

Обычные побитовые оптические системы записи информации для хранения ее в ячейках памяти компьютера и цифровых носителей работают следующим образом. Необ-

ходимая информация подается на модулятор, осуществляющий включение и выключение лазера. Последний на оптическом диске в двоичном коде записывает поступающую информацию. При этом луч лазера на светочувствительном слое диска создает точку диаметром до микрометра, в которой плотность записи информации значительно выше (до 1 бит/мкм²), чем в обычных запоминающих устройствах.

Оптические системы записи и хранения информации имеют ряд недостатков, связанных с конструктивными особенностями диска, которые не обеспечивают надлежащего предотвращения от внешних воздействий. Кроме того, увеличение плотности записи ведет к уменьшению размеров информационной площади регистрируемого материала, а это, как следствие, – к уменьшению надежности хранения информации. Еще одним существенным недостатком этих систем является их усложнение при образовании нескольких каналов, так как в каждом канале требуется свой модулятор и свои фокусирующие оптические устройства.

В настоящее время все большее внимание ученых-физиков (А.А. Акаева, С.А. Алымкулова, С.Б. Гуревича, А.Д. Давлетовой, К.М. Жумалиева, Т.А. Муратова и др.) привлекают голографические методы обработки информации, использующие интерференционную систему записи исходных данных, что связано с возможностью их применения для создания голографических запоминающих устройств (ГЗУ) большой емкости, кодирования информации, распознавания и сравнения изображений объектов и других задач. Возможность записи информации о различных объектах на один и тот же участок поверхности голограммы, а также во всем ее объеме позволяет обеспечить высокую плотность записи (до 100

бит/мкм²). ГЗУ более надежны, так как каждая точка голограммы содержит информацию о записанном коде, а возможность записи в общей голограмме нескольких подголограмм с различными опорными волнами обеспечивает многоканальную структуру голографической системы. Это открывает пути для создания компактных запоминающих устройств, в том числе и переносимых, причем виды записи могут быть самые разнообразные (графические, буквенные, цифровые, предметные и т.п.) [1, с. 7–26].

Обработка записанного на голограмме массива информации световым пучком происходит одновременно по всей голограмме (с огромной скоростью) – это особенно важно при хранении и осуществлении поиска в больших массивах криминалистической информации. Расчеты показывают, что плоская голограмма на пластинке размером 7х7 см вмещает 100 миллионов единиц информации, что соответствует библиотеке из 300 книг по 200 страниц каждая. Объемная голограмма способна сосредоточить миллион миллионов единиц информации в 1 см³. Задача состоит в том, чтобы удобно и быстро осуществить такую запись и, что особенно сложно, быстро извлечь из этой массы нужную информацию. Огромным преимуществом голографической записи является замена последовательного поиска, применяемого в других системах (перелистывание страниц, просмотр оглавления и библиографических карточек, прокручивание магнитных пленок), одновременным анализом всего блока памяти.

Голографический метод позволяет создавать трехмерное пространственное изображение криминалистического объекта, которое не может быть создано фотографическим или телевизионным способом. Кроме того, при голографи-

ческой записи можно использовать для хранения информации не только поверхность, но и объем записывающего материала. Вместе с тем голографическая запись полностью сохраняет способность суперпозиции накладываемых друг на друга интерференционных полей. Поэтому можно получить интерферограмму двух и более одновременно существующих объектов, а также объектов, голографируемых в разное время, в том числе и того же самого объекта, голографируемого в разное время. Это свойство голографической записи привело к созданию нового направления в интерферометрии, которое позволяет решать ряд задач, таких как, изучение измерения фазовой структуры прозрачных веществ, изучение деформации объектов, изучение характера их вибрации. Эти же методы используются для получения контуров глубины при измерениях профилей [2, с. 78–97].

Метод, описанный выше, позволяет производить не только быстрый поиск, но и обработку информации, например, осуществлять математические и логические операции, распознавать различные образы: разыскивать фотографии, на которых присутствует определенное лицо, или производить сравнение отпечатков пальцев рук, и многое другое.

Мы поддерживаем точку зрения ученых-криминалистов В.А. Андриановой и Г.А. Соболева о том, что применение голографического метода запечатления регистрационной информации открывает возможность создания голографического запоминающего устройства значительной емкости; голографический метод малочувствителен к потере некоторой части информации в отпечатке пальца и позволяет использовать всю информацию о папиллярном узоре, в том числе об особенностях его строе-

ния.

Р.С. Белкин отмечает, что голограмма может быть непосредственно сопоставлена с отпечатками пальцев из картотеки, а сочетание голографии с ЭВМ обеспечит автоматический поиск материала для такого сравнения. Представляется, что голографический метод может оказаться весьма перспективным и при использовании учета по внешним признакам, так как позволяет запечатлеть внешность проверяемого по учету лица с максимальной полнотой [3, с. 390–391].

В результате изучения использования голографии в развитии информационных систем обработки и хранения голографических изображений криминалистических объектов мы пришли к выводу, что отдельные успехи еще не определили целиком возможности создания в настоящее время достаточно технологичных систем с плотностью по всей поверхности, указанной выше. Среди существующих трудностей остается наличие помехоустойчивости и перекрестных искажений, мешающих при использовании мультиплексирования. Можно надеяться, что эти трудности в ближайшем будущем будут преодолены и в этом направлении имеются значительные успехи.

Литература:

1. *Акаев, А.А.* Голографические системы хранения и выборки информации / А.А. Акаев, С.Б. Гуревич, К.М. Жумалиев. – Бишкек–СПб.: Илим, 2000. – 406 с.
2. *Горцев, Т.А.* Цифровая голография // Применения голографии. – М.: Мир, 1999. – С. 75–102.
3. *Белкин, Р.С.* Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов. – 3-е изд. доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. – 837 с.

ФОРМАЛИЗАЦИЯ ПОДХОДОВ ГОЛОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Д.И. Дмитриенок

Впервые мысль о возможности использования голограммного метода для создания изобразительной техники, которая бы воспроизводила полную иллюзию действительности, была озвучена в работах ученого-физика Ю.Н. Денисюка ещё в 60-х – начале 70-х гг. прошлого века [1]. Высказанная научная гипотеза непреднамеренно положила начало синтезированию знания о новом физическом явлении собственно на криминалистическом фундаменте. Тогда еще никто не мог предположить, что всего через несколько десятилетий метод голографирования реальных объектов и их сочетаний будет призван на службу криминалистике и участвовать в борьбе с преступностью в качестве прикладного инновационного метода. В конце 70-х – начале 80-х гг. XX в. А.В. Дулов в своем научном труде, посвященном основам расследования преступлений, предложил рассматривать преступление в виде специфической системы, познание которой требует осмысления ее структуры как внутреннего строения данной системы. Для этого необходимо выявлять совокупность материальных элементов, которые обязательно имеются в наличии при совершении конкретного вида преступления, поскольку без них последнее не может быть совершено [2, с. 35]. Примерно в это же время голография, как прикладной криминалистический метод, стала эффективно участвовать в познании преступления как системы, имеющей свою материальную структуру. Собственно голографические технологии, используемые для моделирования материальной среды пре-

ступного события, оказали огромное влияние на эволюционный скачок информационного технологического общества в рамках противодействия преступности.

При расследовании преступлений моделирование материальной структуры преступления начинается с исследования материальной обстановки, в которой развивались преступные события. Современная голография как прогрессивный метод криминалистики, направлена, прежде всего, на построение объемных моделей материальных следовых отображений преступного события, возникающих в результате взаимодействия элементов материальной структуры преступления и оставленных в результате такого взаимодействия в каком-либо исследуемом пространстве, т.е. на месте происшествия.

Применение интерференционной, видовой и композиционной голографии в нынешней следственной и экспертной практике – результат интегрирования новой технологии в криминалистическую науку. При этом сегодняшние следователи и специалисты, применяющие при расследовании преступлений голографические новации, возможно, не задумываются об их разновекторном научном базисе и о том, что имплементация положений голографической теории в криминалистическую теорию отражения открывает перспективы: во-первых, для оптимизации построения и проверки следственных и экспертных версий и, во-вторых, для повышения раскрываемости уголовных дел ввиду более качественной фиксации и моделирования элементов следовой картины и места происшествия в целом. Сущность криминалистической голографии состоит в запечатлении объектов, попавших в поле уголовно-опасной деятельности, следообразующих и следовоспринимающих элементов материальной структуры преступления, обста-

новки места преступного события в целях дальнейшего их исследования и использования в процессе доказывания истины по делу.

Сегодня в вопросе криминалистического применения голографии в большей степени рассматривается *объектно-ориентированный подход*. Он предполагает голографическое построение материальных следовых отображений преступного события в каком-либо исследуемом пространстве (место происшествия) и в перспективе создание на основе подобного построения трехмерных моделей обстановки места происшествия. Это – криминалистическая голография в статике, отражающая только застывшие материальные отражения следовой картины происшедшего преступления и позволяющая приблизиться к визуализации системных взаимосвязей между элементами материальной структуры каждого конкретного преступления. Однако возможности современной голографии на этом не иссякают. Некоторая функциональная ограниченность анализируемого подхода порождает детерминанты для появления в обозримом будущем иного прикладного научного направления в сфере криминалистического применения голографии, основанного на динамической визуализации связей между элементами следовой картины преступления, возникающих в результате участия в преступном событии соответствующих лиц [3, с. 24]. Преактивизм голографической теории с большой долей вероятности прогнозирует появление в скором времени *субъектно-ориентированного подхода*, нацеленного на построение интерактивной управляемой голограммы в рамках ретроспективного анализа генезиса следовых связей между элементами материальной структуры преступления. В настоящее же время теоретическое обоснование и техническое обеспечение голографиче-

ской эволюции позволяет наиболее качественным образом отрабатывать следственные версии и экспертные предположения на основе статического голографического исследования обстановки места происшествия и ее деталей.

В изучении материальной структуры преступления посредством *объектно-ориентированного* голографического моделирования следует выделить несколько ступеней.

Первая ступень криминалистического применения голографии реализуется в рамках построения голограммы как трёхмерной модели единичного следового криминалистического объекта для отработки следственных версий и экспертных предположений: *единично-объектная*.

На данной ступени следователь при помощи специалиста фиксирует и изучает единичный объект преступления, руководствуясь задачами первичного сбора доказательственной информации, а эксперт, в свою очередь, осуществляет моделирование голограмм в качестве специфического метода изучения следовых характеристик данного объекта.

Вторая ступень криминалистического применения голографии предполагает создание трёхмерной модели целостной следовой картины для отработки следственных версий и экспертных предположений: *совокупно-объектная*. Здесь следователь (эксперт) сопоставляет уже несколько объектов в совокупности в рамках единой голографической модели места происшествия.

И первая, и вторая ступень криминалистического применения голографии реализуется посредством двух вариантов создания голограммы объемного типа: *традиционного (аналогового)* и *цифрового*. Традиционная аналоговая голограмма записывается в результате процесса формирования изображения в два этапа – получение голограммы и

восстановление изображения объекта. При реализации второго варианта алгоритм получения трёхмерного голографического изображения криминалистического следового объекта в пространстве (на плоскости) включает следующие шаги: сканирование; конверсия; воспроизведение (премоделирование; текстурирование; освещение; анимация; динамическая симуляция; визуализация (рендеринг); компоновка (компози́тинг); вывод полученного изображения, т.е. созданной трехмерной модели, на устройство вывода – 3D графическую плоскость – или в некое ограниченное пространство).

Типы построения трехмерных голограмм имеют ценные для исследования криминалистических объектов и их следовых характеристик возможности: не подвергают объект разрушительному воздействию; обеспечивают полную фиксацию и сохранность изображения объекта; точно воспроизводят форму и особенности его внешнего строения в трех измерениях; позволяют осуществлять фиксацию через искажающую среду.

Указанные две ступени применения голографии представляют собой обязательные формы реализации *объектно-ориентированного*, статического *подхода* в исследовании материальной структуры преступления.

Однако, на наш взгляд, исходя из перспективы появления динамического *подхода* – *субъектно-ориентированного*, считаем возможным выделить в качестве следующей (*третьей*) эволюционной *ступени* применения метода голографического моделирования *семантико-субъектную ступень*. Именно она позволит использовать криминалистическую голограмму в качестве средства динамической визуализации связей между следовыми характеристиками элементов материальной структуры пре-

ступления в пределах отдельно взятого конкретного места происхождения.

Объектно-ориентированный подход основан на фундаментальных положениях криминалистической науки о материальной структуре преступления в части аналитики материальных следовых отображений как характеристик её элементов. Подобным образом он определяет криминалистическую голографию в статике, т.е. просто устанавливает объекты и следы, подлежащие криминалистическому анализу со стороны следователя и эксперта. В отличие от него будущий *субъектно-ориентированный подход* предвосхищает криминалистическую голографию в динамике, фиксирует не просто объекты и следы, а устанавливает взаимосвязи между ними, вариативно предполагает, как их можно сопоставить между собой и проследить вычислительным ретроспективным путем генезис следообразования, квинтэссенцию криминального взаимодействия, чтобы получить полную картину преступления, которая была в момент его совершения.

Если представить любое преступление в виде описания его материальной (криминалистической) структуры, становятся очевидными следующие закономерности:

- 1) обуславливающие включение отдельных объектов материального мира в систему преступления в качестве элементов структуры;
- 2) функционирования в качестве элементов структуры;
- 3) функционирования связей между элементами криминалистической структуры преступления и окружающей средой;
- 4) развития преступления;
- 5) образования отражений;
- 6) обнаружения, фиксации, изъятия, сохранения, ис-

следования следов преступления [4, с. 116].

Объектно-ориентированный подход криминалистического применения голографии позволяет инновационно подойти в основном к практике применения исследования закономерностей шестого порядка из приведенного списка, т.е. закономерностей обнаружения, фиксации, изъятия, сохранения, исследования следов преступления. Также данный подход позволяет работать с закономерностями первого и второго порядка из вышеприведенного списка – участвует в процессе включения отдельных объектов материального мира, найденных на месте происшествия, в систему преступления в качестве резонирующих элементов материальной структуры. Область его функционирования, таким образом, очевидно ограничена.

В свою очередь *субъектно-ориентированный подход*, которому в отечественной криминалистике вообще не уделяется внимания, направлен на системное обслуживание всех остальных закономерностей возникновения и функционирования (взаимодействия) элементов материальной структуры преступления. Он основан на голографическом построении динамической ретроспекции поведенческих линий предполагаемого преступника, жертвы (потерпевшего) в привязке к элементам материальной среды, прежде всего к таким как средства, орудие преступления и следовые отображения в реальной обстановке. Иными словами речь идет о голографическом воссоздании особенностей динамики наступления и развития преступного события [5, с. 145].

Итак, при реализации объектно-ориентированного подхода в рамках изучения закономерностей существования материальной структуры преступления голографиро-

вание может применяться:

- в части закономерностей первого и второго порядка – для построения объемных моделей криминалистических следовых объектов и целостных голографических следовых картин,

- в части закономерностей шестого порядка – для проведения экспертных измерений и сравнительного анализа материальных следовых характеристик объектов с мест происшествия.

Современная голография как прогрессивный метод криминалистики, направлена, прежде всего, на моделирование материальных следовых отображений преступного события, возникающих в результате взаимодействия элементов материальной структуры преступления и оставленных в результате такого взаимодействия в каком-либо исследуемом пространстве, т.е. на месте происшествия. При этом в дальнейшем возможности голографии позволяют заняться построением уже целостных трехмерных моделей обстановки места происшествия. Все это свидетельствует о перспективном развитии в настоящее время такого криминалистического подхода в голографическом исследовании материальной структуры преступления, как объектно-ориентированный подход, но также не исключает возможность становления и более прогрессивного – субъектно-ориентированного подхода.

Литература:

1. Денисюк, Ю.Н. Оптическая голография и ее применение / Ю.Н. Денисюк. - Л.: ЛДНТП, 1974. – 105 с.
2. Дулов, А.В. Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами / А.В. Дулов. – Минск: Университетское, 1985. – 168 с.

3. Гучок, А.Е. Криминалистическая структура преступления / А.Е. Гучок. – Мн.: БГУ, 2007. – 151 с.

4. Дмитренко, Д.И. Криминалистическая голография как фактор обеспечения национальной безопасности / Д.И. Дмитренко, Т.М. Шульгина // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2013. – № 1 (1). – С. 20–26.

5. Дмитренко, Д.И. Голографический метод в криминалистике: генезис субъектно-ориентированного подхода / Д.И. Дмитренко, Т.М. Шульгина // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире: материалы I Междунар. научн.-практ. конф., Санкт-Петербург, 13-15 марта 2013 г. – С. 139–146.

ПОВТОРНАЯ ОЛЬФАКТОРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА В РОССИИ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ

Н.Н. Кутаев, В.Н. Кутаева

Экспертиза запаховых следов человека (ольфакторная) определена, как один из видов биологических исследований тканей и выделений человека, выполняемых судебными экспертами органов внутренних дел России [1]. При этом, «в качестве анализатора пахучих веществ используется орган обоняния специально подготовленной служебной собаки» [2, с. 246].

В Указании № 8/208 Председателя Следственного Комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкина говорится, что при росте числа судебных экспертиз запаховых следов человека «...их выводы ни разу не признавались судебными инстанциями недопустимыми доказательствами» [3]. Однако существует исследование, показывающее неблагоприятную ситуацию при оценке такого вида доказательств.

Одним из способов проверки достоверности заключения судебной экспертизы является назначение повторной экспертизы. Среди авторов, исследующих проблемы су-

дебной экспертизы запаховых следов, только В.И. Старовойтов и Т.Н. Шамонова упоминают о возможности повторной экспертизы. Они подчеркивают, что результаты экспертизы запаховых следов человека приобретают доказательственное значение только при выполнении следователем и экспертами комплекса правовых, организационных и методических мероприятий, к которым названные ученые относят «возможность проведения дополнительного и повторного исследования другими экспертами, в другом экспертно-криминалистическом подразделении» [4, с. 117].

По утверждению В.И. Старовойтова и Т.Н. Шамоновой, одним из наиболее часто встречающихся недостатков в следственной практике при назначении экспертизы запаховых следов является нарушение закона при назначении повторной экспертизы: постановка дополнительных вопросов в постановлении, предоставление на экспертизу объектов, не исследовавшихся в первичной экспертизе [4, с. 87]. Примеров сказанному названные авторы не приводят, нет ни одного примера проведенной повторной экспертизы в многочисленных публикациях, посвященных ольфакторной экспертизе.

Наши исследования показывают, что повторные экспертизы запаховых следов человека вообще не проводились в ЭКЦ ГУ МВД России: по Ставропольскому краю [5], по Алтайскому краю [6], по Волгоградской области [7], по Ярославской области [8], по Республике Хакасия [9]. Заместитель начальника ЭКЦ МВД России Г.В. Саенко признал, что «за последние десять лет в практике ЭКЦ МВД России и экспертно-криминалистических подразделений территориальных органов внутренних дел Российской Федерации повторные экспертизы запаховых следов человека не производились» [10].

Мы полагаем, что потребность в назначении повторной ольфакторной экспертизы должна объективно возникать хотя бы потому, что при производстве любого вида экспертизы могут допускаться и допускаются ошибки.

По нашему мнению, проведение повторной ольфакторной экспертизы невозможно по следующим причинам.

1. Для производства повторной экспертизы необходимо сохранение объекта исследования. Для ее проведения может оказаться недостаточным части объекта.

Кроме того, существует серьезная проблема с хранением объектов, представляемых на экспертизу, а также пахучих проб, получаемых с этих объектов. Как указывают сами эксперты, «при работе с запаховыми следами следует учитывать их летучесть и наличие микробного загрязнения, что негативно сказывается на сохранности запаховых следов. Вследствие этого результаты повторной экспертизы (в случае, если она может быть проведена – сохранились запаховые следы) могут отличаться от результатов первичной» [11]. Это важнейшее обстоятельство, как мы полагаем, должно учитываться при оценке заключения повторной экспертизы, чьи выводы отличаются от выводов первичной экспертизы запахов.

2. Главным методом ольфакторного исследования является известный из зоопсихологии метод выбора из множества по образцу на основе анализа рефлексии животных. Исследование предполагает контроль сигнальных реакций животных, оценку причины этих реакций, подбор оптимальных условий эксперимента для объективного изучения ольфакторных характеристик следов человека с различных предметов-носителей. Используемая в экспериментах система контроля и оценки сигнального поведения собак-детекторов характеризуется, в частности, следующим:

обеспечение условий «слепого опыта» с участием в исследовании двух экспертов; проверка воспроизводимости результатов с применением группы собак-детекторов – при независимом применении сначала одной, а потом еще двух собак-детекторов [12].

По нашему мнению, проведение повторной ольфакторной экспертизы предполагает не только участие новых экспертов (ч. 2 ст. 207 УПК Российской Федерации), но и использование других собак-детекторов. Если результаты повторной экспертизы запаховых следов будут отличаться от выводов, содержащихся в заключении первичной экспертизы, то возникнет проблема с оценкой заключений экспертов, которой, в частности, подлежит такое условие достоверности заключения эксперта, как надежность примененной экспертом методики. В связи с тем, что в Российской Федерации данный вид судебной экспертизы проводят в экспертных учреждениях МВД, методика экспертного исследования одна, но биологический «детектор» – обоняние соответствующим образом дрессированной собаки – разный.

Не существует никаких объективных критериев, позволяющих считать, что качество обоняния собаки-детектора из одного экспертного подразделения лучше, чем из другого, отчего само проведение повторных ольфакторных экспертиз теряет смысл.

Изучение судебной практики показывает, что заключение судебной экспертизы запаховых следов человека не имеет существенного значения: в случае исключения его из числа доказательств это не препятствует постановлению обвинительного приговора.

Литература:

1. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД РФ от 29 июня 2005 г. № 511 // СПС «Консультант-плюс».
2. Криминалистика: учебник / под ред. проф. В.А. Образцова. – М. : Юристь, 1997. – 744 с.
3. О совершенствовании организации использования запаховых следов человека при расследовании преступлений: Указание Председателя СК РФ № 8/208 от 11 августа 2011 г.
4. *Старовойтов В.И., Шамонова Т.Н.* Запах и ольфакторные следы человека. – М. : ЛексЭст, 2003. – 128 с.
5. Письмо начальника ЭКЦ ГУ МВД России по Ставропольскому краю № 1/3628-К-695 от 18 октября 2013 г. // Личный архив Китаевой В.Н.
6. Письмо начальника ЭКЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю № 8/2-1874 от 23 октября 2013 г. // Личный архив Китаевой В.Н.
7. Письмо начальника ЭКЦ ГУ МВД России по Волгоградской области № 15/К-11 от 21 октября 2013 г. // Личный архив Китаевой В.Н.
8. Письмо начальника ЭКЦ УМВД по Ярославской области № 13/к-3 от 15 ноября 2013 г. // Личный архив Китаевой В.Н.
9. Письмо начальника ЭКЦ МВД по Республике Хакасия № 35/1930 от 28 октября 2013 г. // Личный архив Китаевой В.Н.
10. Письмо № 37/17-К-47 от 16 октября 2013 г. // Личный архив Китаевой В.Н.
11. Письмо ЭКЦ УВД по Кировской области № 33/А-1 от 15 марта 2011 г. // Личный архив Китаевой В.Н.
12. *Старовойтов В.И.* Судебная ольфакторная экспертиза следов пахнущих веществ из крови и пота человека // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2011. – № 12. – С. 70–79.

РАЗДЕЛ III

ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

ОСОБЕННОСТИ РАЗРЕШЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ СИТУАЦИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ТАКТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ «АТРИБУЦИЯ ТРУПА»

Д.В. Алымов

Расследование убийств, когда личность погибшего не установлена, требует проведения комплекса следственных, оперативно-розыскных, экспертных и иных действий, направленных на установления целого ряда обстоятельств и фактов, позволяющих сделать вывод о принадлежности трупа. Эффективность работы, связанной с установлением личности погибшего во многом зависит от степени организации и координации различных служб органов внутренних дел, а также гражданских специалистов и экспертов.

Подавляющее большинство опрошенных нами следователей считают, что расследование убийств при наличии неопознанных трупов должно производиться в форме тактической операции.

При этом отмечается, что характер действий следователя по установлению личности погибшего целиком и полностью зависит от сложившейся следственной ситуации.

По нашему мнению, именно тактическая операция является залогом успеха в деле по получению информации о личности погибшего, так как позволяет действовать системно, исключая при этом грубые следственные ошибки.

Одной из таких операций является тактическая операция «Атрибуция трупа», которая направлена на установле-

ние личности неизвестного погибшего путем решения широкого спектра задач, связанных с проведением идентификационных исследований, анализом места и времени совершения преступления, а также информации о виктимологических составляющих потерпевшего, исходя из сложившейся следственной ситуации, используя при этом специальные знания различных областей науки и опираясь на разработанные криминалистикой теоретические и практические рекомендации.

Следует признать, что в настоящее время практика планирования и проведения действий по расследованию убийств при наличии неопознанных трупов, накопила значительный положительный опыт. Однако известно немало случаев, когда действия следователя в простейших следственных ситуациях приводит к грубым ошибкам, существенно нарушающим или усложняющим структуру поисково-познавательной деятельности, и приводящим к отрицательным результатам при решении частных тактических задач расследования.

На наш взгляд, причиной следственных ошибок, возникающих при анализе типичных следственных ситуаций в рамках тактической операции «Атрибуция трупа», является информационная неопределенность, которая может обуславливаться недостающей информацией, либо непониманием информации следователем.

Необходимо отметить и то, что в рамках производства тактической операции «Атрибуция трупа» следственные ошибки могут возникнуть из-за отсутствия критического анализа сложившейся на момент расследования ситуации, особенно в тех случаях, когда, на первый взгляд, имеются достоверные данные, указывающие на принадлежность трупа.

Так, в г. Курске по делу об убийстве 17 июля 2006 года, в ходе осмотра места происшествия обнаружен обгоревший труп, находившийся возле автомобиля, зарегистрированного на имя Д.

Следователь сделал вывод, что труп принадлежит именно Д., но никакой подтверждающей информации в деле не имеется. При назначении судебно-медицинской экспертизы трупа, следователь в своем постановлении указал, что на экспертизу направляется труп Д. Уголовное дело было возбуждено об убийстве Д., поскольку следователь был убежден, что труп принадлежит Д., не стал назначать портретную экспертизу.

Позднее выяснилось, что Д., злоупотреблявший наркотиками, умер от передозировки в лечебном учреждении, а на месте происшествия обнаружен труп неизвестного человека [1].

Ошибка следвателя очевидна, поскольку он стал моделировать преступное событие, в частности, информацию о погибшем на основе не подтвержденных данных.

Таким образом, отсутствие достоверных или наличие ошибочных выводов следвателя порождает проблемную следственную ситуацию либо существенно ее искажает.

С целью оптимизации следственной работы и минимизации негативных последствий, возникающих при разрешении сложившихся следственных ситуаций, предлагается использовать алгоритм, состоящий из следующих этапов:

- 1) на начальном этапе производства данной тактической операции усилия следвателя должны быть направлены не на решение конкретной тактической задачи (установление личности погибшего), а на преодоление информационной неопределенности;

2) сопоставление имеющейся следственной ситуации с типичной, характерной для производства рассматриваемой тактической операции;

3) в случае наличия в сложившейся следственной ситуации определенной совокупности индивидуальных черт – осуществить создание обобщенной типовой модели соответствующих действий следователя, либо применить по-критериальную доводку тактической операции;

4) определить возможности использования стандартных средств и методов, разработанных исследуемой тактической операцией;

5) определить содержание тактической операции;

6) произвести тактическую операцию;

7) оценить полученный результат на основе его сопоставления со сложившейся на начальном этапе следственной ситуацией;

8) сделать вывод о возможности производства тактической операции «Атрибуция трупа» в случае повторения подобной следственной ситуации.

Литература:

1. Архив Курской областной прокуратуры, 2006. № 236876.

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Г.К. Авдеева

Со второй половины XIX века до настоящего времени благодаря интеграции научных знаний судебная экспертиза прошла путь от эпизодического проведения почерковедческих, дактилоскопических и других криминалистических экспертных исследований к разработке научных ос-

нов судебной экспертизы, созданию новых ее видов, новых методов и методик, современных научно-технических средств и инновационных экспертных технологий [1].

В настоящее время активно развиваются исследования телекоммуникационных систем, цифровых фонограмм и видеозаписей, компьютерной техники и программных продуктов, проводится работа по усовершенствованию методик других видов судебных экспертиз. Разрабатываются основы экологической экспертизы, экспертизы водного транспорта, пищевых продуктов.

Новейшие достижения научно-технического прогресса позволили усовершенствовать деятельность судебных экспертов настолько, что решение многих задач судебной экспертизы без использования современных информационных технологий стало невозможным.

На сегодня без использования современных автоматизированных информационно-поисковых систем (АИПС) из-за многообразия товаров народного потребления сложно решить задачи по установлению вида и источника происхождения объектов. Для решения данных задач сформированы и активно используются в экспертной практике электронные АИПС обуви, холодного и огнестрельного оружия, фарного (и другого) стекла, горюче-смазочных материалов, лаков и красок, металлов, сплавов и изделий из них и другие.

Многие АИПС являются компонентами созданных и успешно функционирующих автоматизированных рабочих мест (АРМ) судебного эксперта.

В Украине разработана система поддержки судебной экспертизы «Еврика», представляющая собой АРМ судебного эксперта для проведения экспертизы кабельных изделий по следам оплавлений. Созданы и другие электронные

системы и базы данных – «Кортик» (экспертиза холодного оружия), «Балекс» – (судебно-баллистическая экспертиза), «Наркоэкс» – для исследования наркотических веществ, «ФАРА» – для исследования фар транспортных средств и их осколков и другие. Все системы работают в диалоговом режиме, судебные эксперты отвечают на типовые вопросы «компьютера», который автоматически формирует проект заключения судебной экспертизы. На завершающем этапе эксперт оценивает результаты исследования, редактирует текст заключения экспертизы и распечатывает его.

Использование инновационных технологий позволило расширить возможности технико-криминалистического исследования документов, повысить достоверность и научный уровень исследований при решении большинства экспертных задач. Например, с помощью металлографических микроскопов с 500-кратным увеличением, снабженных средствами цифровой фото- или видеосъемки, появилась возможность устанавливать последовательность нанесения текстов и знаков даже при отсутствии участков их пересечения.

В настоящее время ведутся работы по созданию коллекции цифровых (компьютерных) моделей объектов технико-криминалистического исследования документов для создания различных АИПС.

На сегодня разработаны автоматизированные рабочие места судебных экспертов различных экспертных специальностей (трасолога, баллиста, экономиста, фоноскописта, психолога и других), новые приборы и комплекты многофункциональных устройств для исследования и фиксации доказательственной информации (например, «Полевая минифотолаборатория» [2]), разработаны методики исследования новых объектов судебной экспертизы, созданы

различные информационно-поисковые системы и базы данных.

Значительно расширены возможности судебно-биологических исследований, использующих современные достижения в области математического моделирования. В рамках данного вида экспертизы сегодня с успехом решаются новые диагностические задачи, связанные с установлением времени осуществления конкретных действий (событий) по специфическим изменениям объектов в соответствии с биологическими закономерностями (например, установление времени смерти потерпевшего по степени развития трупных насекомых).

Судебно-экологическая экспертиза также сегодня находится в процессе формирования. Разрабатываются критерии классификации объектов и экспертных методик данного вида судебной экспертизы. Предложены варианты классификации объектов исследования в зависимости от места катастрофы (земля, вода, воздух), или от вида самих катастроф (взрыв, наводнение). В последнее время судебно-экологические экспертизы проводятся все чаще. Касаются они, в основном, таких событий, как выброс вредных веществ в окружающую среду и загрязнение рек и водоемов.

Процесс развития судебной экспертизы находится в прямой зависимости от потребностей следственной и судебной практики. Именно она определяет актуальность тех или иных научных исследований, необходимых для установления обстоятельств, значимых для расследования преступлений.

А.В. Дулов справедливо считает, что на развитие судебной экспертизы и степень использования инновационных технологий в судебно-экспертных исследованиях

«влияют такие факторы: уровень знаний в различных отраслях науки и развитие общих методов познания – с одной стороны, и изменение форм уголовного процесса, роли судебной экспертизы в этом процессе, норм, регулирующих её деятельность – с другой» [3, с. 5].

Литература:

1. Дулов, А.В. Из истории криминалистической экспертизы в России. Экспертиза документов / А.В. Дулов, И.Ф. Крылов. – М.: Госюриздат, 1960. – 165 с.

2. Шенітько, В.Ю., Авдєєва, Г.К. «Польова» мініфото-лабораторія». Свідощтво №33553 про реєстрацію авторського права на твір, видане Державним департаментом інтелектуальної власності МОН України 02.06.2010. Бюл. №1.

3. Дулов, А.В. Вопросы теории судебной экспертизы в советском уголовном процессе. – Минск: Изд-во БГУ, 1959. – С. 5.

ТЕСНАЯ СВЯЗЬ НАУКИ И ПРАКТИКИ – ПАРАДИГМА СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О.С. Бочарова, О.М. Дятлов

Деятельность судебно-экспертных учреждений не должна ограничиваться только проведением экспертиз для судебных и следственных органов. Они обязательно должны осуществлять и научно-исследовательскую работу, без чего неминуемо будет происходить отставание судебных экспертов от современного уровня науки [1, с. 3]. Отмечая огромный вклад Андрея Васильевича Дулова в науку криминалистику и теорию судебной экспертизы, нельзя не упомянуть этот его основной постулат относительно использования в процессе осуществления правосудия научных знаний, что приводит к необходимости существенно повысить уровень всей судеб-

но-экспертной деятельности, складывающейся не только из собственно экспертной работы, но и ее научно-исследовательской и методической составляющих, обучения и переподготовки экспертов, их вклада в профилактику и прогнозирование преступности.

Методологической основой научных исследований в области судебной экспертизы являются знания всего комплекса закономерностей, которые изучает криминалистика в совокупности с комплексом знаний естественных, технических, биологических и иных отраслей науки.

Предметом научного исследования криминалистики является изучение закономерностей материальных процессов такого явления, как преступление. Если криминология и уголовное право изучают преступление как социальное явление, то криминалистика изучает материальную структуру преступления, закономерности взаимодействия элементов материальной структуры преступления, его взаимосвязи с другими системами, с окружающей средой.

Совокупность элементов структуры преступления еще не создает самого преступления, необходимо чтобы данные элементы вступили во взаимодействие и появился собственно механизм совершения преступления (включая его этапы и последствия совершения), что является самостоятельным направлением научных исследований. Появление любых новых видов преступлений влечет за собой и необходимость изучения в криминалистике новых объектов (как например, множество новых видов документов, компьютерно-информационных систем, транспортных средств и т.д.).

Изучение различных групп объектов, выступающих в качестве элементов структуры преступления, может осу-

ществляться только с помощью судебно-экспертных учреждений, где постоянно исследуются различные объекты, орудия совершения преступлений, накапливается различная информация о них и, как следствие, создается возможность углубленного изучения отдельных элементов криминалистической структуры.

Судебная экспертиза назначается для выявления механизма преступления, изучения всех его качественных и количественных характеристик. Для познания закономерностей преступления, особенно отдельных и новых его видов, необходимы комплексные научные исследования, которые могут быть осуществлены только на основе глубокого знания объектов, участвующих во взаимодействии, и следов, образующихся в процессе такого взаимодействия, их структуры, изменяемости, взаимосвязи. Эти специальные знания в наиболее полном и актуальном виде накапливаются в судебно-экспертных учреждениях, что приводит к необходимости осуществления в них научно-исследовательской деятельности с применением средств и методов многих наук на основе знания криминалистической цели исследований.

Исследование же последствий совершения преступлений, исследования закономерностей, связанных с совершением преступления, дает возможность развивать прогнозистическое направление в судебной экспертизе и создает теоретическую базу для профилактической деятельности судебно-экспертных учреждений, что в настоящих условиях приобретает особую ценность.

При этом за каждым частным исследованием всегда должна стоять общая криминалистическая цель – научная деятельность судебно-экспертных учреждений необходима для развития криминалистики.

Знание криминалистической структуры определяет цели научных исследований в судебно-экспертных учреждениях, а формирование планов научных исследований нельзя отрывать от потребностей криминалистики в углубленном исследовании закономерностей. Социальная ценность любой системы, темпы и уровень ее развития определяются значимостью этой системы для развития других. Чем выше уровень взаимодействия, чем больше используется деятельность данной системы для функционирования других, тем выше ее социальная ценность. Это полностью относится и к судебно-экспертным учреждениям. Чем большую роль они выполняют в развитии криминалистики, тем полнее их служение правосудию, тем выше их социальная ценность в нашем обществе [1, с. 5].

Научные исследования и в криминалистике, и в судебной экспертизе призваны решать задачи выявления и раскрытия преступлений, доказывания виновности, прогнозирования и профилактики преступлений и одним из направлений должна стать разработка технических и информационно-программных средств, приборов, криминалистических методов для решения этих общих задач.

Совершенствование методов идентификации объекта, субъекта, совокупности оставленных следов взаимодействия, как одна из важнейших задач научно-исследовательской деятельности судебно-экспертных учреждений, должно являться постоянным направлением научной работы и практической деятельности при проведении конкретных судебно-экспертных исследований.

Методики исследований должны соответствовать процессуальным и тактическим принципам криминалистики, для чего необходимы криминалистические знания, и что должно учитываться в организации научно-исследователь-

ской работы судебно-экспертных учреждений, где основная цель исследований должна определяться методами криминалистики и решаемыми ею задачами с целью последующего установления истины и справедливости при осуществлении правосудия.

Именно результатами научных исследований в области судебной экспертизы и криминалистики обеспечивается постоянный рост научной достоверности, объективности, обоснованности и полноты судебно-экспертных заключений.

Подытоживая, следует констатировать неоспоримое: теория науки криминалистики определяет цели, направления, содержание научной деятельности судебно-экспертных учреждений, а научная деятельность этих учреждений обеспечивает развитие криминалистики.

Литература:

1. Криминалистика – методологическая основа развития научных исследований в судебно-экспертных учреждениях // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. Выпуск 8. – Мн.: Беларусь, 1989. – С.3–8.

ОЦЕНКА ПРИГОДНОСТИ МЕТОДИК В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ МЕЖЛАБОРАТОРНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ТЕСТИРОВАНИЯ В ЛАБОРАТОРИЯХ СУДЕБНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ СТРАН ЕВРАЗЭС

О.С. Бочарова, О.М. Дятлов, Е.Я. Рыбалко

Одним из современных путей повышения качества производства судебной экспертизы в сфере судопроизвод-

ства является повышение эффективности методического обеспечения и внимания к вопросам его достоверности, правильности, пригодности и пр. При этом большое значение в судебно-экспертном производстве уделяется терминологии и методикам.

Как известно, к недостаточной ясности заключения эксперта, являющейся основанием для проведения дополнительной экспертизы, невозможность уяснения смысла и значения терминологии, используемой экспертом, методики исследования, смысла и значения признаков, выявленных при изучении объектов, критериев оценки выявленных признаков, а одно из оснований признания заключения необоснованным и назначения повторной экспертизы – не применение или неверное применение необходимых методов и методик экспертного исследования. В этой связи следует констатировать, что одним из последствий совершенствования методического обеспечения судебно-экспертной деятельности будет уменьшение количества дополнительных и повторных экспертиз, назначаемых по вышеперечисленным основаниям, а, следовательно, сокращение сроков производства судебных экспертиз.

Общеизвестно, что судебно-экспертная методика представляет собой последовательность действий эксперта, основанную на системе научно обоснованных методов, приемов и средств, применяемых для изучения признаков и свойств объектов судебной экспертизы, используемую для установления фактов, относящихся к предмету определенного рода, вида и подвида судебной экспертизы, решения экспертной задачи.

Одним из аспектов, обеспечивающих актуальность и практическую значимость совершенствования научно-методической базы судебно-экспертной деятельности, яв-

ляется необходимость обеспечения единства измерений, поскольку при производстве судебных экспертиз проводится достаточное количество различных измерений, связанных с всесторонним и полным исследованием объектов экспертизы (вещественных доказательств), имеющих особую специфику, и которые должны выполняться по аттестованным методикам (методам) измерений с применением средств измерений утвержденного типа, прошедших поверку.

Как известно, аттестация методик выполнения измерений представляет собой подтверждение возможности выполнения измерений в соответствии с регламентированной процедурой с характеристиками погрешности измерений, не превышающими указанных в документе на конкретную методику. При этом судебным экспертам в большинстве случаев приходится иметь дело с нестандартными объектами исследования, поэтому даже аттестованные методики при использовании в сфере судебной экспертизы подлежат обязательной оценке на пригодность.

Однако имеются области деятельности судебно-экспертных лабораторий, для которых аттестованные методики выполнения измерений практически отсутствуют. Это касается, прежде всего, таких судебно-экспертных направлений как компьютерно-техническая и информационная, почерковедческая, судебно-техническая экспертиза документов, психологическая, лингвистическая и другие виды экспертиз.

Следует подчеркнуть, что большинство методик выполнения измерений отличаются от экспертных методик тем, что они созданы и применяются для решения стандартных задач с использованием стандартных методов и средств. Для решения нестандартных экспертных задач,

которые решаются в ходе судебных экспертиз, применение стандартных процедур в большинстве случаев невозможно. Поэтому на первый план выходит не аттестация экспертных методик, а их оценка на пригодность для решения типовой и (или) конкретной экспертной задачи.

Стандарт ИСО/МЭК 17025-2006 обязывают лабораторию проводить оценку на пригодность каждой вновь разработанной или усовершенствованной методики, а также тех методик, которые используются для испытаний новых объектов, ранее не включенных в сферу применения данной методики. Оценка пригодности (валидация) по правилам ENFSI – это подтверждение путем исследования и представления объективных доказательств того, что конкретные требования к специфическому целевому использованию выполняются.

Практика валидации судебно-экспертных методик существует во всем мире. Так, анализ европейской практики в области организации судебно-экспертной деятельности показал, что оценка на пригодность экспертных методик является одним из основополагающих условий эффективной деятельности судебно-экспертных учреждений, входящих в состав Европейской сети судебно-экспертных учреждений (ENFSI).

Решением Совета министров юстиции государств-членов Евразийского экономического сообщества от 23 мая 2011 г. №29 был утвержден Регламент по проведению оценки пригодности (валидации) методик в судебно-экспертной деятельности.

Поскольку в ходе экспертного производства эксперт выявляет совокупность криминалистически значимых признаков исследуемых объектов, оценка которых позволяет ему решать идентификационные и (или) диагностические

экспертные задачи, в указанном регламенте особое внимание уделено проблемам оценки пригодности идентификационных и диагностических судебно-экспертных методик, которые существенно отличаются от традиционных методик выполнения измерений и методик выполнения тестирования.

Оценке на пригодность подлежат все типы судебно-экспертных методик: стандартные методики выполнения измерений и методики выполнения тестирования; действующие экспертные методики; они же после внесения изменений, касающихся области их применения, условий проведения, замены применяемых в них средств измерений, материалов, реактивов; новые судебно-экспертные методики; новые методы, результаты которых будут использовать для судебно-экспертной деятельности.

Основная задача оценки пригодности есть определение характеристик (свойств) и показателей точности методик при использовании в конкретном судебно-экспертном учреждении. В случае положительного результата при оценке пригодности методика может использоваться при проведении аккредитации лаборатории, рекомендуется к применению в программах межлабораторного профессионального тестирования, а также к внедрению в экспертную практику.

Одной из таких методик, по которой проводилось межлабораторное профессиональное тестирование в области судебной экспертизы в СЭУ министерств юстиции государств-членов ЕврАзЭС, является методика «Установление последовательности нанесения в документах реквизитов, выполненных электрофотографическим способом, и рукописных реквизитов, оттисков печатей».

Учитывая потребности следственных органов и судов

по уголовным, гражданским и хозяйственным делам, установление относительной давности выполнения реквизитов документов является одним из наиболее актуальных направлений в судебно-технической экспертизе документов. Решение этой задачи позволяет установить последовательность выполнения реквизитов, выявить факты изменения первоначального содержания документа, изготовления документа путем монтажа с использованием отдельных реквизитов, не принадлежащих этому документу.

Традиционно применяются два подхода к решению задачи по установлению относительной давности выполнения реквизитов в документах. Первый подход заключается в установлении и сопоставлении времени выполнения каждого реквизита в документе, второй – в установлении хронологической последовательности выполнения реквизитов. В последнем случае не нужно определять время выполнения каждого реквизита, важно установить их последовательность (способ) действий. Такой подход является более эффективным, так как дает возможность экспертным путем устанавливать не только сам факт фальсификации документа, но и способ совершения действий при создании документа, что имеет важное криминалистическое значение для выявления и раскрытия преступных деяний.

Возможности решения задачи по установлению последовательности выполнения реквизитов зависят от множества факторов, учесть действие которых в своей совокупности порой представляется невозможным. Поэтому не существует универсальных способов и методов её решения. В зависимости от свойств изучаемых реквизитов в каждом конкретном исследовании применяются различные методы. С учетом происходящих изменений средств письма, а также рецептур материалов письма, присутствует

необходимость постоянного совершенствования имеющихся и создания новых методов решения указанной задачи.

Результатом проведенного межлабораторного профессионального тестирования посредством проведения слепых испытаний явилась оценка специфичности, чувствительности, предела обнаружения и достоверности ложного отрицательного и ложного положительного результата данной методики.

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В РОССИЙСКОМ ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

А.В. Верецагина

Под специальными знаниями в представленной работе понимаются любые профессиональные знания и навыки, используемые в допускаемых законом формах в процессе доказывания по гражданским делам.

До 1917 года по степени нормативного оформления можно выделить три этапа институализации применения специального знания в гражданском процессе: земский (IX-XV вв.), московский (XV-XVI вв.) и имперский (XVIII в. – 1917 год).

Характер нормативной регламентации на каждом временном отрезке, по нашему мнению, отражал накопленную следственно-судебную практику, усложнение регулируемых общественных отношений и уровень развития научных знаний.

I. В нормативных актах земского этапа отсутствуют прямые указания на применение в какой-либо форме спе-

циальных знаний, но можно предположить, что их носители привлекались к участию в разрешении споров в различных формах – допросов межников, старожилов («старожильцев») и т.п., исследовании телесных повреждений «лечецами» («летецами»), письменных документов, которые в обязательном порядке составлялись при совершении некоторых видов сделок (ст. 13, 15, 16 и др. Псковской судной грамоты) и т.д. Тогда же появляется подобие института специальных требований, предъявляемых к субъектам-носителям специальных знаний (например, длительность проживания на определенной территории, грамотность и т.п.).

В этот же период берет свое начало легитимация правил криминалистического профилактического характера, нормирующих выработанные практикой приёмы предупреждения их фальсификации (составление нескольких экземпляров документа, определение обязательного хранения в специальном месте экземпляра документа и т.п. – ст. 15, 33, 39 Псковской судной грамоты).

II. В Московский период развиваются зародившиеся на предшествующем этапе тенденции, детализируются приёмы использования специальных знаний и появляются нормы, обязывающие привлекать сведущих лиц. Усилившееся значение в доказывании письменных документов способствовало развитию нормативного закрепления правил обеспечения их подлинности и кристаллизации процедуры исследования, напоминающую современную и состоящую из трех стадий, – разделительного и сравнительного исследований и оценки результатов [1, с.27].

Расширяется сфера применения специального знания в гражданском судопроизводстве. Это оценка имущества, обязательное медицинское освидетельствование при осво-

бождении от государственной службы и явки в суд, определение размера причиненного вреда вследствие ненадлежащего исполнения договоров подряда, аренды, хранения и т.п. (ст. 69, 72 Судебника Ивана IV, ст.2 главы V, ст. 17,18 главы VII, ст. 198, 272-274 главы X Соборного уложения). Некоторые из перечисленных норм явно заимствованы из Статута Великого княжества Литовского 1588 года (сравни, например, ст.1-3 Главы IV Соборного уложения и артикулы 16, 17 Статута ВКЛ).

Можно говорить о зарождении на этом этапе, прежде всего, для целей гражданского процесса, судебно-медицинского, товароведческого, почерковедческого, технической экспертизы документов, судебно-бухгалтерского и др. видов исследований.

III. Имперский период, ознаменованный созданием нормативной модели института специальных знаний в гражданском судопроизводстве, ставшей её современной основой, распадается на до- и пореформенный этапы (рубеж 1864 год). К 1864 году легализованы понятие «специального знания», предъявляемые к сведущему лицу требования, порядок его привлечения к участию в деле, а также процедура отдельных видов исследований (ст. 323, 348-350, 357, 1951-1952, 1954-1958, 1962 т. X СЗ).

Нормы Устава гражданского судопроизводства завершили нормативное оформление рассматриваемого института. Чёткая развернутая система обстоятельств, препятствующих к участию в деле в качестве специалиста; наличие обязательных оснований его отвода судом; назначение специалиста из лиц, определённых взаимным согласием сторон; закрепление права на вознаграждение и критериев, влиявших на его размер (ст. 507, 515-519, 520-526, 529 и др. УГС) – вот его несомненные достоинства.

Изложенное позволяет прийти к выводу об изначально активном применении специальных знаний в гражданском судопроизводстве. Это обусловило формирование самостоятельного института, который включал не только нормы, закреплявшие понятие специального знания, статус специалиста и т.п., но и криминалистические профилактические правила, и процедуру проведения некоторых исследований.

Литература:

1. Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства, изданные Археологическою Комиссиею. – СПб.: Тип. II Отд-ния СЕИВ Канцелярии, 1838. – 509 с.

ПОВТОРНАЯ СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА: КОНТРОЛЬ КАЧЕСТВА ИССЛЕДОВАНИЯ И ОЦЕНОЧНЫЕ СУЖДЕНИЯ О ПРОФЕССИОНАЛИЗМЕ ЭКСПЕРТА

Г.Б. Дергай

От правильной оценки заключения эксперта во многом зависит справедливость судебного решения. Заключение эксперта не является обязательным для суда, не имея преимуществ перед другими доказательствами, оно подлежит обязательной оценке. Анализируя заключение эксперта с точки зрения научной обоснованности, орган уголовного преследования, суд опираться не на методологические основы науки судебной экспертизы, а на формальные критерии такие, как авторитетность учреждений, разработавших, апробировавших и рекомендовавших к применению ту или иную методику [1; 2, с. 32].

Судьи обычно, либо просто принимает на веру выводы эксперта, либо указывает, что у суда нет оснований сомне-

ваться в экспертизы данных. Иногда суд требует от эксперта обоснования выбора экспертной методики. Надежность методики должна быть обеспечена судебно-экспертным учреждением, занимающимся ее разработкой, апробацией и утверждением.

Своеобразным универсальным средством контроля качества экспертизы является рецензирование, которое в настоящее время носит внутриведомственный, консультативный характер, но при этом позволяет наблюдать изменения в работе практиков [3, с. 100]. По сути, рецензия заключения эксперта является экспертным исследованием экспертного исследования, которое Р.С. Белкин предложил назвать метаэкспертизой, в результате проведения которой составляется новое заключение, являющееся полноценным источником доказательств, способствующим объективной оценке выводов эксперта [4, с. 365].

Методики также могут подвергаться проверке в порядке рецензирования заключений эксперта, при производстве повторной экспертизы. Однако заметим, что указанные средства в полной мере эффективны, если речь идет о первичной экспертизе и их применение проблематично при повторной экспертизе. Когда выводы первичного и повторного исследования различаются, а исследование является уникальным из-за повреждения или уничтожения вещественных доказательств в ходе первичной экспертизы или отсутствия в стране специалистов соответствующей квалификации.

Так, по одному гражданскому делу на основании определений суда Ленинского района г. Могилева в течение нескольких лет было проведено с использованием разных экспертных методик пять (!) повторных комиссионных почерковедческих экспертиз с участием ведущих специа-

листов всех отечественных судебно-экспертных учреждений, существовавших до 2013 года. Объектом исследования являлись подписи от имени П. в расходных кассовых ордерах и заявлении о выводе из товарищества собственников, участвовавших в долевом строительстве. Последняя по счету повторная экспертиза (N 18/102 от 12.11.2012 г., Государственная служба медицинских судебных экспертиз) пришла к выводу, противоречащему ряду предшествовавших. При этом в экспертных исследованиях за четыре года приняли участие все ведущие специалисты страны. Во всех случаях повторных экспертиз по вполне объяснимым этическим соображениям эксперты избежали оценочных суждений в отношении правильности выбора их предшественниками методики исследования подписей.

Причинами расхождения выводов в первичной и повторной экспертизах могут быть недостаточность или неудовлетворительное качество представленных на исследование материалов; неполнота проведенного исследования; неверный выбор методики экспертного исследования; неправильное ее применение; ошибки в расчетах; выход эксперта за пределы компетенции. Возникновение указанных причин может явиться следствием отсутствия должного уровня профессионализма эксперта или его профессиональная непригодность.

В литературе нет единства мнений по поводу того, следует ли в заключении повторной экспертизы давать оценку действий первичного эксперта с точки зрения профессионализма его работы. Одни считают, что эксперты должны высказать свое мнение по поводу первичной экспертизы только в случае, если перед ними поставлен вопрос о научной обоснованности выводов эксперта, проводившего первую экспертизу, о правильности и о полноте

примененных им методов исследования. Другие авторы настаивают на том, что эксперт, дающий заключение повторно, должен прокомментировать используемую в первичной экспертизе методику с точки зрения ее научной обоснованности и правильности применения при исследовании данных объектов [5, с. 173].

Представляется, что последняя точка зрения предпочтительна, если исходить из интересов органов уголовного преследования и суда, не обладающих специальными знаниями. Указывая причины расхождения выводов, эксперт может высказать свое мнение о научной достоверности и полноте проведенного исследования, не давая при этом оценку заключения эксперта как источнику доказательств.

Литература:

1. Дулов, А.В. К формированию науки судебная экспертиза / А.В. Дулов // Актуальные проблемы судебной экспертизы и криминалистики: тезисы науч.-практ. конф. / Минюст Украины; ред.кол.: В.Ф. Берзин [и др.]. – Киев, 1993. – С. 57–59.
2. Мартинкевич, Н.А. Оценка и использование судом заключения эксперта в уголовном судопроизводстве / Н.А. Мартинкевич, Е.П. Орехова // Методическое пособие по оценке и использованию судом заключений судебных экспертиз в уголовном, гражданском и хозяйственном судопроизводстве / А.С. Рубис [и др.]; под общ. ред. А.С. Рубиса. – Минск: Право и экономика, 2008. – Глава 2. – С. 23–48.
3. Проведение обобщений практики в области судебной экспертизы: частные методики: метод. пособие для экспертов / А.В. Исакович [и др.]; отв. ред. А.Р. Шляхов, Н.И. Шахтарина. – М.: ВНИИСЭ, 1990. – 169 с.
4. Белкин, А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве / А.Р. Белкин. – М.: Норма, 2005. – 528 с.
5. Бородин, С.В. Вопросы теории и практики судебной экспертизы / С.В. Бородин, А.Я. Палиашвили; под ред. Д.С. Карева. – М.: Юрид. лит., 1963. – 180 с.

СБОР ОБРАЗЦОВ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ДЕЛАМ ОБ УБИЙСТВАХ, ГДЕ ОГОНЬ ВЫСТУПАЕТ КАК ОРУДИЕ (СПОСОБ) СОКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Р.Г. Дранезо

Изучение оперативно-следственной практики показало, что данное оперативно-розыскное мероприятие (ОРМ) эффективно проводить для трех целей:

1. Для гласного или негласного сбора образцов подписи тех граждан, которые попадают в так называемую группу риска. При этом преследуется цель установить потенциальную склонность лица к совершению преступлений изучаемой категории. Данная информация не имеет процессуального значения, но она позволит оперативным работникам на обслуживаемой территории своевременно проводить профилактические мероприятия.

При гласном сборе, образец росписи берется с согласия его носителя. Если согласие получено, лицо ставит свою роспись, в специально отведенной для этих целей тетради. Желательно произвести фотографирование росписи с паспорта. Негласный сбор образцов росписи можно провести: а) под видом социологического опроса; б) в рамках ознакомления участкового-уполномоченного с населением; в) истребовав образцы в медицинских учреждениях, по месту работы. Желательно, чтобы образцы подписи были в пределах годовой давности.

2. Исходя из того, что в 10,6 % случаев пособники лиц, совершавших преступление в составе преступной группы, делали в правоохранительные органы анонимные сообщения о готовящемся или совершенном убийстве, рекомендуем изымать запись с голосом звонившего. Если известно

заподозренное лицо, и оно размещается в СИЗО, запись предъявляется ему в целях опознания голоса звонившего. Если голос опознан, оперативники выясняют у фигуранта личность звонившего и его возможное пребывание. Фигуранту сообщается, что помощь в раскрытии зачтется в виде снижения санкции. В случае отказа от сотрудничества, оперативники могут пойти на риск, сообщив, что личность звонившего установлена и выйдя на него, ему предложить сотрудничать через оформления явки с повинной и заключения досудебного соглашения. Есть вероятность, что после такого хода, фигурант добровольно пойдет на сотрудничество.

Если нет заподозренного, можно заново провести гласно опрос ранее опрошенных лиц, уточнив несущественные детали, используя диктофон для записи голоса опрашиваемого. Либо предложить последним прослушать запись с целью опознания личности звонившего. Однако, есть риск расконспирации наличия у оперативников подобной записи, так как вновь опрошенное лицо может сообщить родственнику, близкому, знакомому, совершившему преступление, что правоохранные органы знают о его причастности к убийству. В таком случае рекомендуем применить метод дезинформации и агентурный метод.

Гласно либо негласно опрашиваемым лицам сообщается дезинформация о том, что оперативникам известны лица совершившие преступление. Такие методы работы могут спровоцировать некоторых граждан тем или иным способом сообщить лицам, причастных к совершению убийства об осведомленности правоохранных органов. Такой прием повышает вероятность оформления явки с повинной в ситуациях, когда преступник знает либо догадывается, что его разыскивают. За некоторыми гражда-

нами рекомендуем устанавливать наблюдение, прослушивание телефонных переговоров, а при необходимости, используя специальные технические средства, регистрировать соединение между абонентами.

3. Эмпирическая база исследования показала, что сбор образцов желательно проводить в комплексе с таким ОРМ, как обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, поскольку объекты, необходимые для проведения сравнительного исследования в основном находятся в квартире, доме либо в ином месте (гараж, баня, автомобиль и т.п.) фигуранта дела. Высокую информативность имеют объекты: волосы, кровь, вещество, остающееся после смыва с рук, одежда, окурки, горючее вещество, материал из которого можно сделать удавку, спирт кустарного производства и т.п.

Действуя негласно, оперативники, при обязательном привлечении специалиста, проникая в помещение, проводят сбор запаховых следов с таких объектов, как: одежда, окурки, волосы. В пособии В.И. Старовойтова и Т.Н. Шамоновой [1, с. 41] говорится, что названные объекты сохраняют запаховые следы человека от нескольких часов, до нескольких месяцев и даже лет. При этом запах образцов может быть сохранен и если будет совершено убийство изучаемой категории, сравнен с запаховыми следами обнаруженных при осмотре места происшествия.

Также при получении агентурных сведений о том, что лицо, попадающее в группу риска, возможно, готовит преступление, приискивая для этих целей горючее вещество, рекомендуем оперативникам осуществлять сбор образцов горючих материалов. Химический состав горючего вещества сохраняется в базе и при совершении преступления сопряженного с огнем, сравнивается с химическим соста-

вом горючего вещества, если оно будет обнаружено, при ОМП. Либо, в ситуации оперативной необходимости проводятся предупредительные мероприятия пресекающие совершение криминальных намерений.

Оперативникам рекомендуем осуществлять сбор волос, с содержащимися в них следами недавнего контакта с огнем. Дело в том, что дым, гарь, копоть хорошо поглощаются волосами человека [2, с. 408]. При совершении убийства может быть контакт преступника с огнем, дымом, горючим материалом. Даже незначительный контакт оставит на волосах характерные следы: опаления и/или частицы, копоти, дыма. Сбор можно проводить как гласно, пояснив фигуранту цель мероприятия, так и негласно. При негласном способе рекомендуется изымать образцы волос с расчески, подушки и т.п. Негласный сбор образцов материала, из которого может быть сделана удавка, рекомендуем проводить при участии специалиста.

Литература:

1. *Старовойтов, В.И.* Запах и ольфакторные следы человека / В.И. Старовойтов, Т.Н. Шамонова. – М.: ЛексЭст, 2003. – 128 с.
2. *Россинская, Е.Р.* Настольная книга судьи: судебная экспертиза / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина. – Москва: Проспект, 2011. – 464 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СИГНАЛОВ ЛИЧНОСТИ НА ДОПРОСЕ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТАКТА С ДОПРАШИВАЕМЫМ

В.В. Зезюлько

Особое значение в обеспечении эффективности допроса имеет благоприятная психологическая атмосфера, нали-

чие психологического контакта, установление и поддержание которого требует от свидетеля поведения, позволяющего допрашиваемому ощутить благоприятную психологическую атмосферу, избавиться от напряжения, стесненности, нервозности, настороженности по отношению к следователю, часто порождающийся обстановкой допроса. Большую помощь в решении этих задач следователю может оказать умелое использование невербальных каналов общения, как-то: положительного языка поз и жестов; визуального контакта; соответствующей мимики; языка межличностного пространства; невербальных аспектов речи (изменений высоты голоса, интонаций, ударений, пауз, ритма); внимательного слушания.

Именно поза человека более всего передает отношение к собеседнику и к теме разговора, свидетельствует о желании или нежелании слушать. Среди всего многообразия поз и жестов психологами выделяются так называемые «открытые» и «закрытые» позы и жестов, несущие в себе соответственно положительный и отрицательный заряд (оценку) [3, с. 201].

Так, об открытости свидетельствует так называемые открытые руки (ладони вверх), часто жест сопровождается поднятием плеч, ладони открыты вперед; расстегнутый (а то и снятый) пиджак, куртка и т.п.; отсутствие в позе каких-либо закрестов; руки, прикладываемые к груди (жест честности и открытости); разворот головы и тела в сторону собеседника; наклон туловища в его же сторону; искренняя улыбка; отзеркаливание (когда собеседник повторяет жесты партнера). При помощи этого жеста можно выявить лидера группы. Так исследования показали, что когда лидер группы использует определенные жесты, то его подчиненные копируют их.

«Закрытые» (защитные) позы и жесты – это, напротив, скрещенные на груди руки, сжатые в кулак кисти (вплоть до побеления пальцев), скрещенные ноги, посадка на стул «верхом» (при этом спинка стула является как бы щитом): разворот головы и тела в сторону от собеседника, отклонение туловища в обратную от собеседника сторону, когда человек держит перед собой предмет (портфель, папку, сумочку и др.) и другие жесты в виде различных вариантов закрестов рук и ног [5, с. 45].

Имеет огромное значение для установления доверительности и искренности в общении, а о собеседнике, который смотрит в глаза, всегда складывается благоприятное впечатление. Чтобы построить хорошие отношения с другим человеком, ваш взгляд должен встречаться с его взглядом около 60-70% всего времени общения. Когда разговариваете с людьми, научитесь смотреть в зрачок, и он расскажет вам правду о мыслях человека. Лицам, носящим очки, не рекомендуется смотреть на собеседника поверх очков, что вызывает у него негативные чувства [4, с. 159].

В ходе общения выражение лица играет важную роль: так непроницаемое лицо заставляет собеседника чувствовать себя неуютно, мешает контакту и стремлению вести себя естественно. Напротив, с человеком, у которого оживленное выражение лица, становится легко беседовать.

Стол включает в себя расстояние между следователем и допрашиваемым, их ориентацию относительно друг друга (угол, под которым сидят люди по отношению друг к другу). Так, расположение общающихся людей напротив друг друга психологически ставят их в ситуацию соперничества, в то время как показатель кооперации, сотрудничества – расположение на одной стороне стола. Для обычной беседы наиболее предпочтительно расположение наиско-

сок (через угол стола). Допрашивающий сидит и смотрит в лицо допрашиваемому в глаза, не вскакивает, не ходит, так как это ослабляет контакт и свидетельствует о нервозности следователя.

С помощью невербальных аспектов речи можно придать общению тот или иной эмоциональный настрой, подчеркнуть значение сказанного.

Важным для установления и поддержания психологического контакта является умение слушать. Психологами подчеркивается, что слушание – активный процесс, и существует целый ряд условий, с одной стороны, помогающих эффективно воспринять речь, а с другой – помогающих говорящему высказаться. Главное из них – это устойчивое (с минимальным количеством отвлечений) и направленное внимание, что помогает говорящему продолжать общение: при активном внимании говорящий начинает быстрее говорить, чаще использовать различные жесты и т.п.

Порой применение полиграфа обусловлено необходимостью конкретизации действий обвиняемых.

Свое внимание к тому, что сообщает допрашиваемый, следователь может подчеркнуть своим наклоном в его сторону, слегка склоненной набок головой (жест заинтересованности), либо зеркальным отражением позы допрашиваемого, заинтересованным взглядом и т.д. все это не только свидетельствует о внимании, но и поощряет допрашиваемого к дальнейшим показаниям. Интересны с точки зрения установления и поддержания психологического контакта, так называемые техники присоединения: как правило, они используются, когда эмоции собеседника выходят из-под контроля, чтобы ввести ситуацию в нормальное русло. Это может быть присоединения путем отражения чувств с по-

мощью мимики, поз и жестов, присоединение посредством речи (через созвучие громкости, темпа, ритма и интонации характеристикам речи собеседника), либо присоединения с помощью дыхания. Последний способ совершенно незаметен: следуя какое-то время ритму дыхания эмоционально возбужденного собеседника, другой человек начинает затем постепенно понижать свой ритм и постепенно вздыхает – собеседник невольно повторяет вздох.

Если допрашиваемый находится в «закрытой позе», то для эффективного общения его следует сначала «раскрыть». Простой, но эффективный способ заставить человека размокнуть руки – это дать ему в руки ручку, книгу, бумагу, любой предмет, взяв который он вытянет руки вперед. Тем самым он примет более открытое положение, и его отношение изменится. Можно также попросить человека наклониться вперед, чтобы лучше рассмотреть какую-нибудь вещь, в результате чего он тоже разомкнет руки [6, с. 80].

Обобщая изложенное, следует отметить, что для установления психологического контакта во время допроса для свидетеля наиболее предпочтительны «открытая» пока руки открыты, ладони повернуты вверх, ноги не перекрещены, тело и голова развернуты в сторону допрашиваемого, корпус также несколько наклонен в его сторону, живое (но без переизбытка мимики) выражения лица в сочетании с взглядом допрашиваемого, кооперативное расположение относительно допрашиваемого.

Литература:

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2011. – 48 с.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, 16 июля 1999 г., № 295-З: Принят Палатой представителей 24 июня 1999 г., одобрен Советом Республики 30 июня 1999 г.: в ред. Закона Республики Беларусь от 13.07.2012 № 417-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2014.

3. *Глазырин, Ф.В.* Психология следственных действий / Ф.В. Глазырин. – Волгоград: ВСШ МВД, 1983. – 721 с.

4. *Насонов, С.А.* Криминалистическое наблюдение как метод собирания ориентирующей информации по уголовным делам / С. А. Насонов, В.А. Образцов, Т.Ю. Гзаев. - М.: «Юристъ», 1997. – 405 с.

5. *Прекс, П.* Уголовный процесс: научная «детекция лжи» / П. Прекс. – Тарту: Изд-во Тарт. ун-та, 1992. – 158 с.

6. *Филонов, Л.Б.* Психологические способы выявления скрываемого обстоятельства / Л.Б. Филонов - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 454 с.

РАЗРАБОТКА НОВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ЭКСПЕРТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ОБЪЕКТИВИЗАЦИИ РЕШЕНИЯ ОСНОВНЫХ ЗАДАЧ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ЦИФРОВЫХ РЕЧЕВЫХ ФОНОГРАММ

К.С. Егоров

Эффективность проведения судебных экспертиз [1], включая и криминалистические экспертизы звуковых (голосовых, речевых) следов (далее – КЭЗС), зафиксированных на фонограмме, определяется наличием целостной системы взаимосвязанных элементов. Это, прежде всего, эксперты-фонографисты, вещественные доказательства, используемая научно-методическая база и экспертная технология, основанная на применении специализированных аппаратно-программных комплексов (АПК) [2; 3]. Успехи в решении основополагающих задач КЭЗС (идентификации, диагностики и классификации дикторов) в Республике Бе-

ларусь были достигнуты на базе разработанных после распада СССР собственных методик [4] с использованием экспертной технологии (далее – ЭТ), основанной на применении таких АПК, как «ИКАР-Лаб II+», ПО «Фонэкси» и др. Результаты производства КЭЗС в нашей республике позволили значительно снизить количество различных «латентных» видов преступлений, в том числе связанных с телефонными угрозами (о взрывах, заминировании объектов и т.д.), на 40%.

Мировая тенденция всеобщего применения более прогрессивных «цифровых» средств звукозаписи (миниатюрные диктофоны, мобильные телефоны, плееры и т.д.) вызвала необходимость преимущественного проведения КЭЗС цифровых фонограмм. Это породило, в свою очередь, ряд проблем, связанных с потерей многих признаков (импульсных сигналов включения-выключения, следов звукоряда и др.), свойственных для исследования магнитных фонограмм [4]. Для обеспечения достоверности результатов КЭЗС цифровых фонограмм стала актуальной проблема совершенствования существующей ЭТ.

Без инструментального анализа и оценки дополнительных признаков звучащей речи на цифровой фонограмме (эмоционального состояния дикторов и тембральных характеристик) стало крайне сложно обеспечивать достоверное решение задач КЭЗС. В особенности это касается ЭТ для исследования цифровых фонограмм, содержащих шумовые помехи и короткие сообщения о взрывах, заминировании объектов и т.д.

Целью настоящей работы является разработка новых подходов к созданию дополнительных элементов ЭТ для инструментального анализа субъективных признаков голоса, повышение достоверности результатов КЭЗС цифровых

фонограмм. Разработаны новые программные модули, позволяющие эксперту преобразовать перцептивно выявляемые субъективные признаки эмоциональных и тембральных характеристик голоса и представить их в виде графиков, удобных для объективной оценки и принятия экспертных решений.

Базовые положения исследования. Современные проблемы, возникающие в системе производства КЭЗС, условно можно разделить на три группы: организационно-структурные (внедрение новых форм организации экспертных учреждений); научно-методические (выработка научно обоснованной теории и методологии производства КЭЗС); технико-технологические (совершенствование инструментальных средств ЭТ для КЭЗС). На решение первой группы проблем направлен Указ Президента Республики Беларусь от 22 апреля 2013 г. № 202 «Об образовании Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь», предусматривающий объединение отдельных ведомственных служб судебной экспертизы в единый централизованный орган.

Основные результаты: для решения проблем второй группы на основе системно-кибернетического, деятельностного подхода разработана научно-методическая база [2, 3, 4] по производству КЭЗС с учетом научно обоснованного определения базового понятия «звуковой след преступной деятельности».

В рамках решения проблем третьей группы на основе анализа пригодности современных математических моделей обработки звуковых сигналов и речевой базы из 1000 фонограмм комиссией из трех компетентных экспертов со стажем работы от 10 до 18 лет произведена классификация лиц на четыре класса состояний человека (нормальное, ра-

дость, гнев, счастье) и на три класса по тембральным характеристикам голоса (звонкий, хриплый, сдавленный). Установлены и выведены зависимости «акустические параметры голосовых (речевых) сигналов» – «эмоциональные состояния дикторов и тембральные характеристики голоса». Для инструментального анализа параметров голоса разработано программное средство в качестве нового элемента ЭТ и получения дополнительных признаков при решении основных задач КЭЗС.

Таким образом, применение научно обоснованного сочетания системно-структурных (статика) и кибернетических (динамика) свойств с принципами диалектики развития позволяет достичь «эмерджентности» системы КЭЗС. В результате широкого применения новых инновационных элементов ЭТ существующие негативные тенденции, связанные с увеличением доли их тяжких и латентных видов, могут быть успешно преодолены.

Литература:

1. Дулов, А.В. Вопросы теории судебной экспертизы. – Минск: Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1959. – 188 с.
2. Дулов, А.В. Возможности криминалистической фонографической экспертизы (системный подход) / А.В. Дулов, К.С. Егоров // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: Материалы науч.-практ. конф. / Акад. МВД Респ. Беларусь; под ред. Н.И. Порубова. – Минск, 2002. – С. 180–187.
3. Егоров, К.С. Опыт производства судебно-фонографической экспертизы с применением системно-кибернетического подхода, новой и высокой информационной технологии и рекомендации по его распространению в правовой сфере // Проблемы правовой информатизации. – 2004. – Вып. 7. – С. 19–28.
4. Егоров, К.С. Метод криминалистической диагностики в судебно-фонографической экспертизе: системно-кибернетический подход / К.С. Егоров. – Минск : Харвест, 2006. – 240 с.

ТАКТИКА ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ГРУППАМИ

В.В. Конин, И.И. Эсмантович

Организованная преступность и коррупция существует ровно столько же лет, сколько существует государство. В каких-то государствах эти виды преступности существуют открыто, в большинстве же цивилизованных государств они вынуждены маскироваться. В Российской Федерации и Республике Беларусь эти два вида активно подавляются, и вынуждены маскироваться. Вместе с тем, можно сделать вывод о том, что эти два вида преступности существуют в виде симбиоза, поскольку организованная преступность без коррупции не имела бы шансов выжить и развиваться, занимая все новые и новые сферы экономики в государстве.

На наш взгляд, главная проблема эффективности борьбы с организованной преступностью и коррупцией заключается как в недостаточной квалификации оперативно-розыскных подразделений, специализирующихся на борьбе с этими видами преступлений, так и в слабом профессиональном уровне следователей, которые расследуют указанные преступления.

Учитывая сложность расследования подобных преступлений, полагаем, что расследование указанных преступлений должно проводиться наиболее опытными следователями в наступательном режиме, с обязательным использованием технических средств видеофиксации хода следственных действий.

На основе анализа изученной следственной и судебной практики мы считаем, что следователю при расследовании

преступлений, совершенных группой, в том числе и коррупционной направленности, для разобобщения группы (что представляется достаточно немаловажным), необходимо более активно использовать возможности, представленные главой 40-1 УПК Российской Федерации (Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве). Мы считаем, что инициатива в предложении лицу, привлекаемому к уголовной ответственности заключить соглашение о досудебном сотрудничестве должна исходить от следователя.

Одновременно с этим, мы рекомендуем для использования тактический прием: допрос лица, с которым заключено соглашение о досудебном сотрудничестве, в обязательном порядке проводить с использованием средств видеофиксации производства всего хода следственного действия, поскольку это позволит в дальнейшем избежать необоснованных утверждений о применении обмана либо других незаконных методов воздействия. В процессе допроса следователь должен подробно выяснить весь спектр интересующих вопросов: количественный состав группы, механизм совершения преступления, роли каждого соучастника, количество совершенных преступлений, взаимоотношения соучастников с потерпевшими, круг свидетелей преступления и т.д., После проведения допроса необходимо как можно быстрее провести проверку показаний на месте. При проведении указанного следственного действия следователь должен в обязательном порядке применять технические средства не только фотофиксации, но и видеофиксации.

В дальнейшем видеозаписи допроса и проверки показаний на месте производства следственного действия будут являться одними из наиболее убедительных доказательств

по изобличению соучастников, не признающих своей виновности в совершении преступления.

Как можно использовать указанные видеозаписи для изобличения других соучастников преступления?

Мы рекомендуем следующий тактический прием: проведение допроса соучастника преступления, не признающего своей виновности в совершении преступления, с демонстрацией ему фрагментов видеозаписи допроса, на которых соучастник преступления, сотрудничающий со следствием, дает показания, которые изобличают соучастника преступления, не признающего своей виновности (современный уровень техники позволяет демонстрировать часть видеозаписи, необходимый для изобличения конкретного лица).

Конечно, можно было бы провести между этими лицами очную ставку, но, в некоторых следственных ситуациях проведение очных ставок с другими соучастниками может быть нежелательно по тем или иным причинам. Например, лидер группы может быть лицом психологически устойчивым, занимающим жесткую позицию по отрицанию своей виновности.

Более того, в процессе проведения очной ставки он может оказать психологическое давление и вынудить соучастника, признающего свою виновность и дающего признательные показания, изменить свои показания в отношении этого лица, либо совсем отказаться от сотрудничества со следствием.

Демонстрация части видеозаписи позволяет избежать прямого контакта между соучастниками, и позволит избежать открытой конфликтной ситуации.

Обобщив сложившуюся ситуацию в следственных подразделениях по видеофиксации показаний, полученных

от допрашиваемых, мы пришли к выводу о том, что при производстве допросов в ходе предварительного следствия следователями необоснованно редко используются технические средства видеофиксации показаний допрашиваемых лиц, в частности показаний подозреваемого либо обвиняемого, особенно когда в допросе принимает участие адвокат, а также потерпевшего и свидетелей по сложным, многоэпизодным делам, в том числе коррупционной направленности. В основном, следователи фиксируют показания на бумажном носителе, мотивируя это тем, что поскольку адвокат-защитник подписал протокол допроса, то суд в любом случае признает эти показания в качестве доказательства. В то же время, показания, изложенные на бумажном носителе, зачастую не могут в полной мере свидетельствовать о той ситуации, которая сложилась при производстве допроса.

На наш взгляд, всегда существует реальная угроза, что в дальнейшем, в судебном разбирательстве, по тем или иным причинам, подсудимый, потерпевший, свидетели начинают отказываться от данных ранее показаний, выдвигая довод о применении к ним со стороны сотрудников полиции незаконных мер воздействия. Практика периодически подтверждает наши опасения. Зачастую государственный обвинитель в судебном разбирательстве с некоторой настороженностью вынужден подходить к показаниям свидетелей, данных на следствии, поскольку, как выясняется при допросе свидетеля в судебном заседании, ему бывают несвойственны те или иные фразы либо выражения, которые занесены следователем в протокол допроса. В то же время, сторона защиты очень активно использует это обстоятельство, ставя показания, данные в ходе предварительного следствия и занесенные следователем в протокол

допроса, под сомнение.

Все это сразу же значительно осложняет деятельность государственного обвинителя по поддержанию обвинения в суде. В то же время, видеофиксация следственного действия позволит определить, в какой обстановке происходил допрос, кто присутствовал при его производстве, имело ли место конфликтная ситуация, насколько свободно лицо давало показания, какими фразами излагало свои показания.

Одновременно с этим, на наш взгляд, применение видеофиксации следственного действия в значительной мере дисциплинирует участников следственного действия. На практике нередко имеют место случаи, когда на вопрос следователя, заданный допрашиваемому, ответ фактически дает адвокат, который по своему интерпретирует как заданный вопрос, так и ответ, данный его подзащитным, в результате чего, в протокол заноситься вопрос, фактически заданный адвокатом, а не следователем, и ответ, данный этим же адвокатом, а не допрашиваемым.

Среди основных причин, по которым при производстве допроса не используются технические средства фиксации показаний, можно назвать следующие:

- отсутствие у следователей навыка производства допросов с использованием технических средств фиксации;
- нежелание следователя готовиться к допросу с использованием технических средств видеофиксации (как показывает практика, подготовка к проведению такого допроса занимает значительное время, которого у следователя зачастую просто нет);
- отсутствие в следственных подразделениях средств технической фиксации допроса;
- сложности в согласовании действий со специалистами, которые могут осуществить фиксацию следственного

действия, а затем воспроизвести фрагмент зафиксированного следственного действия другому соучастнику преступления.

В то же время, следователи следственных подразделений ФСБ Российской Федерации и военно-следственных отделов (управлений) СК России достаточно часто используют технические средства для видеофиксации следственных действий, что и позволяет им расследовать преступления, отнесенные к их подследственности, на более высоком профессиональном уровне.

В дальнейшем, образцы голоса, полученные в ходе допроса либо иных следственных действий, и зафиксированные при помощи технических средств видеофиксации, могут быть использованы при производстве судебной фоноскопической экспертизы, а также судебно-портретной экспертизы, даже в случае отказа лица от участия в предоставлении образцов для производства экспертизы.

МЕТОДИКА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ КАТЕГОРИЧНОГО ВЫВОДА ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА

Д.Д. Селюков

Проводимые судебная автотехническая и автодорожная экспертиза имеют общий объект исследования дорожно-транспортное происшествие (далее ДТП), которое сопряжено с деятельностью водителя и специалистов на государственном, ведомственном и инженерном уровне деятельности, отвечающих за безопасное функционирование системы «водитель – транспортное средство – условия дорожного движения» (далее ВТСУДД).

Предметом криминалистики при исследовании ДТП является установление психофизиологической закономерности причинно-следственной связи между психофизиологическими возможностями водителя в условиях дорожного движения в месте происшествия и ДТП или технической закономерности причинно-следственной связи между транспортным средством и ДТП или между дорожными условиями и ДТП, которые раскрывают преступление.

Для раскрытия преступления и его профилактики органы уголовного преследования и судебного правосудия должны поставить перед экспертом в постановлении и определении основной вопрос: «Имеется ли техническая причинно-следственная связь между транспортным средством и ДТП или дорожными условиями и ДТП?». Все остальные вопросы в постановлении и определении являются второстепенными и нужны для решения основного вопроса. Основной вопрос органы уголовного преследования и судебного правосудия не ставят перед экспертом автотехнической и автодорожной экспертизы по объективным и субъективным причинам. К ним относят:

- отсутствие унификации методик судебного экспертного исследования системы ВТСУДД в аварийной ситуации по причине «водителя», «транспортного средства» и «дорожных условий». Криминалистическая дорожно-транспортно- психофизиологическая, автотехническая и автодорожная экспертиза ДТП имеют свой объект исследования. Эти виды экспертиз требуют создания и развития, но все они включены в судебную автотехническую экспертизу, что некорректно с технической точки зрения;
- отсутствие технического нормативного правового акта, регламентирующего порядок и методики производства криминалистической экспертизы ДТП;

- отсутствие установленных психофизиологической и технической закономерностей между объектом исследования и ДТП;

- отсутствие постановки перед экспертом вопроса по оценке точности основного вывода заключения эксперта.

Событие самопроизвольного скольжения транспортного средства по причине дорожного фактора, приводящее к ДТП, возникает при въезде транспортного средства на скользкий локальный участок поверхности дорожного покрытия проезжей части автомобильной дороги или при попадании колеса транспортного средства в выбоину. Для этих случаев установлена техническая причинно-следственная связь между параметрами условий дорожного движения и ДТП [1, с. 160–163, 194–195].

Судебная автотехническая и автодорожная экспертиза и их виды, которые связаны с ДТП, являются технико-юридической наукой. Они сопряжены с измерением параметров объекта исследования приборами, которые имеют разную точность, и для них обязательна оценка точности и надежности, установленной технической закономерности причинно-следственной связи между транспортным средством и ДТП или между дорожным фактором в месте происшествия и ДТП.

Погрешности в измерении сдвигающей ($F_{\text{сд.}}$) и удерживающей ($F_{\text{уд.}}$) силы или сдвигающего ($M_{\text{сд.}}$) и удерживающего ($M_{\text{уд.}}$) момента сил определяют интервал, который определяет вероятностный вывод. За пределами этого интервала эксперт делает категоричный вывод о наличии технической причинно-следственной связи между дорожным фактором и ДТП или об ее отсутствии.

Точность закономерности технической причинно-следственной связи между параметрами дорожного факто-

ра в месте происшествия и ДТП может быть выражена в абсолютных и относительных величинах, определяемых по формулам:

$$\Delta F_{\text{уд.}} = F_{\text{уд.}} - F_{\text{уд. изм.}}, \Delta F_{\text{сд.}} = F_{\text{сд.}} - F_{\text{сд. изм.}}, \Delta F'_{\text{уд.}} = \pm 100\%, \Delta F'_{\text{сд.}} = \pm 100\%,$$

$$\Delta M_{\text{уд.}} = M_{\text{уд.}} - M_{\text{уд. изм.}}, \Delta M_{\text{сд.}} = M_{\text{сд.}} - M_{\text{сд. изм.}}, \Delta F'_{\text{уд.}} = \pm 100\%,$$

$$\Delta F'_{\text{сд.}} = \pm 100\%, (1-8)$$

где $\Delta F_{\text{уд.}}$, $\Delta F_{\text{сд.}}$, $\Delta M_{\text{уд.}}$, $\Delta M_{\text{сд.}}$ – погрешность измерения удерживающей и сдвигающей силы, удерживающего и сдвигающего момента сил, Н, Нм;

$F_{\text{уд.}}$, $F_{\text{сд.}}$, $M_{\text{уд.}}$, $M_{\text{сд.}}$ – действительные удерживающая и сдвигающая сила, удерживающий и сдвигающий момент сил, Н, Нм;

$F_{\text{уд. изм.}}$, $F_{\text{сд. изм.}}$, $M_{\text{уд. изм.}}$, $M_{\text{сд. изм.}}$ – измеренные удерживающая и сдвигающая сила, удерживающий и сдвигающий момент сил, Н, Нм;

$\Delta F'_{\text{уд.}}$, $\Delta F'_{\text{сд.}}$, $\Delta M'_{\text{уд.}}$, $\Delta M'_{\text{сд.}}$ – относительная погрешность измерения удерживающей и сдвигающей силы и удерживающего и сдвигающего момента сил, %.

Выводы.

1.Криминалистическая оценка категоричного вывода заключения эксперта судебной автотехнической и автодорожной экспертизы ДТП возможна после установления закономерности и погрешностей измерения (определения) входящих в нее параметров.

2.Для совершенствования судебной автотехнической и автодорожной экспертизы ДТП необходимо определять надежность устанавливаемой технической причинно-следственной связи между параметрами транспортного средства и ДТП или между параметрами условий дорожного движения и ДТП.

Литература:

1. *Селюков, Д.Д.* Судебная дорожная экспертиза /Д.Д.Селюков.– Минск, Харвест, 2008. – 416 с.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ НАУЧНЫХ РАЗРАБОТОК А.В. ДУЛОВА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ О ЛИЧНОСТИ СВИДЕТЕЛЯ

О.А. Славгородская

Привлечение свидетелей для установления истины в процессе судопроизводства имеет длительную историю. Еще в древнейших правовых источниках идет речь о свидетельствовании, как основе разрешать, дела цивилистического плана, и о привлечении свидетелей к рассмотрению уголовных дел. Необходимость привлечения свидетелей в процесс уголовного судопроизводства, основано на том, что значение свидетельских показаний для процесса расследования большинства преступлений трудно переоценить. Зачастую, именно очевидцы преступления, являются основным источником информации о происшедшем событии. Однако, долгую историю имеет не только участие свидетелей в уголовном судопроизводстве, но и дискуссия об объективности и достоверности свидетельских показаний.

Основой для возможности подвергать сомнению точность воссоздания картины преступления свидетелями послужила опосредованность их показаний. Так, на возможность искажения обстоятельств происшедшего события прошедшего через призму личного восприятия свидетеля указывал в своих трудах еще И.Н. Якимов: «Сведения, по-

лучаемые от таких лиц, называемых свидетелями, получают не из непосредственного источника и по пути до допрашивающего могут быть умышленно или случайно искажены. Эта отрицательная сторона свидетельских показаний давно была известна и обращала на себя внимание, а потому всегда делались попытки уменьшить ее вред, сначала угрозами кары свидетелям за ложь, затем формальными правилами оценки их показаний и, наконец, в настоящее время путем психологической экспертизы свидетелей» [1, с. 3].

Исследование психологических свойств личности свидетеля является отправной точкой при построении возможной модели его поведения на предварительном следствии и оценки степени объективности показаний. Это связано в первую очередь с тем, что достоверность свидетельских показаний зависит от психологических возможностей и особенностей свидетелей [2, с. 272].

Изучение в рамках судебной психологии свидетельских показаний, с целью проверки их достоверности стало, в свое время основой для ряда экспериментальных исследований в Западной Европе и нашлись «в России горячие приверженцы теории несовершенства свидетельских показаний, которые повторяли опыты европейских ученых. Во всех случаях при проведении опытов исследовалась только одна сторона восприятия человеком объективной действительности – непреднамеренное восприятие стороннего наблюдателя, - что и приводило их авторов к пессимистическим выводам» [3, с. 31]. Односторонний подход к изучению особенностей восприятия не способствует возможности получения наиболее полных и достоверных показаний. Свидетель должен рассматриваться как личность, со всеми присущими ему индивидуальными особенностями.

Зависимость протекания таких психических процессов, как ощущения, восприятие, мышление, память от тех потребностей и мотивов, которые побуждают человека к осуществлению этих процессов [4, с. 178], требует изучать личность свидетеля как единую систему. Только в подобном случае следователь способен получить не просто некий объем информации относительно расследуемого события, но и суметь оценить полученную информацию и прогнозировать возможность наиболее эффективного ее использования.

Как отмечал А.В. Дулов «вся получаемая следователем при допросе информация подразделяется на информацию об интересующем следствие событии, факте и на информацию об источнике передачи устного сообщения об этих фактах, событиях» [3, с. 313]. Следовательно, подход к свидетелю не только как к источнику определенной информации, но в первую очередь как к личности, которая располагает неким объемом информации, позволяет подобную информацию получать в полном объеме и минимизировать возможные ее искажения. «Именно в начале допроса должны быть приняты все меры к возбуждению у свидетеля такого психического, эмоционального состояния, которое в наибольшей степени будет способствовать активизации его мыслительных процессов, а отсюда правильному и полному формированию его показаний» [5, с. 106].

К сожалению, до настоящего времени в криминалистике не уделяется должного внимания изучению личности свидетеля и его психологических особенностей. Отсутствие теоретических основ криминалистического учения о личности свидетеля приводит к тому, что в практической деятельности нередок формальный подход к допросу сви-

детеля и зачастую преобладает необоснованно критическое отношение к содержанию свидетельских показаний. Происходит возвращение к отрицанию возможности получить от свидетеля объективную информацию в отношении расследуемого события.

Особенности формирования показаний свидетелей содержащие, по мнению А.В. Дулова, помимо этапов восприятия, запоминания, воспроизведения, и этапы установления психологического контакта, постановки мыслительной задачи и воспоминания, осуществляемые в общении со следователем [5, с. 106–108] могут быть использованы для получения информации о личности свидетеля.

Актуальной задачей криминалистики является составления не только психологического портрета свидетеля, но и создание возможной модели его поведения в типичных ситуациях расследования с учетом современных достижений естественных наук и в первую очередь судебной психологии. Решение данной задачи должно решаться в рамках теоретически обоснованного криминалистического учения о личности свидетеля.

Литература:

1. *Якимов, И.Н.* Искусство допроса / И.Н. Якимов, П.П. Михеев. – М.: Издательство Народного Комиссариата Внутренних Дел, 1928. – 64 с.
2. *Холопова, Е.Н.* Судебно-психологическая экспертиза. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 416 с.
3. *Дулов, А.В.* Судебная психология. – изд. 2-е, исправл. и доп. – Минск: Вышэйшая школа, 1975. – 464 с.
4. *Чуфаровский, Ю.В.* Юридическая психология: учеб. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2013. – 480 с.
5. *Дулов, А.В.* Пути исследования процесса формирования свидетельских показаний // Вопросы судебной психологии. – Минск : Изд. БГУ, 1970. – Вып.1. – С. 95–111.

ТАКТИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ «ПРОФИЛАКТИКА» ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С УПОТРЕБЛЕНИЕМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Е.К. Тарасова

В появлении и становлении теории тактических операций важнейшую роль сыграло концептуальное предложение А.В. Дулова, высказанное им еще в 1972 году. Развивая и очерчивая более широкий круг применения учений криминалистической тактики, А.В. Дулов указал на необходимость разрабатывать не только тактические рекомендации по проведению отдельных следственных действий, но и рекомендации для оптимального решения задач общего характера, возникающих в следственной деятельности. Эти общие задачи, требующие для своего решения проведения группы следственных, оперативно-розыскных, ревизионных действий, были объединены в понятие "тактическая операция" [1, с. 23–24]. Несколько позже, в 1979 г., А.В. Дулов формулирует четкое определение данного понятия. По его мнению, тактическая операция представляет собой "совокупность следственных, оперативных, ревизионных и иных действий, разрабатываемых и производимых в процессе расследования по единому плану под руководством следователя с целью реализации такой тактической задачи, которая не может быть решена производством по делу отдельных следственных действий" [2, с. 44]. Была разработана также структура тактической операции с использованием системного подхода. "Тактическая операция – всегда программно-целевая система, она создается для достижения определенной цели (комплекса целей), для действия по заранее заданной, предварительно спрогнози-

рованной и спланированной программе. Отсюда все ее элементы, этапы, детали могут быть и должны быть заранее предусмотрены в предстоящей деятельности по достижению цели" [2, с. 87]. С учетом сказанного тактическую операцию можно определить как систему согласованных и взаимосвязанных по целевому назначению следственных, оперативно-розыскных и иных действий, разрабатываемых с учетом сложившейся следственной (доследственной) ситуации, проводимых по плану и под руководством должностного лица для разрешения определенных тактических задач выявления, расследования и предупреждения преступлений.

Классифицировать тактические операции можно по различным признакам, например, по характеру составляющих их действий; по субъектам, целям, содержанию и т.д.

Остановимся на одном из видов тактических операций (по цели ее проведения) – «Профилактика преступлений», в частности, определим содержание деятельности, реализуемой в процессе расследования наиболее опасных и распространенных в настоящее время преступлений, связанных с употреблением наркотических средств. Элементами, составляющими содержание данной тактической операции, могут быть следующие:

- Проведение в учреждениях образования бесед и разъяснений о вреде и необратимости употребления наркотических средств. Привлекать к подобным беседам необходимо специалистов – медиков, сотрудников органов внутренних дел, экспертов. Проводимые администрациями школ и иных образовательных учреждений подобные мероприятия собственными силами (с помощью социальных педагогов, психологов, родителей) редко приносят ожидаемый эффект.

- Привлечение членов молодежных отрядов охраны правопорядка представителей БРСМ, которые могут помочь органам внутренних дел оперативно реагировать на факты распространения и употребления наркотиков в местах скопления молодежи, учреждениях образования, местах массового отдыха.

- Проведение агитационно-разъяснительных и профилактических мероприятий, акций совместно с органами здравоохранения и образования (на примере акции «Стоп-спайс»).

- Участие в разработке социальной рекламы, направленной на пропаганду ценностей здорового поведения, информирование о поведении, наносящем ущерб здоровью, о рисках, связанных с наркотиками; стимулирование лиц, употребляющих наркотические вещества, к обращению за психологической и иной профессиональной помощью; формирование позитивных ценностей через эмоциональную сферу и т.д.

- Своевременное выявление и прекращение деятельности интернет-сайтов с помощью которых рекламируется и распространяется наркосодержащая продукция, в частности, курительные миксы.

- Пресечение попыток пересылки наркотиков посредством использования службы экспресс-доставки РУП "Белпочта" с привлечением штатных единиц сотрудников наркоконтроля.

- Ограничение возможности получения так называемых «быстрых денег» (ломбарды, банки) лицами, состоящими на учете или находящимися под наблюдением правоохранительных органов, а также проверка законности деятельности ломбардов и банков по предоставлению кредитов и займов.

Литература:

1. Дулов, А.В. О разработке тактических операций при расследовании преступлений: Краткие тезисы докладов к научной конференции // 50 лет Советской прокуратуры и проблемы совершенствования предварительного следствия: Л., 1972. – С. 23–24.

2. Дулов, А.В. Тактические операции при расследовании преступлений / А.В. Дулов. – Минск, Изд-во БГУ, 1979. – 128 с.

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ

Е.П. Чуприна

Показания опознающего (подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего), данные в ходе предъявления для опознания и предшествовавшего ему допроса, а также протокол предъявления для опознания, в соответствии с нормами ч. 2 ст. 88 и ст. 99 УПК Республики Беларусь, являются источниками доказательств. Соответственно, содержащиеся в этих источниках фактические данные подлежат оценке органом уголовного преследования и судом по общим правилам оценки доказательств, установленным уголовно-процессуальным законом.

Согласно ч. 1 ст. 105 УПК Республики Беларусь, каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в их совокупности – с точки зрения достаточности для окончания предварительного расследования и разрешения уголовного дела в судебном разбирательстве.

Относимость результатов предъявления для опознания определяется их связью с предметом доказывания. Связь может быть прямой (например, когда опознающий узнал в

опознаваемом лице человека, которого он видел в момент совершения им преступления) либо косвенной (например, когда опознающий узнал человека, которого он видел в месте совершения преступления незадолго до того или непосредственно после того, как оно было совершено).

Допустимость результатов предъявления для опознания обеспечивается соблюдением процессуальных норм, устанавливающих общие правила производства следственных действий, порядок предъявления для опознания, а также права и обязанности всех его участников.

Оценка достоверности результатов предъявления для опознания, т.е. соответствия их действительности, представляет наибольшую сложность – это обусловлено тем, что следователь (иной субъект оценки) не имеет объективной возможности непосредственно сравнить объект опознания с мысленным образом, который запечатлен в памяти опознающего лица. В этой связи, вывод о достоверности или недостоверности результатов опознания может быть сделан только на основании глубокого и всестороннего анализа и синтеза информации, которая сообщается опознающим и следует из других материалов дела.

Для оценки достоверности результатов предъявления для опознания необходимо:

- 1) сравнить информацию о признаках опознаваемого объекта, сообщенную опознающим лицом на предварительном допросе и в ходе предъявления для опознания, сопоставить ее с признаками самого опознаваемого объекта, выявить совпадения и различия.

В ситуации, когда на предварительном допросе опознающий не называет конкретные приметы и особенности опознаваемого объекта, но утверждает, что сможет его опознать, следователь не располагает наиболее ценной ча-

стью сравнительного материала, позволяющей в дальнейшем судить о достоверности опознания. Поэтому, не отрицая принципиальной возможности симультанного узнавания объекта без предварительного описания его примет и особенностей, следует признать, что результаты опознания в этом случае не могут рассматриваться как полноценное доказательство и – при отсутствии других доказательств проверяемого факта – быть положены в основу обвинения;

2) оценить обоснованность вывода опознающего о тождестве («это тот же объект»), сходстве («это такой же объект») или дифференциации предъявленного объекта с искомым («это не тот объект»).

На данном этапе решаются вопросы:

- достаточно ли выявленных совпадений признаков опознаваемого объекта для вывода о его тождестве (сходстве);

- насколько существенны выявленные различия для дифференциации объекта с искомым.

Совпадение только общих (групповых) признаков является основанием для вывода о сходстве проверяемого объекта с искомым. При совпадении частных признаков может быть решен вопрос о тождестве – при этом первостепенное значение имеет совпадение особых, бросающихся в глаза примет объекта, отличающихся высокой идентификационной значимостью.

Существенные различия, определяющие несходство в главном, являются основанием для дифференциации. Если решить вопрос об отнесении различий к существенным или несущественным не удастся, должен быть сформулирован вывод о невозможности решения поставленной задачи;

3) проанализировать показания опознающего с учетом возможности сообщения им заведомо ложной информации

либо добросовестного заблуждения.

Содержание показаний опознающего лица анализируется с учетом следующих факторов:

- условий, в которых объект воспринимался первоначально (например, если опознающий подробно описывает признаки внешности опознаваемого, хотя наблюдал его в течение нескольких секунд в ночное время суток при отсутствии искусственного освещения – это должно насторожить следователя);

- физического и эмоционального состояния опознающего в момент первоначального восприятия объекта и при предъявлении для опoznания (дефекты зрения и слуха могут стать причиной ошибочной дифференциации объекта; сильное душевное волнение – причиной ошибочного отождествления; страх перед опознаваемым – мотивом дачи заведомо ложных показаний и т.п.);

- поведения опознающего во время предъявления для опознавания (опознающий может не признаться по каким-то мотивам в том, что узнал предъявленный объект, но выражение его лица, мимика будут свидетельствовать об обратном);

- личности опознающего (возраста, особенностей характера и т.д.), его отношения к делу и участникам процесса;

4) сопоставить результаты предъявления для опознавания с другими материалами дела.

Если результаты предъявления для опознавания противоречат другим материалам дела, причиной может быть: ошибочное опознавание, неправильная оценка его результатов или неверное установление обстоятельств дела. Соответственно, чтобы устранить выявленные противоречия, следователь должен осуществлять проверочную деятель-

ность в трех указанных направлениях.

Оценка достоверности, допустимости, относимости результатов предъявления для опознания, так же как и любых других доказательств в уголовном процессе, должна осуществляться следователем (судьей) в соответствии со своим внутренним убеждением, основанном на всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела. При этом субъект оценки должен избегать стереотипности в мышлении, в частности, убежденности заранее в том, что предъявляемый опознающему объект – и есть искомый.

Результаты предъявления для опознания, которые не вызывают сомнений в достоверности, получены в строгом соответствии с процессуальными нормами и имеют отношение к предмету доказывания по уголовному делу, признаются доброкачественным доказательством и занимают соответствующее место в системе доказательств по делу. В противном случае проверяемый факт нельзя считать доказанным, требуются поиски новых и проверка уже имеющихся доказательств.

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ

Т.Н. Шамонова

Отмечая выдающиеся заслуги в криминалистике известного ученого не только в Белоруссии, но и в России (и в СССР) Андрея Васильевича Дулова, по случаю его 90-летия, хочется пожелать ему доброго здоровья с целью передачи богатого практического и научного опыта последователям-единомышленникам, ученикам, а также дальней-

шей реализации своих научных идей.

Несомненен большой вклад Андрея Васильевича в криминалистическую науку, и в числе прочих – в разработку тактики следственных действий. Работа 1971 г. с П.Д. Нестеренко, посвященная данной теме [1], до сих пор не устарела в своей основе, может быть использована в деятельности работников следствия и дознания.

В исследуемой работе сделан вывод, основанный на данных психологии: человек, не могущий воспроизвести образ объекта в его отсутствии, способен узнать этот объект при повторном восприятии (лицо заявляет, что забыл признаки объекта, хотя в прошлом наблюдал его, но может узнать, если ему его покажут, т.е. это лицо может выступить в роли опознающего. Полностью согласны с подобными выводами, опираясь на свой опыт расследования.

Таким образом, в ходе рассматриваемого действия устанавливается, является ли интересующий следствие объект (человек или предмет) тем самым объектом, о котором опознающий во время допроса дал показания. Иначе говоря, в процедуре предъявления для опoznания решается, по сути, идентификационная задача, осуществляемая путем сравнения мысленного образа, запечатленного в памяти участника уголовного процесса, с представленным ему для опознавания материальным объектом. Опознающий при этом не применяет специальных знаний и технических средств. Итог этого сравнения – установление тождества либо сходства или различия. Отдельные ученые уточняют, что при отсутствии отождествления может устанавливаться родовая (групповая) принадлежность с объектом, бывшим ранее предметом наблюдения опознающего, о котором он сообщил на допросе [2, с. 522]. По сути, это лишь замена термина «сходство».

В ч. 1 ст. 193 УПК Российской Федерации 2001 г. дан перечень объектов и субъектов опознания (как и в УПК Республики Беларусь 1999 г.). Субъекты – свидетели, потерпевшие, подозреваемые, обвиняемые. Объекты опознания – люди, предметы, трупы; их же (кроме трупа) называла ст. 164 УПК 1960 г. Однако в исследуемой работе 1971 г. в числе предъявляемых объектов на опознание указывались кроме живых лиц и трупов, их изображения на фотоснимках; предметы (орудия и оружие, личные вещи и др.); документы, подписи (квитанции, расписки и др.); животные; отдельные участки местности и помещения. В Комментариях к УПК РСФСР среди объектов для опознания названы не только животные, но и домашняя птица, рукописные тексты, строения, участки местности и объекты на местности, труп [3, с. 212]. И в настоящее время на практике проводят опознание животных, помещений, участков местности и др., но Комментарий к УПК Российской Федерации 2001 г. их перечень не приводит [4, с. 342]. Не противоречит ли эта практика закону? На наш взгляд, нет. Указание законодателя на предмет, это не только понимаемые узко орудия преступления, похищенные вещи и т.п., а с точки зрения русского языка, понятие «предмет» означает всякое материальное явление, вещь [2, с. 570]. Следовательно, и понятия «животные, участки местности, строения» и т.д. в общем значении равно можно отнести как материальные явления к предмету опознания.

Обычно опознание производят по месту ведения следствия, замечали А.В. Дулов и П.Д. Нестеренко; оно не исключено и в обстановке, где происходило наблюдение объекта опознающим.

Признаки, по которым проводится опознание, в ст. 193 УПК не указаны, но из текста понятно: их воспринимают

непосредственно, не применяя технику, визуально, на слух. Возможно опознание объектов и по запаху. Кстати, в нашей практике имелся случай опознания женщиной похищенных вещей по запаху пота ее мужа (их примет она назвать не смогла) и человека по походке).

Относительно опознания арестованных ученые в 1971 г. делали ссылку на ст. 164 УПК БССР: к опознанию можно привлекать арестованных по другим делам [1, с. 183], УПК Республики Беларусь от 16.07.1999 г. (ст. 223-224) это не требует. Вместе с тем учебник МГЮА рекомендует предъявлять арестованных среди субъектов, находящихся под стражей (не причастных к данному преступлению), в связи с особенностями одежды, цвета лица, состояния волос головы и лица, запаха этих лиц [5, с. 439]. Вряд ли пригодна названная рекомендация, т.к. еще в 70-х гг. XX в. эта практика признана неприемлемой, в виду случаев сговора арестованных-участников опознаний, порочащих доказательственное значение следственного действия.

Верно замечание, что особые приметы опознаваемого осложняют подбор лиц (следы операций, травм, дефектов врожденных, приобретенных: отсутствие руки, ноги и др.), оттого необходимо предъявлять изображение опознаваемого, где приметы не видны, и фото двух лиц с похожими признаками. Для опознания уникального объекта (произведение искусства, антиквариат и др.) подобрать подобные ему, практически невозможно. Поэтому объекты следует предъявлять лицам при допросе [5, с. 439]. Согласны с этой позицией и дополним, что такое решение возможно, если предметы относятся к массовой продукции и не имеют признаков износа, иных дефектов. На практике часто необоснованно предъявляют новую одежду массового пошива, ювелирные изделия и т.д. без их признаков

Результаты предъявления для опознания имеют для расследования важное значение, как доказательство по делу, оцениваемое в совокупности с другими доказательствами. Поэтому велика и цена ошибки в случае, если она происходит.

Тактические приемы, в частности, основанные на данных психологии, особенностях психики людей, приведенные в работах А.В. Дулова и П.Д. Нестеренко и других криминалистов, следственная практика еще не в полной мере учитывает. Наблюдается формальное отношение к тактике допроса участников процесса опознания, только «о приметах и особенностях, по которым могут произвести опознание» (ч. 2 ст. 193 УПК Российской Федерации). Не упоминают и учебники криминалистики синтетическое и аналитическое опознание. Если допрашиваемые не могут указать ни приметы, ни особенности наблюдаемых ими лиц, но заявляют об опознании их, то ответы на подобные вопросы в литературе освещаются редко. В основном делается упор на выявление признаков объектов опознания, хотя сами субъекты расследования их толкуют по-разному, не могут и назвать их, что выясняется на занятиях повышения квалификации. Указанное свидетельствует о слабой теоретической подготовке будущих юристов в вузе, и в профессиональной деятельности.

Не все вопросы организации и тактики предъявления для опознания еще решены на практике. Приемы предъявления на опознание в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, мало апробированы. До конца не определены научные основы отождествления лица по мысленному образу; объектов по видеозаписям, использования цифровых фотографий и объемных

пластических моделей для опознавания объектов [6, с. 3, 196]. Нет достаточного методического обеспечения для использования приемов предъявления для опознавания на практике. Достижения криминалистики, психологии, медицины и других наук позволят повысить эффективность расследования преступлений, но это требует комплексного подхода, участия специалистов разных отраслей в разработке необходимых рекомендаций.

Литература:

1. *Дулов, А.В.* Тактика следственных действий / А.В. Дулов, П.Д. Нестеренко. – Мн.: Выш. шк., 1971. – 272 с.
2. Криминалистика: учебник /под ред. Н.П. Яблокова. – 4-е изд. перераб. и доп. – М., 2010. – С.522–532.
3. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. А.М. Рекункова, А.К. Орлова. – М.: Юрид. лит., 1981. – С.212–215.
4. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РФ / под ред. А.Я. Сухарева. – М.: Норма, 2002. – С. 342–344.
5. *Ищенко, Е.П.* Криминалистика: учебник / Е.И. Ищенко, А.А. Топорков. – 2-е изд. испр., доп. и перераб. – М.: Инфра-М, 2010. – С.435– 448.
6. *Бурыка, Д.А.* Правовые, организационные и тактические основы предъявления для опознавания: дис... канд. юрид. наук / Д.А. Бурыка. – М., 2005. – С. 3, 196.

РАЗДЕЛ IV

ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ЖЕНСКОГО ПОЛА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

А.С. Антимонов

Современное развитие научно-технического прогресса, оказало значительное влияние и на особенности совершения преступлений, что, безусловно, должно как минимум равноценно отразиться на уровне развития деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений.

Эта тенденция нашла свое отражение и в преступности несовершеннолетних женского пола. Так, значительную роль в преступности несовершеннолетних девушек стали играть современные информационные технологии.

Наглядным примером вышесказанному может служить случай произошедший вечером 10 сентября 2013 года. Восемь жительниц Подмосковья, среди которых было четыре несовершеннолетних, жестоко избили 21-летнюю девушку, являющуюся инвалидом по общему заболеванию. Злоумышленницы напали на свою знакомую, предварительно ее подкараулив. Они начали оскорблять ее и бить, нанося удары по всему телу и голове, различными дей-

ствиями унижая человеческое достоинство и снимая происходящее на сотовый телефон. Указанные записи легли в основу доказательственной базы по данному уголовному делу [1].

Следует отметить, что среди несовершеннолетних преступниц все чаще появляются опытные «хакеры», специализирующиеся на совершении преступлений в сфере компьютерной информации. Причем, как указывают следователи и сами несовершеннолетние преступницы, причиной, побудившей их к такой деятельности, стало широкое распространение в книжной и киноиндустрии образа девушки-хакера. И если в среднем за период с 2006 по 2009 гг. по Центрально-Черноземному району Российской Федерации, этот вид преступлений составил 0,6 % от общей преступности несовершеннолетних женского пола, то уже за период с 2010 по 2012 гг. – 1,4 % [2, с. 27-28].

Все чаще несовершеннолетние девушки применяют для совершения преступлений социальные сети и интернет-чаты. Весьма распространенным является использование различных психологических манипуляций для уговора потерпевшего перевести денежные средства на мобильный телефон или электронный счет. В социальных сетях и интернет-чатах девушке намного легче скрыть свою личность, а также заманить своих «жертв» на место, где их ожидают ее соучастники, или она сама опаивает их и совершает преступление.

Нередки случаи заманивания взрослого мужчины несовершеннолетней девушкой через социальные сети для вступления с ним в половую связь, которая будет запечатлена на видео для дальнейшего шантажа, с угрозой привлечения его к уголовной ответственности за совращение лица, не достигшего 16-летнего возраста.

По этой причине следователю рекомендуется особенно тщательно изучить информацию, имеющуюся на персональных компьютерах, мобильных телефонах, смартфонах, ноутбуках, флешках и прочих электронных носителях информации. Помимо этого полезные сведения могут быть размещены на электронной почте девушки, в ее переписке в социальных сетях, на посещаемых девушкой форумах.

Надо отметить, что многие девушки способны хорошо скрывать и шифровать указанные данные. Значительная часть «электронных следов» скрывается именно на уровне файлов. Операционные системы позволяют нам получить доступ только к той информации, которая правильно включена в файловую систему. Все, что не входит в файл для пользователя и недостаточно квалифицированного и программно оснащенного эксперта, невидимо. При этом за пределами экспертного исследования остаются: служебные секторы; резервные секторы; поврежденные секторы; «хвостовики» последних кластеров, отведенные каждому файлу; все свободное дисковое пространство; дополнительные дорожки на диске, которые могут быть размечены при участии вредоносных программ и др. К тому же, для сокрытия информации на компьютерах могут быть установлены специальные защитные программы, которые при определенных условиях автоматически производят полное или частичное стирание информации.

Учитывая значимость скрываемых таким образом сведений, все «электронные доказательства», находящиеся в компьютере либо в компьютерной системе, должны быть, собраны таким образом, чтобы потом могли быть признаны судом. Чтобы это гарантировать, необходимо строго придерживаться уголовно-процессуального законодательства, а также стандартизированных приемов и методик их

изъятия. По этой причине при непосредственном производстве обыска крайне не рекомендуется следователям и дознавателям самим производить подобные действия, а отправлять их на соответствующую экспертизу к специалисту уровень познания которого, скорее всего, позволит избежать этих последствий. Либо же непосредственно привлекать к участию в указанном следственном действии специалиста в области программного обеспечения.

При производстве обыска у несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) следствием, зачастую, упускается из вида возможность нахождения значимой информации не только на стандартных носителях информации, но и на современных портативных «гаджетах».

Нужно помнить, что даже на маленькую карту флеш-памяти размером всего 1 на 1,5 сантиметра могут помещаться гигабайты информации, в том числе и вредоносные программы для взлома.

Следует отметить, что при обыске помещения, где работает или проживает несовершеннолетняя подозреваемая (обвиняемая) в киберпреступлении, необходимо уделять особенное внимание выявлению соответствующей профессиональной литературы, планов, пометок в записных книжках. А также помнить, что они могут храниться на самом компьютере. Это особенно актуально потому, что в отличие от опытных «хакеров» несовершеннолетние преступницы редко успевают настолько овладеть теоретическими знаниями, чтобы не обращаться к «подсказкам».

Отдельного внимания заслуживает вопрос контроля над обыскиваемой, в случае ее присутствия при обыске, это вызвано достаточной хрупкостью многих носителей информации, которые даже от незначительного воздействия на микросхему могут полностью прийти в негод-

ность и невозможность их восстановления.

К тому же, как показывает практика, желание подозреваемой сотрудничать со следствием и выдать все имеющиеся носители информации достаточно часто является лишь предлогом, чтобы максимально нагрузить следствие и скрыть то единственное где хранятся действительно важные сведения.

Существенную помощь следователю в установлении месторасположения тайника может оказать информация об увлечениях несовершеннолетней девушки, так как создание «тайника» часто основывается на знаниях, полученных из фильмов, компьютерных игр и т.д. К тому же, местом хранения, зачастую, становятся вещи, имеющие особенную ценность для девушки (музыкальный инструмент, спортивный инвентарь, специальная атрибутика).

Следует подчеркнуть и то, что при совершении преступления группой несовершеннолетних девушек или смешанной группой, общение между ними, достаточно часто, осуществляется по кличкам, которые можно обнаружить по их данным в социальных сетях.

Необходимо отметить, что многие несовершеннолетние преступницы, совершая преступления с использованием современных технологий, обращаются за помощью к более опытным специалистам в этой сфере. Причем, в этом качестве в основном выступают знакомые таким девушкам лица мужского пола, либо лица, найденные при их непосредственной помощи, которые могут, как непосредственно оказывать помощь в совершении преступления, так и, просто консультировать девушку не подозревая о ее преступных замыслах.

Однако наиболее распространенными стали случаи привлечения в качестве исполнителей преступления «лю-

бовников» девушек, которых они могут самыми различными способами подтолкнуть к совершению преступления (уговоры, ультиматумы о прекращении отношений в случае отказа, придуманные сведения о жестоких поступках «потенциальных жертв» по отношению к ним, то есть призывы к мести). При этом, как показывает практика, указанные исполнители до последнего будут стараться защитить и выгородить своих подстрекательниц.

Литература:

1. Официальный сайт СК Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sledcom.ru>.

2. *Антимонов, А.С.* Особенности расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними женского пола: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12 / А.С. Антимонов. – Москва, 2013. – 197 с.

О РАСКРЫТИИ МАССОВЫХ УБИЙСТВ, ЗАМАСКИРОВАННЫХ ИНСЦЕНИРОВКАМИ НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ

Р.Г. Ардашев, В.Н. Туркова

Методика расследования отдельных видов и групп убийств получила освещение в трудах многих криминалистов: О.Я. Баева, В.С. Бурдановой, И.Е. Быховского, Л.Г. Видонова, В.К. Гавло, В.И. Комиссарова, В.Е. Коноваловой, В.П. Колмакова, В.Е. Корноухова, В.П. Лаврова, Г.Н. Мудьюгина, В.А. Образцова, А.А. Протасевича, Н.А. Селиванова, В.И. Шиканова и др.

В диссертационных российских исследованиях последнего десятилетия (Е.Г. Килессо, А.А. Корчагин, Е.А. Логинов, Е.С. Папышева, Б.Л. Прокопенко и др.) нашли отражение различные аспекты расследования преступле-

ний против жизни, но вместе с тем некоторые важные вопросы не получили надлежащего освещения, например, особенности работы по такой разновидности преступлений, как массовые убийства [1, с.117–119].

По мнению В.А. Образцова, массовым убийством можно назвать криминальное лишение жизни более четырех человек в короткий промежуток времени [2, с. 52]. Процесс раскрытия преступления в литературе определяется, как совместная задача следователя и оперативных сотрудников органов дознания, как деятельность, направленная на получение информации, дающей основание для выдвижения версии о совершении преступления определенным лицом после того, как все иные взаимоисключающие ее версии будут проверены и отвергнуты [3, с.184].

Изучение архивных материалов показывает, что целенаправленная и творческая деятельность оперативных сотрудников позволяла успешно раскрывать массовые убийства, совершенные в условиях неочевидности, например, при инсценировках несчастных случаев.

Так, в ночь на 10 апреля 1950г. в Качикатском наслеге Якутской АССР неизвестные преступники убили 12 человек (9 взрослых и 3 малолетних ребенка), трупы которых были сложены в юрту, которую подожгли с целью инсценировки гибели потерпевших вследствие пожара. Для раскрытия этого неординарного преступления в село Качикатцы был направлен под легендой глухонемого частного ремесленника-кожемяки оперуполномоченный уголовного розыска Л., предварительно изменивший свою внешность и обладавший действительными навыками обработки шкур животных. Полугодовая командировка (оперативное внедрение) Л. оказалась удачной – он смог получить конкретные сведения о жителях села, которые совершили массовое

убийство колхозников в надежде похитить крупную денежную сумму, находившуюся, по их мнению, у потерпевших. Оперативная информация Л. позволила следствию убедительно доказать вину преступников, а суду – вынести обоснованный суровый приговор [4].

В другом случае правоохранительные органы столкнулись с большими трудностями при расследовании факта гибели семи юношей-подростков близ полустанка Казынет Красноярской железной дороги, в таежном массиве Республики Хакасия [5, с. 247]. В ночь на 14 августа 1989 г. возле Казынета машинист двигавшегося грузового поезда № 2008 заметил в свете прожектора на железнодорожном полотне очертания лежавших человеческих тел. Несмотря на применение экстренного торможения, состав совершил наезд на лежавших. Это оказались школьники, приехавшие сюда из Кемеровской области на сбор кедровых шишек. Создавалось впечатление, что юноши в ожидании поезда уснули ночью в колее между рельсами, а судебные медики определили имевшиеся у погибших телесные повреждения, как «рельсовые травмы», причиненные прижизненно.

Настоящее дело неоднократно прекращалось – следствие устраивала версия о гибели потерпевших по их неосторожности. В результате жалоб родителей погибших расследование по делу было возобновлено [6]. Следователь начал тщательно проверять жителей полустанка Казынет (железнодорожных рабочих) и установил, что после данной трагедии один из них (Кирсанов) был осужден за убийство родственника в ссоре и направлен отбывать наказание в колонию.

Обращение следователя к руководству ИТК-35 (Республика Хакасия) позволило выяснить, что К. рассказывал оперативному сотруднику Н. о том, что он со своими зна-

комыми убил в тайге 7 подростков, инсценировав несчастный случай. Эта информация, очень качественно проверенная и закрепленная следователем, позволила получить большой объем доказательств, выявить и осудить группу местных жителей, совершивших указанное преступление.

Каждый из подсудимых по данному делу был осужден к 15 годам лишения свободы, приговор вступил в законную силу. Здесь необходимо отметить, что реализация оперативной информации произошла только благодаря инициативному обращению следователя В.М. Гуженкова к руководству ИТК-35, которое данные сведения никуда не направляло, объяснив впоследствии свои действия «недоверием к фантазиям» осужденных [7].

По нашему мнению, подобные сложные дела могут успешно раскрываться при наличии позитивного контакта оперативных и следственных работников, обладающих необходимым уровнем профессионализма, что предполагает хорошее знание следователями практических аспектов оперативно-розыскной деятельности и оформления на них допусков формы № 2 (к документам с грифом «совершенно секретно»).

Литература:

1. *Ардашев, Р.Г.* Массовые убийства, осложненные посткриминальным суицидом правонарушителя: проблемные вопросы / Р.Г. Ардашев, Н.Н. Китаев // Закон и право, 2013. – № 10.
2. *Образцов, В.А.* Серийные убийства как объект психологии и криминалистики / В.А. Образцов. – М., 2003.
3. *Белкин, Р.С.* Криминалистическая энциклопедия. – М., 1997.
4. Приговор Верховного Суда Якутской АССР по уголовному делу № 1319 вынесен 11 августа 1951 г. Настоящее дело с мая 1958 г. хранится в архиве МВД по Республике Саха (Якутия) – Прим. авт.
5. *Хохлов, В.В.* Судебная медицина: руководство / В.В. Хохлов, Л.Е. Кузнецов. – Смоленск, 1998.

6. *Репин, Л.* На тихой станции, в тайге / Л. Репин // Комсомольская правда. 1994. — 16 августа.

7. Методика склонения осужденных к явке с повинной изложена в специальных работах // Василега, О.П. Обеспечение явки осужденных с повинной в исправительно-трудовой колонии / О. П. Василега, А.Д. Сафронов. — М. ВНИИ МВД СССР, 1980. — Прим. авт.

ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

И.Р. Веренчиков

Практика убеждает, что возможности уголовного наказания как регулятора человеческого поведения принципиально ограничены. Преступные проявления среди лиц, однажды наказанных за совершение преступления лишением свободы, намного выше, чем среди другого населения. Этот общеизвестный факт сам по себе свидетельствует о том, что профилактика преступлений открывает куда более широкие возможности борьбы с преступностью в современном обществе, чем иные меры.

В современном государстве необходимо иметь стратегию социальной профилактики преступлений, рассчитанную на комплексное применение экономических, политических, социальных и правовых факторов. Действие такой комплексной программы социальной профилактики требует обязательного включения достаточно широкого круга субъектов (например, перечень субъектов этой деятельности дан в ст. 5 Закона Республики Беларусь "Об основах деятельности по профилактике правонарушений").

Особая роль в профилактике преступлений принадлежит правоохранительным органам и другим юридическим

органам и учреждениям.

Программа социальной профилактики будет действительна в том случае, если будет предельно ясна и целенаправленна деятельность каждого субъекта профилактики.

Важность профилактической деятельности следователя определяется не только тем, что он является обязательным субъектом в общей системе социальной профилактики преступлений, но и прежде всего тем, что именно в деятельности следователя происходит самый первый контакт с преступлением, с его результатами и последствиями. Важность профилактической деятельности следователя определяется также и тем, что эта деятельность является основанием для активизации деятельности других субъектов социальной профилактики преступлений.

В ходе расследования преступления полнее всего вскрываются причины и условия, способствовавшие его совершению. Анализ причин и условий открывает возможности для разработки и осуществления действенных мероприятий по их устранению. Следователь может выявить не только причины и условия, непосредственно влияющие на совершение конкретного преступления, но также и дефекты в работе организаций, учреждений, должностных лиц и т.д., которые привели к появлению указанных причин и условий. Следователь имеет возможность выяснить, кто из субъектов социальной профилактики не выполнил своих обязанностей в этом направлении, что и привело к преступлению. Четкая, целенаправленная деятельность следователя по профилактике правонарушений и преступлений – важнейший элемент общей борьбы с преступностью.

Основные задачи профилактической деятельности следователя могут быть следующие:

- определить место профилактической деятельности

следователя в общей системе социальной профилактики правонарушений;

- разработать организационные основы профилактической деятельности следователя;

- определить основные этапы и раскрыть тактические задачи профилактической деятельности следователя;

- разработать понятие и систему тактических средств реализации профилактической деятельности следователя;

- дать организационно-методические рекомендации по осуществлению профилактической деятельности следователя при производстве отдельных следственных действий и осуществлении тактических операций.

Специфические задачи следователя в сфере предупреждения преступлений заключаются в:

- разработке приёмов и методов выявления причин и условий, способствовавших совершению преступлений, с учетом их криминологических и криминалистических особенностей;

- выявлении объектов профилактического воздействия в рамках криминалистической деятельности;

- выявлении и исследовании особенностей типичных следственных ситуаций профилактического характера, складывающихся по делу, и выработке на их основе направлений криминалистической деятельности по предупреждению преступлений;

- определении примерного комплекса наиболее действенных профилактических мер следователя в каждой из них;

- разработке мер пресечения начавшегося и предупреждения готовящегося преступления по материалам первичных данных и расследуемого дела;

– разработке профилактических мер специального криминалистического характера.

Реализация профилактической деятельности следователя во время расследования преступления имеет существенные преимущества. Именно в ходе расследования полнее выявляются все причины и условия, способствовавшие совершению преступления, что связано с широкими тактическими возможностями следственной деятельности. Необходимо также отметить, что профилактическими мероприятиями, проведенными во время расследования, достигается более быстрое устранение этих причин и условий. Эта точка зрения поддерживается многими авторами.

В юридической литературе не все проблемы профилактической деятельности следователя получили полную и глубокую разработку. Вне пределов научного исследования остаются такие вопросы, как:

- место следственной профилактики в общегосударственной системе профилактики преступлений;
- тактика проведения профилактической деятельности следователя (из чего именно состоит эта деятельность, как она должна развиваться в общем процессе расследования);
- определение основных этапов и тактических задач профилактической деятельности следователя;
- планирование и тактические особенности профилактической деятельности следователя.

Неполнота решения этих теоретических проблем приводит к тому, что на практике деятельность следователя по профилактике преступлений становится малорезультативной.

Представляется, что для решения этих задач правильным будет путь от общего к познанию конкретного. Здесь

полностью проявляет себя та истина, что "знание общего противоречиво ... но оно только и есть ступень к познанию конкретного".

Общегосударственная система профилактики преступлений должна включать:

а) общегосударственные мероприятия экономического, идеологического и воспитательного порядка, которые не направлены непосредственно на борьбу с преступностью, но оказывают на ее состояние существенное влияние;

б) мероприятия законодательного, правового порядка, определяющие главные направления, сочетающие убеждение и принуждение в борьбе с преступностью;

в) деятельность всех субъектов профилактики правонарушений по выявлению причин и условий, совершения конкретных преступлений и принятию мер по их устранению;

г) непосредственную постоянную и последовательную работу следствия, прокуратуры и судов по раскрытию преступлений, расследованию и судебному рассмотрению уголовных дел, исправлению и перевоспитанию лиц, совершивших преступления, надзору за лицами, освобожденными из мест лишения свободы;

д) проведение специальных мероприятий, диктуемых складывающейся обстановкой.

К профилактике преступлений необходимо подходить как к комплексной социальной проблеме. Следует отметить, что профилактика – это не просто комплекс различных мероприятий. Она является специфической областью социального регулирования, связанного с реализацией задачи устранения причин и условий, порождающих преступность. Именно поэтому под профилактикой преступлений необходимо понимать систему мер, направлен-

ных на предотвращение преступлений, выявление и устранение причин и условий их совершения. В профилактику преступлений включается система экономических, политических, идеологических, социально-культурных, правовых и иных мероприятий, направленных на устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений. Иными словами, предупреждение преступности в широком плане состоит в такой организации экономики, идеологии, культуры, быта и т.д., которая обеспечивает устранение или подавление негативных сторон общественной жизни, способных проявляться в качестве причин и условий, питающих преступность.

К сожалению, в борьбе с преступностью в недалеком прошлом обнаруживалась экстенсивная тенденция, когда происходило расширение круга субъектов профилактики, появлялись новые и новые ее формы. Количественные показатели предупредительной деятельности росли, а на результативности это практически почти не отражалось.

Профилактика преступлений – одна из систем социального порядка, существование которой необходимо для решительной борьбы с преступностью, для выявления и устранения причин и условий, ее порождающих.

Профилактика преступлений, являясь сознательной, преднамеренной и целенаправленной деятельностью субъектов этой системы, должна осуществляться комплексно, во всех сферах, применительно к различным элементам общественной системы, характеру, действующих причин преступности, путем непосредственного воздействия на них или создания и стимулирования положительных факторов, противостоящих преступности.

Субъектами профилактической деятельности являются различные органы, учреждения и организации, составляю-

щие в целом общественно-государственную систему предупреждения преступлений. Что, безусловно, влияет на безопасность государства.

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: МЕТОДЫ ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Ж.И. Ковган

Финансово-экономическая экспертиза является родом экономических экспертиз. Ее проведение представляет собой сложный и трудоемкий процесс. В исследовательской части экспертного заключения при изучении объектов исследования эксперт прибегает к использованию различных методик, которые состоят из методов, характерных в основном для всех родов экономических экспертиз. Под «методами экономической экспертизы» следует понимать «совокупность применяемых экспертом методических приемов (сформированных на основе общенаучных методов и методов информационно-аналитических наук) исследования информации о фактах финансово-хозяйственной деятельности хозяйствующих субъектов, зафиксированной на материальных носителях, представленных на экспертное исследование» [1, с. 148].

В научной литературе авторы выделяют различные группы методов экономической экспертизы. О.Н. Макарова к таковым относит [2, с. 137–140]: общенаучные методические приемы (анализ, синтез, индукция, дедукция и другие); конкретные научные методические приемы: а) расчетно-аналитические (экономический анализ, статистические расчеты, экономико-математические методы); б) документальные (информационное моделирование, экс-

пертизы разных видов, исследование документов, нормативно-правовое регулирование); в) обобщение и реализация результатов экспертизы (группировка недостатков по периодам возникновения, аналитические группировки, систематизированное изложение результатов в заключении эксперта, реализация результатов экспертизы). Она проводит классификацию исходя из этапов проведения экспертизы. Е.Р. Россинская и Н.Д. Эриашвили выделяют три группы методов [3, с. 102]: общенаучные; специальные расчетно-аналитические (экономический анализ, статистические расчеты, экономико-математические методы); специальные документальные методы (проверка арифметических расчетов (пересчет), проверка соблюдения правил учета отдельных хозяйственных операций и т.д.). Существуют и иные точки зрения.

Считаем, что все методы, используемые при проведении финансово-экономической экспертизы, следует разделять на две группы общие и специальные. К общим отнесем те же методы, что и О.Н. Макарова к общенаучным методическим приемам. К специальным – методы, которые характерны для одной или нескольких наук. Например, аналитические, экономико-правовые, метод сопоставления данных бухгалтерского учета с параллельными условно-симметричными потоками учетной информации и т.д. Список методов оставляем «открытым», так как появляются новые методы, которые используются при проведении финансово-экономических экспертиз. В связи с тем, что общие и специальные методы довольно подробно раскрыты в научной литературе, остановимся на рассмотрении двух основных методов, используемых при проведении рассматриваемых экспертиз: экономико-правовой анализ; метод сопоставления данных бухгалтерского учета с па-

параллельными условно-симметричными потоками учетной информации.

Экономико-правовой анализ предполагает использование специальных экономических и бухгалтерских знаний в юридической практике.

Метод сопоставления данных бухгалтерского учета с параллельными условно-симметричными потоками учетной информации применим в тех случаях, когда простого анализа документов недостаточно, т.к. недостоверная информация скрыта путем варьирования данными бухгалтерского учета (т.е. искажена). По этой причине необходимо воспользоваться первичными документами проверяемой организаций и (или) вторым экземпляром документов, подтверждающих совершение хозяйственной операции совместно с исследуемым субъектом. Например, при покупке товара у контрагента остается фискальный чек (товарная и (или) товарно-транспортная накладные и т.д.).

На основании всего выше написанного можно сделать вывод о том, что при проведении финансово-экономических экспертиз используют методы в комплексе. Все применяемые методы можно разделить на две группы: общие и специальные. К первым относятся: анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, моделирование, абстрагирование, конкретизация, сопоставление, системный анализ, функционально-стоимостной анализ. Ко вторым относятся: аналитические, экономико-правовые, метод сопоставления данных бухгалтерского учета с параллельными условно-симметричными потоками учетной информации и т.д. Приведенный список методов является «открытым», так как периодически зарождаются новые методы, которые используются при проведении финансово-экономических экспертиз. К наиболее используемым методам относятся

экономико-правовой анализ и метод сопоставления данных бухгалтерского учета с параллельными условно-симметричными потоками учетной информации.

Литература:

1. *Климович, Л.П.* Судебно-экономические экспертизы: теоретические и методические основы, значение при расследовании преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Л.П. Климович. – Красноярск, 2004. – 484 л.

2. *Макарова, О.Н.* Экономическая экспертиза как инструмент противодействия криминальным явлениям в экономике : автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / О.Н. Макарова; С.-Петерб. ун-т МВД РФ. – СПб, 2012. – 22 с.

3. *Россинская, Е.Р.* Система методов судебно-бухгалтерской экспертизы / Е.Р. Россинская [и др.] // Судебно-бухгалтерская экспертиза : учеб. пособие для студентов вузов / Е.Р. Россинская [и др.]; под ред. Е.Р. Россинской, Н.Д. Эриашвили. – М., 2007. – С. 89–106.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УБИЙСТВ, ИНСЦЕНИРОВАННЫХ ПОД НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

Е.П. Орехова

Убийство – тяжкое преступление против жизни и здоровья человека. Расследование убийств обычно представляет значительную сложность, поскольку преступники применяют множество способов совершения, маскировки и сокрытия преступления, прибегают к разнообразным средствам противодействия установлению истины.

На наш взгляд, методика расследования убийств, инсценированных под несчастный случай, – это система научных положений, методических правил и реко-

мендаций, формируемых с учетом и в тесной связи с судебно-следственной практикой и применяемых при раскрытии, расследовании и предупреждении этих тягчайших преступлений.

Методика расследования убийств, инсценированных под несчастный случай, включает в себя рекомендации по выполнению в процессе расследования комплекса действий, позволяющих выяснить, имело ли место убийство или смерть лица наступила в результате несчастного случая.

На начальном этапе развития теории криминалистической методики отмечался единый критерий классификации методик расследования – вид преступления. Сначала разрабатывалась методика расследования убийств, где выделились новые критерии классификации методик расследования убийств: 1) по субъекту преступления: убийства, совершаемые женщинами, несовершеннолетними, организованными группами; 2) по квалифицирующим признакам убийства: убийство двух и более лиц, из корыстных побуждений, по найму, детоубийство и т.д.; 3) по способу сокрытия преступления: расчленение, сожжение трупа и т.д.; 4) по месту совершения убийства; 5) по наличию свидетелей совершения убийства; 6) по наличию трупа на месте совершения преступления; 7) по критерию отдаленности события преступления от момента начала расследования: расследование убийств «по горячим следам», убийств прошлых лет. Если два первых критерия выделены исходя из уголовно-правовых признаков преступления, то остальные – из криминалистически значимых факторов, что наиболее важно для формирования методики расследования убийств. Все названные методики расследования убийств являются первоосновой

для методики расследования убийств, инсценированных под несчастный случай.

Методика расследования убийств, инсценированных под несчастный случай, должна развиваться на основе практики правоохранительных органов, учитывая развитие экономики, изменения в структуре экономики, в способах совершения и сокрытия убийств.

Криминалистическая характеристика убийств, инсценированных под несчастный случай, представляет собой систему взаимосвязанных обобщенных данных о наиболее типичных признаках, проявляющихся в способе и механизме убийства, обстановке его совершения, личности убийцы и других сторонах этого деликта, сведения о которых важны для практического решения задач расследования.

В основе криминалистической характеристики убийств, инсценированных под несчастный случай, лежат объективные процессы совершения и сокрытия этих преступлений, определяющие закономерности отражения признаков содеянного в реальности.

Элементами криминалистической характеристики убийств, инсценированных под несчастный случай, являются: 1) типичные криминалистические ситуации совершения убийств; 2) сведения о наиболее распространенных способах инсценировки и способах совершения убийств, инсценированных под несчастный случай, которые неразрывно связаны с конкретной ситуацией, временем, местом, обстановкой посягательства на жизнь; 3) сведения о типичных личностных особенностях злоумышленника всегда относятся к основным элементам криминалистической характеристики данной категории преступлений; 4) типичные следы

преступления (материальные и идеальные следы); 5) сведения о связях конкретного деликта (или отсутствие такой связи) с другими преступлениями; 6) сведения о целях и мотивах совершения убийства; 7) сведения о количестве виновных; 8) сведения об обстоятельствах, способствующих совершению преступления.

Особенностью криминалистической характеристики убийств, инсценированных под несчастный случай, является то, что одним из ее обязательных элементов выступает способ инсценировки убийства.

Уяснение методической составляющей криминалистической характеристики преступлений, инсценированных под несчастный случай, помогает следователю выдвинуть версии, определить конкретный перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПНЫХ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ВЕДЕНИИ ГОРНЫХ РАБОТ

О.Д. Сергеев

Значительное развитие угольной отрасли в России и в Кузбассе, рост интенсивности эксплуатации предприятий по добыче угля, иногда при низком профессионализме и материально-техническом обеспечении производственных процессов остро поставили задачу обеспечения безопасности при проведении горных работ. Как было отмечено на 4-м Российско-Китайском симпозиуме «Строительство и эксплуатация угольных шахт и городских подземных сооружений», проходившем в г. Кемерово, обеспечение без-

опасности для угольной отрасли имеет огромное значение.

Но, несмотря на усилия, как государства, так и администрации Кемеровской области, складывается устойчивая тенденция к росту несчастных случаев в угольной отрасли. Так на всей территории Кемеровской области, за период 2010–2014 г.г., всего было зарегистрировано 39 сообщений о фактах нарушений правил безопасности при ведении горных работ. В результате происшествий, связанных с преступными нарушениями правил проведения горных работ, за этот же период погибло 135 человек (за последние 55 лет число погибших достигла 15 тыс. чел), Общий материальный ущерб за четыре года составил 879 млн. рублей.

Этому способствует большой объем ручного труда, слабая механизация вспомогательных процессов, специфические условия подземного производства, горное давление, сопровождающееся вывалообразованием и обрушением горных пород и разрушением крепи горных выработок, наличие взрывоопасных метана и угольной пыли, нередко высокая обводненность и запыленность рабочих мест [1, с. 3].

Вместе с этими причинами наличие такой ситуации способствует снижению эффективности системы охраны труда в угольной отрасли, иногда низкой производственной дисциплиной, как работников, так и руководителей угольных предприятий, снижение затрат на мероприятия по охране труда в угольной отрасли.

Наряду с такой негативной тенденцией наблюдается заметное снижение числа возбуждаемых по ст. 216 УК РФ уголовных дел. В то же время раскрываемость дел данной категории за последние десять лет значительно снизилась.

Так же снизилось число дел, направленных в суд, одновременно возросло число прекращенных уголовных дел.

Это обусловлено, на наш взгляд, рядом объективных причин. К наиболее часто встречающимся таким причинам следует отнести трудности связанные с выявлением данного вида преступлений, трудоемкость расследования преступлений данного вида, а так же противодействие расследованию иногда осуществляемое рядом должностных лиц.

Так же следует обратить внимание на слабую разработку методики расследования данного вида преступлений. Последняя публикация по данной теме вышла в свет более 40 лет назад.

Впервые к вопросам расследования промышленной безопасности обращался Г.Гросс, который в своих работах указывал на зависимость методики расследования производственных аварий от специфики производства [2, с. 1029–1038].

Однако, не смотря на повсеместное развитие угольной отрасли, практически ни каких исследований в области расследования преступлений данного вида не проводилось. Если общим вопросам расследования преступлений связанных с нарушением правил промышленной безопасности посвящено множество работ таких авторов как Н.П. Косоплечева [3], Л.А. Мариупольского [4], Н.П.Яблокова [5] и других, то по вопросам расследования преступных нарушений правил безопасности при ведении горных работ были опубликованы результаты только одного исследования – работа В.Ф. Зудина [6], вышедшая в 1963 году.

Следует так же отметить, что указанная нами работа была написана с учетом нормативной базы и правил технической безопасности, действовавших в тот период времени,

и которые к настоящему времени кардинально изменились. Вместе с ними изменились условия работы в угледобывающей отрасли, а, следовательно сформировались и новые условия расследования преступных нарушений правил безопасности при ведении горных работ.

С учетом изложенного можно сделать вывод о том, что разработка методики расследования преступных нарушений правил безопасности при ведении горных работ практически не проводится, а те положения, которые уже имеются нельзя признать удовлетворительными.

Данные факторы требует разработки и совершенствования уже имеющихся методик расследования преступных нарушений правил безопасности при ведении горных работ, чтобы обеспечить правоохранительным органам эффективность работы в новых условиях.

Литература:

1. *Лудзиш, В.С.* Аварийность и травматизм на шахтах Кузбасса и меры по их снижению / В.С. Лудзиш, Г.И. Кулаков. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999. – С. 3.
2. *Гросс, Г.* Руководство для судебных следователей как система криминалистики. СПб. : Лекс-эст, 2002. – С. 1029–1038.
3. *Косоплечев, Н.П.* Расследование нарушений правил техники безопасности. – М. 1957.
4. *Мариупольский, Л.А.* Расследование по делу о нарушении правил техники безопасности. – М. : ВНИИ Прокуратуры СССР, 1951.
5. *Яблоков, Н.П.* Проблемы расследования и предупреждения преступлений в области охраны труда и техники безопасности: дис. ... д-ра юрид.наук / Н.П. Яблоков. – М, 1972.
6. *Зудин, В.Ф.* Предотвращение и расследование преступлений. – Саратовский Университет, 1963.

ВЛИЯНИЕ ИДЕЙ А.В. ДУЛОВА НА ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДИК РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

А.М. Хлус

В последние годы значительно обострились проблемы криминалистической методики, что обусловило возрастание интереса к ним со стороны ученых. Объясняется это в первую очередь потребностями следственной практики в более эффективных научно-практических рекомендациях по раскрытию и расследованию преступлений и, как следствие, необходимостью совершенствования их теоретической основы. Отдельные теоретические положения, выдвинутые ранее, сыграли положительную роль в разрешении некоторых проблемных вопросов криминалистической методики. В настоящее время они нуждаются в развитии, обновлении либо замене. Рассматривая вопрос о понятии и системе криминалистической методики многие как отечественные, так и зарубежные ученые едины во мнении. В учебниках и учебных пособиях под криминалистической методикой понимается «система научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и осуществлению расследования и предотвращения отдельных видов преступлений» [1, с. 680].

В криминалистической методике ученые, как правило, выделяют две части, но их наименование и содержание у разных авторов отличается. Так в учебнике криминалистики, написанном под редакцией Е.П. Ищенко, «криминалистическая методика структурно подразделяется на общие положения и частные методики. Общими являются положения, характеризующие предмет методики расследования, ее исходные начала, принципы и задачи, закономерности

сти формирования частных методик расследования. Они конкретизируются в частных методиках с учетом уголовно-правовых и криминалистических особенностей совершения преступлений определенного вида» [2, с. 237].

Частные методики расследования преступлений (либо частные криминалистические методики) разрабатываются в интересах практической деятельности на основе научных положений, формируемых из представлений о криминалистике как науке и положений частных криминалистических теорий.

Частные криминалистические методики представляют собой комплексы научных положений и практических рекомендаций по организации и осуществлению раскрытия, расследования и предотвращения отдельных видов, групп и категорий преступлений. Они имеют вид системы типизированных положений и рекомендаций, обобщающих то общее, типичное, что свойственно расследованию всех (либо большинства) преступлений конкретного вида.

В содержании частных криминалистических методик ученые выделяют две части: информационную и методическую.

Информационная составляющая раскрытия и расследования преступлений – это система научно-обобщенных сведений о преступлении и криминалистических категорий представляющих собой информационные модели преступлений отдельных видов и групп, которые учитываются при разработке практически значимых рекомендаций и должны быть известны в начале процесса раскрытия и расследования.

Информационную основу процесса раскрытия и расследования преступлений ученые рассматривают в виде совокупности: фактической информационной базы – ис-

ходной информации о конкретном преступлении и теоретической базы данных – научных знаний в виде обобщения практики, опыта работы по раскрытию преступлений отдельных видов и групп.

Теоретическую базу данных большинство ученых представляют в виде криминалистических характеристик преступлений определенных видов и групп, механизма преступления, механизма противоправного поведения, и иных информационных моделей. К ней также относятся сведения о типичных следственных ситуациях, возникающих в процессе раскрытия преступлений, выдвигаемых версиях и об обстоятельствах, подлежащих доказыванию [3, с. 3-7].

Методическая составляющая частной методики расследования содержит рекомендации о порядке деятельности при раскрытии и расследовании конкретных видов преступлений. Эти рекомендации затрагивают: тактику следственных действий в различных типичных следственных ситуациях; организацию взаимодействия следователя и оперативных работников; тактику использования специальных знаний; меры предупреждения преступлений криминалистическими методами, приемами и средствами и др. Следовательно, методические основы – это система рекомендаций о наиболее оптимальных действиях следователя в процессе раскрытия и расследования преступлений.

В структуре частных методик расследования традиционно отражаются сведения о: 1) криминалистической характеристике преступления; 2) типовых следственных ситуациях, версиях и планировании; 3) первоначальных и последующих методах собирания доказательственной и иной информации; 4) особенностях производства след-

ственных действий и иных тактических средств; 5) особенностях использования специальных знаний при расследовании; 6) особенностях предупреждения отдельных видов преступлений в ходе их расследования [4, с. 198].

Не анализируя в отдельности каждый элемент представленной структуры частных методик расследования, кратко рассмотрим криминалистическую характеристику преступления. Она признается в качестве информационной модели криминального события и, до сих пор, служит основой для дискуссий среди ученых-криминалистов.

Основываясь на результатах исследований, известный российский криминалист Р.С. Белкин обратил внимание на проявившуюся с начала 1980-х гг. XX столетия опасную тенденцию в области криминалистики: некоторые научные открытия представляли собой фантомы (иллюзии). Одни из них уходили в небытие, а другие поддерживались многочисленными сторонниками, активно разрабатывались в научном плане, рождали иллюзии широкого практического использования. В числе таких «открытий» Р.С. Белкин назвал криминалистическую характеристику преступления. Она, по его мнению, «не оправдав возлагавшихся на нее надежд и ученых, и практиков, изжила себя, и из реальности, которой она представлялась все эти годы, превратилась в иллюзию, в криминалистический фантом» [5, с. 223]. Последователей учения о криминалистической характеристике преступлений Р.С. Белкин называет как «недостаточно компетентных или простодушных читателей» [5, с. 7–8].

Существующая концепция познания преступления, основывающаяся на исследовании элементов криминалистической характеристики преступления, не оправдала

себя. Низкий уровень практической значимости криминалистической характеристики преступления привел к необходимости осуществления познания преступлений на иной основе.

В связи с этим А.В. Дулов высказал идею, что преступление должно рассматриваться как система, изучение которой требует первоначального познания ее структуры. В этих целях он предложил четко определять последовательность изучения криминалистической структуры преступления. В процессе ее определения необходимо выявить всю совокупность материальных элементов, обязательно присущих преступлению, исследовать особенности (параметры) каждого из них и определить связи, зависимости элементов, входящих в систему, факторы, влияющие на ее развитие.

В любом преступлении наличествует субъект (лицо, совершившее преступление), объект (предмет или лицо, на которые направлено преступное воздействие), орудие преступления. Определение совокупности основных элементов структуры преступления не является самоцелью. Главное, по мнению А.В. Дулова, – определить пути исследования каждого элемента, т.е. такие свойства, качества каждого элемента, которые обеспечивали совершение преступления [6, с. 72–77].

Представители научной школы криминалистики профессора А.В. Дулова и последователи его идей, структуру частной методики расследования рассматривают иначе. В ней выделены следующие элементы: 1) криминалистическая структура преступлений; 2) типичные следственные ситуации и совокупность имеющейся информации; 3) тактические задачи, обусловленные обстоятель-

ствами, требующими установления; 4) система тактических средств, необходимых для решения поставленных задач; 5) программа, алгоритмы расследования преступлений; 6) меры по выявлению и устранению причин и условий, способствовавших совершению преступления [7, с. 37].

Идеи А.В. Дулова и его последователей подверглись критике [8, с. 284; 9, с. 20-22]. Анализ критических замечаний, высказанных в связи с новыми подходами к построению информационной модели преступления, а также о построении частных методик расследования преступлений, позволяет сделать вывод о нежелании отдельных ученых уходить от давно сложившихся стереотипов на криминалистические проблемы. Значительно проще отстаивать раз и навсегда занятую позицию, при этом критиковать всех, кто пытается искать новые пути решения научных и практических проблем [10, с. 264–268].

Не столь категоричны ученые, отстаивающие концепцию о криминалистической структуре преступления. По их мнению, при построении частных методик расследования преступлений должны использоваться данные, относящиеся к понятиям «криминалистическая характеристика преступлений» и «криминалистическая структура преступлений» [11, с. 126–130; 12, с. 79–82].

В заключение следует сделать некоторые выводы: во-первых, выделение элементов криминалистической структуры преступления, а затем их анализ, обеспечивают наиболее полное и объективное познание конкретного преступного события; во-вторых, дальнейшее развитие частных криминалистических методик во многом зависит от консолидации усилий ученых-криминалистов.

Литература:

1. Криминалистика: учебник для вузов / Т.В. Аверьянова [и др.]; под общ. ред. Р.С. Белкина. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА · М., 1999. – 990 с.
2. Криминалистика: учебник / под. ред. Е.П. Ищенко – М.: "Проспект", 2011 г. – 654 с.
3. Криминалистика : учебник : в 3 ч. Ч. 3. Криминалистическая методика / под ред. Г.Н. Мухина ; М-во внутрен. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутрен. дел Респ. Беларусь». – 2-е изд., испр. – Минск : Акад. МВД, 2010. – 295 с.
4. Яблоков Н.П. Криминалистика: природа, система, методологические основы / Н.П. Яблоков, А.Ю. Головин. – 2-е изд., доп. и перераб. - М. : Норма, 2009. – 288 с.
5. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА · М), 2001. – 240 с.
6. Криминалистика: Учеб. пособие / А. В. Дулов, Г. И. Грамович, А. В. Лапин и др.; Под ред. А.В. Дулова. – Мн.: НКФ «Экоперспектива», 1996. – 405 с.
7. Лапин, А.В. Учебно-методическое пособие по курсу «Криминалистика» / А.В. Лапин. – Минск, 1998. – 48 с.
8. Порубов, Н.И. Какой быть учебной программе по криминалистике / Проблемы криминалистики. Сборник научных тр. / М-во внутрен. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД ; редкол.: Г. Н. Мухин (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005. – Вып. 2. – 308 с.
9. Габа, А.И. Проблемные вопросы преподавания курса криминалистики в юридических вузах Республики Беларусь/ Проблемы криминалистики. Сборник научных тр. / М-во внутрен. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД ; редкол.: Г.Н. Мухин (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2009. – Вып. 7. – 243 с.
10. Хлус, А.М. Криминалистическая техника: особенности развития и современное состояние / Криминалистические чтения, посвященные памяти Заслуженного юриста Республики Беларусь, Г.И. Грамовича : материалы Междунар. науч.-практ. конф., (Минск, 21 дек. 2012 г.) / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; ред. кол.: В.Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2012. – 407 с.

11. *Гучок, А.Е.* Криминалистическая характеристика или криминалистическая структура преступления / А.Е. Гучок // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. Научно-практический журнал № 1 (15), 2008. Минск. – 2008. – 259 с.

12. *Хлус, А.М.* Особенности построения методики расследования преступлений против информационной безопасности / Теоретические и прикладные проблемы информационной безопасности: тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., (Минск, 21 июня 2012 г.) / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2012. – 331 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ НАВИГАЦИОННЫХ СПУТНИКОВЫХ СИСТЕМ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

А.А. Якимов

В настоящее время происходит массовое перемещение в информационную среду сведений, представляющих интерес для правоохранительных органов. При этом интенсификация информационных потоков позволяет отнести такую среду к особому инструменту информационного поиска.

Рассматривая информационный ресурс в качестве технологической информационно-телекоммуникационной среды, можно определить ранее не существовавшие способы совершения преступлений, неизвестные специфические следы преступной деятельности. Появились возможности выбирать новые методы получения информации и технические средства, применяемые в процессе раскрытия и расследования преступлений.

Разумеется, что информацию, с которой приходится иметь дело на начальном этапе расследования, лишь с определенной степенью вероятности можно считать пол-

ной, достоверной, объективной и относящейся к событию преступления. Фактически происходит накопление всех сведений о событии преступления, оценка объективности сведений о механизме совершения преступления, детальное исследование материальной обстановки и подготовка информационной базы для выдвижения следственных версий и обоснованного планирования расследования. Криминалистически значимая информация может быть получена из различных источников и впоследствии стать доказательственной [1, с. 62].

Для поиска новых путей решения задач расследования перспективным направлением является использование глобальных навигационных спутниковых систем (ГНСС). Они обладают существенным потенциалом для расширения доказательственной базы, успешного раскрытия и расследования преступлений.

Определение координат при перемещении и привязка спутникового приемника сигналов к радиоканалу связи открывают новые возможности в ориентировании на местности, позволяют отслеживать перемещение объектов, оснащенных специальной системой слежения за ними, разыскивать заблудившихся людей. В правоохранительной сфере, в том числе в Республике Беларусь, данные ГНСС используются в качестве прогрессивной формы контроля над лицами, осужденными к наказаниям, не связанным с лишением свободы, а также для обеспечения примененных мер процессуального принуждения.

Уместным будет упомянуть тот факт, что наличие навыков использования устройств спутниковой навигации содержится помимо прочего в ряде образовательных стандартов Республики Беларусь: такие навыки должны быть у инженеров-геодезистов, специалистов по управлению под-

разделениями органов пограничной службы, инженеров по радиоэлектронике и др. Принимая во внимание легкость освоения и значительный практический потенциал, считаем возможным включить в образовательную программу изучения курса криминалистики в высших учебных заведениях необходимость получения навыков работы с ГНСС.

Исключительную важность в использовании ГНСС как возможного источника доказательственной информации имеет точность получаемых данных. Названные системы обеспечивают ее на весьма высоком уровне. Общая погрешность систем мониторинга ГЛОНАСС/GPS, при нормальных условиях, составляет менее 3,5 % [2].

К примеру, Решением Совета глав правительств Содружества Независимых Государств “Об Основных направлениях (плане) развития радионавигации государств – участников СНГ на 2013–2017 годы” установлено, что погрешность определения пространственных координат системы ГЛОНАСС в абсолютном режиме на любом суточном интервале времени на этапе штатной эксплуатации должна составлять 7 метров по положению, 0,02 м/с – по скорости, 13,3 нс – по времени. Актуальные экспериментальные данные позволяют утверждать о еще большей точности ГНСС [3].

Всю навигационную информацию применительно к целям уголовного процесса можно разделить на две группы.

К первой группе следует отнести ретроспективную фактическую информацию, которая существует вне зависимости от органов уголовного преследования, так или иначе связана с событием преступления, может быть обнаружена и закреплена в качестве доказательства (ст. 100 УПК).

Ко второй – ориентирующую служебную информацию, которая создается при производстве следственного действия и помогает отражать и закреплять его ход и результаты, служит для проверки следственных версий (ч. 4 ст. 193 УПК).

Говоря об информации первой группы, важно знать, что благодаря ГНСС появилось множество сервисов, основанных на позиционировании и использовании возможностей передачи данных в мобильных сетях сотовой связи. Пользователю доступны как простейшие действия – загрузка карт местности, так и более сложные услуги, например, вызов такси или экстренных служб без необходимости указания своего точного адреса или места нахождения.

Безусловно, развитие подобных технологий существенно расширяет возможности поиска интересующей следствие информации.

Как известно, событие преступления по отношению к познающему его субъекту – это всегда событие прошлого. Но событие преступления непременно отображается во внешней среде либо в форме материально фиксированных следов, либо в форме образов в сознании людей. При этом и то и другое содержит информацию о событии преступления и преступнике. Поиск носителей информации о событии преступления и составляющих его элементах в данном случае будет являться ключевой задачей следователя.

Так, использование маршрутной информации о перемещениях транспортных средств в интересующем районе, полученной из службы контроля за движением автомобильного транспорта, позволяет составить более детальную и целостную картину о лицах, которые могли находиться на месте совершенного преступления. В условиях инфор-

мационной неопределенности относительно мотивов совершения преступления и лиц, его совершивших, такие данные могут служить основанием для выдвижения версий об использовании транспорта в качестве средств совершения преступления, его организации или сокрытия.

Учитывая повсеместную распространенность устройств мобильной связи, нужно особо тщательно относиться не только к анализу информации о соединениях абонентов, но и интернет-трафику от интересующих следствие абонентов. Повышение эффективности интернет-мониторинга предполагает применение контент-анализа. В условиях широчайшего использования людьми социальных сетей “ВКонтакте”, “Facebook”, “Twitter”, “Одноклассники”, фотосервиса “Instagram”, геосоциального сервиса “Foursquare”, видеохостингов “YouTube”, “Rutube”, мобильных приложений общения в реальном времени “Viber” “WhatsApp”, различных справочных систем, основанных на определении местонахождения для предоставления информации, пользователи достаточно часто указывают свои географические координаты при общении. Эту информацию нельзя упускать из виду, так как с ее помощью могут быть найдены как свидетели преступления, так и лица, причастные к его совершению.

К получению ориентирующей служебной информации следует подходить весьма тщательно. Начиная с осмотра места происшествия вполне допустимо проведение простейших экспериментальных действий (указание точных географических координат местности), а тем более замеров – расстояний до интересующих объектов. Критически важна, по нашему мнению, необходимость таких измерений в условиях, когда место происшествия сложно “привязать” к

объектам с четко установленным местоположением (в лесу, на открытом пространстве вне населенных пунктов, в акватории крупных водоемов), а также ввиду изменчивости самого места происшествия (строительные объекты, карьеры, места техногенных и природных аварий и катаклизмов).

Производство последующих следственных действий, проведение экспертных исследований с использованием возможностей ГНСС, позволяет установить и зафиксировать те обстоятельства, которые ранее выявить не представлялось возможным.

Этим обеспечивается информационное превосходство в конкретной следственной ситуации и повышается эффективность раскрытия и расследования преступлений. Закрепление информации из ГНСС не вызывает трудностей, так как возможности программного обеспечения позволяют записывать среднюю, максимальную и минимальную скорость движения, его продолжительность, время нахождения в состоянии неподвижности, географическую широту, долготу и высоту над уровнем моря и другие данные.

Широкое внедрение возможностей спутниковой навигации в работу следователя, включение навигационно-поисковых систем в стандартную организационную схему расследования преступлений любой категории, на наш взгляд, существенно упростит отыскание доказательственной информации, а также сокращает трудозатраты по поиску иных обстоятельств по делу. Совершенствование использования информационных технологий, в частности ГНСС, является необходимым условием эффективности деятельности правоохранительных органов, имеет существенный потенциал в повышении качества раскрытия и

расследования преступлений.

Литература:

1. *Полевой, Н.С.* Криминалистическая кибернетика: теория информационных процессов и систем в криминалистике : учеб. пособ. для вузов по спец. “Правоведение” / Н.С. Полевой. — М.: Изд-во МГУ, 1982. — 207 с.

2. Почему показания GPS/ГЛОНАСС-мониторинга отличаются от данных одометров // Navitrack: Системы спутникового слежения [Электронный ресурс]. — 2014. — Режим доступа: <http://navitrack.ru/pogreshnost.html>. — Дата доступа: 04.02.2014.

3. Бюллетень CW № 53/13 оценки характеристик ГНСС на интервале 30.12.2013 – 06.01.2014 // ИАЦ координатно-временного и навигационного обеспечения [Электронный ресурс]. — 2014. — Режим доступа: ftp://ftp.glonass-iac.ru/MCC/BULLETIN/2014/weekly/C/Bulletin_CW_№01_140102.docx. — Дата доступа: 10.02.2014.

РАЗДЕЛ V

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Г.А. Василевич

Согласно официальным данным в 2013 г. в Республике Беларусь зарегистрировано 2301 коррупционное преступление, что на 522 преступления (или на 29,3 %) больше по сравнению с 2012 г. За первый квартал 2014 г. выявлено 553 преступления указанной категории. Доля коррупционных преступлений с 1,74 % в 2012 г. выросла в 2013 г. до 2,38 %. Выросло на 71 % число выявленных взяток и на 32 % дачи взяток. Государству, с учетом окончанных расследованием уголовных дел, причинен на 312,2 млрд. рублей (в 2012 г. – на 29,8 млрд. рублей), ущерб возмещен в сумме 15,6 млрд. рублей (в 2012 г. – на 12,3 млрд. рублей). Арест наложен соответственно на сумму 130,3 и 26,7 млрд. рублей. Таким образом, только эти данные свидетельствуют об огромном материальном ущербе государству. Однако можно предполагать, сколько еще коррупционных преступлений не выявлено и какой ущерб от них испытывает общество. То есть проблема искоренения коррупции остается актуальной. К сожалению, оценка работы по противодействию коррупции носит «волнообразный» характер: выявлено больше коррупционных преступлений – значит право-охранительные органы поработали более активно, выявили меньше – значит «удалось» уменьшить уровень

коррупции. Это означает необходимость установления объективных критериев оценки состояния коррупции. Здесь необходимы экономические показатели (уровень теневой экономики), данные социологических опросов, прежде всего по тем сферам, где граждане постоянно взаимодействуют с властными структурами и специалистами.

В этой связи важна роль органов следствия по анализу причин и условий совершения коррупционных преступлений. Полагаем, что на этот счет их аналитические материалы по итогам расследованных в течение года или иного периода дел могут быть огромным подспорьем для иных органов государственной власти в поиске рецептов противодействия коррупционным преступлениям. К расследованию такого рода дел следует привлекать специалистов, хорошо знающих не только юриспруденцию, но и экономику.

Законом от 4 января 2014 г. «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» предусмотрены, в частности, мероприятия по предупреждению правонарушений, создающих условия для коррупции, и коррупционных правонарушений (ст. 13). К сожалению, в упомянутой статье указаны лишь органы прокуратуры, органы внутренних дел, органы государственной безопасности, органы Комитета государственного контроля. Подразделения Следственного комитета не упоминаются. Лишь сказано, что другие государственные органы, иных государственных организации в пределах своей компетенции принимают меры по выявлению и пресечению правонарушений, создающих условия для коррупции, и коррупционных правонарушений, устранению их последствий, а также предположений и причин коррупции. Полагаем, что указанный недостаток необходимо в законе устранить.

Подтверждает такую необходимость и анализ статьи

21 названного закона. В ней предусмотрено право некоторых государственных органов вносить представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также предписание об устранении нарушений законодательства.

Представление – это письменное требование органа внутренних дел, органа прокуратуры, органа государственной безопасности, органа пограничной службы, таможенного органа, органа государственной охраны, органа финансовых расследований Комитета государственного контроля, органа и подразделения по чрезвычайным ситуациям об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушений. Представление вносится руководителем указанных субъектов профилактики правонарушений либо его заместителем должностному лицу, организации или индивидуальному предпринимателю, которые правомочны принять меры по устранению причин и условий, способствующих совершению правонарушений.

Представление подлежит безотлагательному рассмотрению с принятием необходимых мер по выполнению содержащихся в нем требований. О принятых мерах соответствующие организация, должностное лицо, индивидуальный предприниматель, которым внесено представление, в месячный срок со дня его получения в письменной форме информируют субъект профилактики правонарушений, внесший представление.

При рассмотрении представления коллегиальным органом субъекту профилактики правонарушений, внесшему его, заранее сообщается о дате, времени и месте рассмотрения представления. Субъект профилактики правонарушений вправе направить своего представителя для участия в рассмотрении представления.

Предписание об устранении нарушений законодательства – письменное требование органа внутренних дел, органа прокуратуры, органа государственной безопасности, органа пограничной службы, таможенного органа, органа государственной охраны, органа финансовых расследований Комитета государственного контроля, органа и подразделения по чрезвычайным ситуациям о безотлагательном устранении нарушения законодательства, которое носит явный характер и может причинить существенный вред правам, свободам и законным интересам граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, правам и законным интересам организаций, государственным или общественным интересам, если оно не будет немедленно устранено.

Предписание направляется руководителем субъекта профилактики правонарушений либо его заместителем должностному лицу, организации или индивидуальному предпринимателю, допустившим нарушение законодательства, либо вышестоящим государственному органу, должностному лицу, иной организации, правомочным устранить такое нарушение. Предписание должно содержать указание на акт законодательства, который нарушен, характер правонарушения и конкретные предложения о мерах по его устранению.

Предписание подлежит немедленному исполнению. О результатах исполнения предписания безотлагательно сообщается субъекту профилактики правонарушений, вынесшему предписание.

При проведении проверок контролирующими (надзорными) органами предписания выносятся этими органами в соответствии с законодательными актами о контрольной (надзорной) деятельности.

Вышеуказанные субъекты профилактики правонарушений обязаны контролировать фактическое выполнение требований внесенных ими представлений и вынесенных ими предписаний.

Как видим, в названной статье закона также не упомянуты должностные лица Следственного комитета.

Само по себе информирование о фактах коррупции без обратной связи формирует атмосферу циничного отношения к коррупции. Заметим также, что должно быть общественное осуждение, а еще лучше публичное раскаяние в совершении коррупционного преступления, что может влиять на меру наказания. Просто откупиться штрафом даже многократным или прошением об освобождении от ответственности, помилованием недостаточно. Должна быть реальная компенсация социуму (социальная компенсация). Наказание стыдом, чего не чуются в США и других западных странах, должно стать одной из мер, сопровождающих традиционную юридическую ответственность.

Система государственной власти в Республике Беларусь в силу унитарного характера государства достаточно консолидирована. У нас иные масштабы государства, чем, например, в России. Однако коррупционные скандалы, порой громкие, в Беларуси систематически случаются. Полагаем, что нам пока не удалось направить энергию всех государственных структур, а не только правоохранительных органов, общественных формирований на противодействие и выявление коррупции, своевременное выявление существующих коррупционных схем.

На искоренение коррупции должна быть направлена вся институциональная система государства и общества, а не отдельные его сегменты в виде правоохранительных органов.

Коррупция как явление сегодня оценивается всеми только негативно. Ушли в прошлое оценки некоторых западных представителей, что было типично для публикаций 70-х – 80-х годов, что коррупция – один из двигателей прогресса. Отметим лишь один позитивный момент: коррупция – это симптом того, что существуют отклонения (дефекты) в правовом регулировании, проведении экономической политики, государственном управлении, деятельности судебной власти, общественном сознании. Коррупция – это технологический сигнал неполадок в экономико-правовом регулировании либо методах работы власти, общественном сознании.

Можно выделить ряд актуальных направлений борьбы с коррупцией. Назовем лишь некоторые. Необходим анализ причин появления теневой экономики и разумное сочетание различного рода стимулов карательного и поощрительного характера, направленных на «вывод» экономики из тени.

Следует устранить избыточность правового регулирования, должно быть рациональное регулирование отношений с учетом конституционных принципов и норм. Ведь, порой, на стадии следствия, в суде при рассмотрении расследованного преступления не так просто квалифицировать деяние, сделать вывод, совершено преступление или существует гражданский спор.

Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко в своем ежегодном послании, с которым он выступил в 2014 г., заявил, что для решения проблемы искоренения коррупции госаппарат должен пойти на радикальное избавление от избыточных и несвойственных ему функций, отдав больше обществу и рынку. Важным поэтому представляется хорошо «просчитанное» совершенствование институци-

ональной системы органов исполнительной власти. Развитие местного самоуправления на основе перераспределения полномочий и повышения экономической самостоятельности органов, сокращение излишних управленческих звеньев в сфере исполнительной власти в течение 3-5 лет и использование всей сэкономленной заработной платы для повышения оплаты труда действующим государственным служащим – важный фактор повышения эффективности государственного управления.

В министерствах и государственных комитетах, других значимых организациях за счет общей численности чиновников (работающих) создать службы внутренней безопасности (антикоррупционные подразделения), сотрудники которой назначаются на должности независимой инстанции (например, при участии Администрации Президента Республики Беларусь либо по согласованию иных органов, для которых противодействие коррупции является основной функцией). В их составе должны быть профессионалы, хорошо знающие специфику работы ведомства, возможно даже государственные служащие, ушедшие в отставку, но выступающие своего рода консультантами, которые знают, где существуют коррупционные угрозы. При этом не только спрос с них, но и их оплата может быть на уровне руководителей ведомства. Более того, при выявлении фактов коррупции и последующем привлечении виновных лиц к ответственности в судебном порядке предусмотреть определенный процент от выявленной суммы и возмещенной в бюджет для поощрения сотрудников. Ведь есть аналоги, например, судебные исполнители получают вознаграждение из взысканных сумм. Важна профилактическая работа антикоррупционных подразделений.

Правоохранительные органы могли бы шире исполь-

зовать возможности официального предостережения чиновников, если появляются основания подозревать в совершении порочащих проступков. Порой работа строится таким образом: попал кто-то в поле зрения – и в течение многих месяцев собираются подтверждающие неправомерную деятельность этого чиновника. Это, с позиции ведомственных интересов, абсолютно понятно и правильно, однако в общегосударственных интересах акценты в работе следовало изменить.

Любое доказанное свидетельство коррумпированности чиновников должно влечь увольнение, в том числе, в связи с утратой доверия. Такое основание следует зафиксировать в законе. Норм ТК, который определяет ограниченный круг лиц, подпадающих под действие соответствующей нормы ТК, недостаточно.

Должна быть более существенной ответственность руководителей государственных организаций, особенно в сфере исполнительной власти, за подчиненных. Нуждается в совершенствовании практика подбора кадров на коррупциогенные должности. Не только поручительство при приеме на работу, но и ответственность, хотя бы моральная, поручителей за своего коллегу.

Периодически проводить проверку должностных лиц, распоряжающихся материальными и финансовыми ресурсами, на полиграфе (детекторе лжи), в контракте оговорить возможность его досрочного расторжения по соглашению сторон по причине выявленных на полиграфе оснований полагать о наличии злоупотреблений. Его увольнение за виновные действия, в том числе в связи с утратой доверия, возможно лишь при подтверждении иным способом злоупотреблений со стороны такого лица. Необходимо создать реестр уволенных в связи с утратой доверия, осужденных

за корыстные имущественные правонарушения.

В 2009 году автором предлагалась корректировка гражданского законодательства таким образом, чтобы иметь право передавать в доход государства имущество чиновников, превышающих его доходы, происхождение которых он не может подтвердить. Тем самым ответственность была бы усилена мерами имущественного характера. Срок исковой давности установить не менее десяти лет [1, с. 5–14]. Последующие ссылки на то, что средства были взяты взаймы, не должны приниматься в расчет: только если об этом был заранее проинформирован руководитель (кадровая или иная соответствующая служба) подобные сведения можно признать заслуживающими доверия.

Свою роль в искоренении коррупции может сыграть наука. Однако исследование проблем искоренения коррупции, социологические опросы – это лишь начало работы, отправная точка определения уязвимых мест в государственном и частном секторах. Необходимо стратегическое осмысление процессов, которые реально помогут сократить коррупцию, необходима выдача конкретных, реализуемых на практике, рекомендаций. Констатация фактов социологическими и иными научными исследованиями недостаточна. Должны быть предложения!

Мы преимущественно оперируем так называемой «заметной» коррупцией (прошел сюжет по телевидению, других средствах массовой информации о задержании при получении взятки чиновника, незаконного денежного вознаграждения врачом за оказание медицинской услуги и т.п.). Но такая коррупция, в общем, может нести значительно меньшие потери, нежели коррупция с высокими издержками (например, теневая экономика, уклонение от уплаты налогов, незаконный вывод капиталов за рубеж и др.).

Вот здесь поле деятельности для различного рода научно-исследовательских центров, органов государственной власти – министерств экономики, финансов, по налогам и сборам, таможенного комитета. Эффект их противодействия коррупции не тот, на который может рассчитывать общество. Можно только предполагать, за счет чего «держатся» магазины, в которых товары продаются по высокой цене, нет посетителей, но большой штат сотрудников, не занимаются ли их хозяева отмыванием денег.

Следует подумать о пределах и объемах банковской тайны по вкладам за рубежом. Западные страны, Германия, например, даже со Швейцарией находят взаимопонимание относительно получения информации о вкладах в банках этой страны своих граждан.

Одной из самых «диссертательных» отраслей является уголовное право. Очень много исследований относительно новых редакций статей Уголовного кодекса, изменения статей и санкций. За четырнадцать лет в белорусский УК шестьюдесятью законами вносились изменения. Это пример несистемной работы по совершенствованию законодательства, неумения видеть перспективы общественного развития, возможные угрозы и последствия. Казалось бы, Уголовный кодекс должен быть одним из самых стабильных, однако он превратился в какой-то полигон осуществления идей, успех реализации которых не гарантируется никем из инициаторов и разработчиков проектов законов. Они не несут никакой ответственности за свою работу (в отличие от рабочего, который допустил брак). Надо менять эту тенденцию и практику. Это также будет способствовать более эффективной работе следствия, которое будет методично наращивать практику расследования преступлений на основе стабильного правового регулирования.

Корректировка УК должна быть в тех случаях, когда его корректировать нельзя. Создание Следственного комитета, наращивание опыта его сотрудниками буде способствовать укреплению правового порядка, на что нацелена и криминалистика.

Литература:

1. *Василевич, Г.А.* Устранение причин и условий, способствующих коррупции – первостепенная задача государственных органов // Проблемы совершенствования правоохранительных, контролирующих и иных государственных органов, связанной с выявлением, предупреждением и пресечением коррупционных правонарушений: Матлы научно-практ. конференции. – Минск, 11 декабря 2009 г. / ред.колл. В.А. Конон и др. Минск. – 2010. – С.5–14.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

В.Н. Бибило

В Республике Беларусь следователи являются должностными лицами органов Следственного комитета и Комитета государственной безопасности. В их компетенцию входит предварительное следствие по уголовным делам, правила определения подследственности которых содержатся в ст. 182 УПК Республики Беларусь 1999 г. Их полномочия по расследованию уголовных дел одинаковы. Все они обладают уголовно-процессуальной самостоятельностью, о чем достаточно определенно сказано в ч. 3 ст. 36 УПК: «Все решения о производстве следственных и других процессуальных действий следователь принимает самостоятельно, за исключением случаев, когда законом предусмотрено получение санкции прокурора или письменного согласования решения органа уголовного преследования о

задержании лица, и несет полную ответственность за их законное и своевременное исполнение».

Следователь осуществляет функцию обвинения, независимо от того, сужаются или расширяются его процессуальные полномочия. Главная задача следователя – собрать обвинительные доказательства. При получении следователем оправдательных доказательств защитник обвиняемого должен немедленно узнать об этом [1, с. 443]. Функция обвинения, осуществляемая следователем, заканчивается вместе с передачей уголовного дела прокурору для направления в суд.

Профессиональная деятельность следователя предполагает широкий круг общения с участниками уголовного процесса. Она направлена на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 89, 90 УПК). Если учесть, что у следователя одновременно находится в производстве не одно уголовное дело, а в среднем 15-20 уголовных дел (все зависит от их сложности), то разнообразие групп участников следственных действий неизбежно. Так, поведение потерпевших по одному уголовному делу может быть вовсе непохоже на поведение потерпевших по другому уголовному делу, поскольку не исключено их неоднородное отношение к самому факту осуществления уголовного процесса и тем более к обвиняемому (от чувства мести до жалости).

Деятельность следователя в отношении субъектов уголовно-процессуальных правоотношений предполагает такую систему его личностных качеств, которая позволяла бы ему достичь задач расследования преступлений и тем самым создала бы условия для успешного осуществления правосудия. Как правильно отмечает А.В. Дулов, главным в работе следователя является сквозное видение конфликт-

ной ситуации с учетом возможного противодействия со стороны заинтересованных в исходе дела лиц, что помогает предвосхитить поведение обвиняемого [2, с. 268-269]. Отсюда важным является не только соответствующий склад мышления следователя, но и его эмоциональная сторона поведения.

Безусловно, любая профессия влияет на личность, развивая либо подавляя ее особенности. Это касается прежде всего профессий, связанных с общением. Стереотипы профессионального поведения неизбежно воздействуют на личностные качества, проявляющиеся не только в процессе профессиональной деятельности, но и в обыденной жизни. Профессия следователя не является в этом смысле исключением. Г.Г. Шиханцов выделяет четыре группы профессионально важных качеств следователя, касающихся его морально-политического облика, интеллекта, характера и психофизиологии [3, с. 11]. Данные свойства личности необходимо развивать в процессе обучения и отбора кадров для следственной работы. Необходимо учитывать и такой фактор, как использование преступниками при подготовке преступлений, их совершении и сокрытии следов компьютерных технологий и знаний в различных сферах науки и техники. При этом специализация следователей по расследованию определенной категории преступлений способствует качеству и эффективности уголовного процесса. Наличие у следователя кроме юридического образования еще, например, и экономического способно ускорить процесс расследования и обеспечить его всесторонность, полноту и объективность.

Следственная деятельность прививает профессионалу определенные психологические качества. Изменения личности могут быть как положительными, так и отрицатель-

ными.

Положительное влияние следственной деятельности на личность очевидно. Благодаря следственной деятельности у следователя повышается коммуникативная компетентность, что важно для установления психологического контакта с допрашиваемым, развиваются познавательные процессы (мышление, память, внимание и т.п.). Но, пожалуй, самое главное – происходит развитие таких психологических качеств как ответственность, дисциплинированность, самостоятельность в принятии решений.

В ходе следственной деятельности у личности могут сформироваться и отрицательные качества. Они проявляются в сфере опять-таки важных профессиональных качеств. К ним можно отнести правовой нигилизм (отрицание общепринятых моральных ценностей, пренебрежение соблюдением норм права); снижение уровня культуры общения (использование уголовного жаргона, окрики во время допроса, неуместные реплики и т.п.); формализм (однотипные приемы и методы общения с участниками уголовного процесса); равнодушие к последствиям своих решений (обезличивание субъектов уголовно-процессуальных отношений).

Проявление в сфере профессиональной деятельности и обыденной жизни отрицательных качеств личности следователя и есть профессиональная деформация его личности.

Профессиональная деформация личности возникает не у каждого следователя. Многое зависит от изначальных его личностных качеств: возраста, пола, семейного положения, ценностных ориентаций, стрессоустойчивости, стиля взаимоотношений в коллективе, уровня развития интеллекта, способностей к релаксации и т.п.

В основе профессиональной деформации личности

следователя лежит синдром, который в психологии называется «эмоциональное выгорание». Следователь с данным синдромом не может работать качественно. Главной причиной, способствующей эмоциональному выгоранию, являются перегрузки в трудовой деятельности, особенно у тех следователей, которые эмоционально перенасыщены от общения в процессе расследования уголовного дела. Кроме того, недостаток знаний, отсутствие должного профессионализма вызывает у следователя психологический дискомфорт, ведущий к внутриличностному конфликту.

Признаки профессиональной деформации личности следователя являются своего рода сигналом к смене вида деятельности следователя. Можно начать со специализации по расследованию иной категории дел. Чувство новизны в познавательной деятельности не так утомительно, нежели сложившийся стереотип расследования. Если же все-таки не удастся преодолеть профессиональную деформацию личности следователя путем смены круга общения во внерабочее время либо изменить направленность приложения своих профессиональных знаний в следственной деятельности, то во избежание психосоматических заболеваний желательно сменить профессию следователя на какой-либо другой вид деятельности.

Литература:

1. *Бибило, В.Н.* Проблемы юриспруденции: избр. тр. – Минск: Право и экономика, 2010. – 470 с.
2. *Дулов, А.В.* Судебная психология. - изд. 2, испр. и доп. – Минск: Вышэйшая школа, 1975. – 462 с.
3. *Шиханцов, Г.Г.* Профессионально важные психические качества следователя: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Минск, 1970. – 22 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СУДЕБНЫХ ПРЕНИЙ

А.А. Данилевич

Судебные прения – достаточно сложное системно-структурное образование, имеющее различные аспекты: правовой, этический, логический и др. Но, прежде всего, – это акт психологический, результат психической деятельности человека, плод его интеллектуальных усилий.

В психологическом отношении судебные прения – это форма речевого общения участников судебного процесса, способ передачи информации, средство убеждения суда и лиц, присутствующих в зале судебного заседания, в верности выдвигаемых субъектами судебных прений доводов и обоснованности предлагаемых ими решений.

Содержанием судебной речи всегда являются определенные мысли, идеи, доводы, суждения, предложения. Но эти мысли, идеи, доводы и суждения не могут и не должны носить лишь информационный характер, быть лишены эмоциональной окраски, личностного отношения к тому, что обсуждается, что предстоит решать суду.

Общими усилиями суда и сторон должны быть выявлены и проанализированы все обстоятельства исследуемого дела, приняты во внимание все юридически значимые факты и отношения, дана им правовая и политическая оценка, сформированы выводы, отражающие объективную истину и обеспечивающие вынесение законного и обоснованного процессуального решения.

В психологической структуре судебных прений выделяются такие важнейшие компоненты как психологические функции судебной речи, психологические свойства и качества выступающего, психологические основы восприятия речи и воздействие последней на формирование сужде-

ского убеждения. Поэтому именно эти компоненты речи нуждаются, в первую очередь, в научном анализе, хотя они и не исчерпывают всего содержания психологической структуры судебных прений.

Психологические функции судебных прений достаточно широки и многообразны. Находясь в тесном единстве и взаимосвязи с остальными элементами судебных прений, они имеют свой спектр проявления, свою область воздействия, свои особенности внешнего выражения. К наиболее значимым психологическим функциям судебных прений относятся коммуникативная, информационная, эмоционально-экспрессивная и побудительная (регулятивная) функции.

Не менее важным элементом структуры судебных прений являются психические свойства и качества выступающих в судебных прениях.

Какими же психологическими свойствами и качествами должны обладать участники судебных прений?

Прежде всего – это компетентность оратора: наличие у него общих и профессиональных знаний, достаточный опыт участия в судебных процессах, умение четко излагать свои мысли, точно и полно формировать выдвигаемые предложения, убедительно обосновывать высказываемые суждения.

Во-вторых, мобильность (оперативность) оратора: способность быстро реагировать на слова и доводы процессуального противника, умение находить нужные доводы и контраргументы, быстро откликаться на изменяющуюся ситуацию – информационного и психологического характера.

В-третьих, способность мыслить и действовать в экстремальных условиях (конфликтная ситуация, дефицит времени, неблагоприятная психологическая атмосфера, активные противодействия других участников судебных пре-

ний, эмоциональные перегрузки и т.п.).

Наконец, в-четвертых, – это ответственность за порученное дело, честность, правдивость, тактичность в отношениях с другими участниками судебных прений, стремление к истине, недопустимость умышленных искажений обстоятельств рассматриваемого дела, доказательственных данных или источников их получения, дезинформации суда и судебной аудитории.

Существенным компонентом в психологической структуре судебных прений, который должен обязательно учитываться участниками судебных прений при подготовке и произнесении судебной речи, является особенность психологии восприятия речи, те субъективные и объективные факторы, которые влияют на полноту восприятия сказанного, его правильное понимание и однозначное истолкование.

Необходимо отметить, что восприятие судебной речи – далеко не однозначный процесс. Он включает в себя внимание к речи, ее понимание, оценку и формирование соответствующего убеждения. На каждом из этих этапов действуют свои факторы, свои закономерности, которые влияют на общий процесс восприятия и формирования внутреннего убеждения, на его характер и направленность.

СУБЪЕКТНЫЙ ПОДХОД В ЮРИСПРУДЕНЦИИ: БАЗОВАЯ ГИПОТЕЗА

С.А. Калинин

Постнеклассический субъектный подход применительно к юриспруденции в широком смысле основывается на идее уникальных, обладающих именем, пространственно локализованных и исторически детерминированных са-

моразвивающихся субъектов, способных взаимодействовать как с иными подобными, так и с имеющими иную природу субъектами и преобразовывать внешнюю реальность на основе принятого мировоззрения. Таковым может быть лишь субъект, позиционирующий себя властным по отношению к некой территории и населению и противопоставляющий себя иным подобным субъектам.

Данная гипотеза позволяет осуществлять поиск адекватных методов осмысления динамики публичной власти, субъектов и форм ее бытия применительно к историческому времени и географическим условиям. Диалектичность предмета юриспруденции, включающего государство и право, порождает два взаимосвязанных, но отличающихся уровнем предметного охвата направления субъектного подхода в юриспруденции: субъектный подход к государству и субъектный подход к праву.

Это актуализирует первичную проблему выбора исходных субъектов, относительно которых и будет осуществляться анализ (выбор систем пространственного и временного отсчета), а также понимания их одновременно существования как субъекта-носителя высшей публичной власти, так и объекта воздействия иных разноуровневых (внутренних и внешних) субъектов. Данная идея воспринята Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь, согласно которой «субъектами обеспечения национальной безопасности являются: государство, осуществляющее свои полномочия в данной сфере через органы законодательной, исполнительной и судебной власти; общественные и иные организации; граждане». Одновременно «объектами национальной безопасности являются: личность – ее конституционные права, свободы и законные интересы; общество – его материальные и духовные цен-

ности, система общественных отношений, охраняемых нормами права; государство – его независимость, территориальная целостность, суверенитет, конституционный строй» (п. 45).

Для современности таким исходным субъектом пока еще выступает признаваемое суверенным государство, кризис которого разворачивается в рамках более общего кризиса мироустройства Модернити. Однако при понимании юриспруденции в качестве составного элемента иных социальных наук [5, С. 17-18] современное государство можно рассматривать лишь одной из форм публичной власти [3, с. 11-12], говоря об исторически и концептуально детерминированном и пространственно локализованном субъекте публичной власти вообще. Применительно к праву в этом контексте нужно говорить о формах общеобязательной формальной регулятивной системы.

Сущностные отличия разных форм публичной власти объясняют причину многозначности правовой терминологии, когда единый термин описывает совокупность феноменов различной природы, определяемых внеправовыми факторами (мировоззрение, политика, экономика, культура и т.д.). Так, термин «государство» может применяться к современному государству, полису, варварскому королевству, кочевой орде, имперскому образованию и т.д. Таким образом, юриспруденция изучает различные формы публичной власти и социального регулирования, именуемые в данное время как «государство» и «право»[1; 2].

Сущность, параметры и бытие власти, выступающей формой (само-) организации и упорядочения общества, определяются множеством исторически изменчивых и разнотипных, взаимодействующих и взаимоисключающих, целенаправленных и хаотичных факторов, включаю-

щих, в том числе, цели, мировоззренческие ценности, внешние вызовы. Одновременно самоорганизация власти осуществляется на основе определенных идеалов. Это позволяет рассматривать власть как производную от иных, аксиоматических феноменов и факторов, изменение которых объективно трансформирует как внешнее бытие власти, так и представления о ее идеалах. Это порождает сложные процессы социальной самоорганизации и одновременное функционирования разных форм власти, различаемых по субъектам и объектам, природе, сущности, формам и способам создания и осуществления, отношению к исходному аналитическому субъекту (внешние и внутренние), пределам и методам осуществления и т.д.

Названная полисубъектность (как признак субъектного подхода) позволяет вводить в предмет юриспруденции, наряду с государством, иные формы публичной (социальной) власти и организованности (семьи, нации, профессиональные и религиозные группы и т.д.), отражающие различные виды идентификации и самоидентификации населения, а также конфликтность различных интересов, претендующих на правомерность и исполнимость при помощи публичной власти. При этом релевантными субъектному подходу являются лишь способные к самостоятельному глобальному целеполаганию и преобразованию мира субъекты (государства, международные и религиозные организации, ТНК и т.д.) [4].

Следовательно, субъектный подход, позволяющий рассматривать государство в качестве суверенного субъекта, призванного различными способами (включая право) обеспечить надлежащее управление социумом, поддерживать адекватный уровень безопасности, обеспечивать его надлежащее развитие в сложных условиях неясной приро-

ды, наиболее пригоден для анализа кризисной динамики современной государственности.

Литература:

1. *Дудаш, Т.І.* Праворозуміння: герменевтичне дослідження: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Т.І. Дудаш; Львівськ. нац. ун-т ім. Івана Франка. – Львів, 2008. – 22 с.
2. *Ильин, М.В.* Слова и смыслы: Опыт описания ключевых полит. понятий / М.В. Ильин. – М.: Рос. полит. энцикл., 1997. – 430 с.
3. *Кревельд, М.* Расцвет и упадок государства / М. Кревельд. – М.: ИРИСЭН, 2006. – 542 с.
4. *Некlessа, А.И.* Конец цивилизации, или Зигзаг истории / А.И. Некlessа // Знамя. – 1998. – № 1. // Журнальный зал: Русский толстый журнал как эстетический феномен: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/1998/1/nekles.html> – Дата доступа: 25.05.2014.
5. *Спиридонов, Л.И.* Социология уголовного права / Л.И. Спиридонов. – М.: Юрид. лит., 1986. – 236 с.

ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ И СВИДЕТЕЛЕЙ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

О.В. Петрова

Защита прав несовершеннолетних является одной из составляющих государственной политики Республики Беларусь, направленной на построение не только правового, но и социального государства.

Когда несовершеннолетний вовлекается в уголовный процесс, возникает необходимость обеспечить соответствие процедуры наилучшему обеспечению интересов детей, закрепленному ст. 3 Конвенции ООН о правах ребенка

1989 года.

Безусловно, положительно, что в Беларуси сохранилась преемственность. Среди ставших традиционными требованиями Уголовно-процессуальный кодекс 1999 года (далее – УПК) предусматривает присутствие при производстве следственных действий с участием несовершеннолетних их законных представителей, а при производстве допроса, либо в судебном разбирательстве в установленных законом случаях педагога или психолога.

Уголовно-процессуальный закон не установил минимальный возраст для дачи показаний. Показания несовершеннолетнего наряду с иными доказательствами будут приниматься во внимание при вынесении решения по делу.

Вместе с тем у несовершеннолетнего не всегда есть возможности давать показания наравне со взрослыми. Ликвидировать указанный барьер призвана психологическая помощь во время допроса. В то же время такая помощь способствует снижению уровня негативных последствий для психики ребенка от повторного переживания случившегося преступления. Особого внимания в создании системы особых условий допроса требуют в первую очередь те дети, которые стали жертвами сексуального насилия, а также малолетние.

22 июля 2005 года были приняты в рамках ЭКОСОС ООН Руководящие принципы, касающиеся правосудия в вопросах, связанных с участием детей-жертв и свидетелей преступлений 2005/20 (далее – Руководящие принципы ООН), норма п. 30 которых закрепляет существенные требования к социальной и психологической поддержке несовершеннолетних жертв и свидетелей насилия: сопровождение ребенка на всем протяжении его участия в процессе отправления правосудия; дружественные детям технологии

допроса, в том числе комнаты для проведения опросов, междисциплинарные службы для детей-жертв, приспособление судебных помещений к учету интересов детей-свидетелей, установление перерывов в процессе дачи ребенком свидетельских показаний и другие меры.

Следует высоко оценить усилия, которые были приложены для создания и развития служб помощи детям в Беларуси, а именно Общенациональной детской линии и комнат опроса, охватывающих территорию всей страны.

В мировой практике при производстве по делам с участием детей применяют: специальные комнаты для дачи показаний вне зала суда с системой видеоконференцсвязи; ширмы или экраны; интервью специальным судебным психологом/ посредником. Допускается применение нескольких мер по одному делу.

Согласно п.31 Руководящих принципов ООН следует применять такие меры в целях: а) ограничения числа опросов; б) обеспечения защиты детей – жертв и свидетелей, если это совместимо с правовой системой и надлежащим соблюдением прав стороны защиты; с) обеспечения проведения допросов детей – жертв и свидетелей с учетом интересов ребенка, облегчения процесса дачи свидетельских показаний.

Интервьюирование психологом, проводимое сегодня в Беларуси в комнатах опроса, как раз и позволяет облегчить для несовершеннолетнего дачу показаний, а видеозапись его показаний может рассматриваться как достаточное средство обеспечения их достоверности.

Представляется, что создание специальных условий в Беларуси должно идти поэтапно и возможно однократный допрос, рекомендуемый на международном уровне в каж-

дом случае получения показаний несовершеннолетнего, является долгосрочной перспективой развития уголовного правосудия о преступлениях, совершенных в отношении детей.

Нельзя не признать, что применение комнат опроса в настоящий момент достаточно дискуссионная проблема с точки зрения точного соблюдения нормы закона. Видеозапись опроса используется только как вещественное доказательство и не исключает допроса несовершеннолетнего следователем вне специальных условий. Сегодня назрела реальная потребность во внесении соответствующих изменений в уголовно-процессуальный закон, которые к слову будут не только прогрессивными, но и вполне выполнимы с учетом того, что уже создана материально-техническая база по всей Беларуси.

Безусловно, принцип осуществления правосудия на основе состязательности и равенства сторон (ст. 24 УПК) требует основывать приговор на показаниях несовершеннолетних, данных в ходе судебного разбирательства. Однако практика не будет противоречить международным нормам, если серьезные негативные последствия для психики несовершеннолетнего станут основанием для оглашения его показаний и воспроизводства видеозаписи допроса, сделанного до суда.

Представляется, что уже в настоящий момент нужно предусмотреть в законе получение показаний несовершеннолетнего в зале суда как исключение и только в том случае, когда имеющиеся сомнения не позволяют принять решение без допроса несовершеннолетнего в зале судебного заседания. Однако и в этом случае следует, по возможности, обеспечить допрос несовершеннолетнего вне зала су-

дебного заседания.

В качестве сравнения можно отметить, что согласно ст. 68 УПК возможно защищаемых свидетелей освободить от явки в судебное заседание, огласив их показания, данные на предварительном расследовании либо проводя допрос вне зала судебного заседания с использованием видеотехнических средств.

Безусловно, наилучшее обеспечение интересов детей – это не только активное участие психолога в процессе с участием несовершеннолетних, но и совершенствование тактики производства следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, а также методики расследования преступлений, совершенных в отношении детей.

На мой взгляд, не следует останавливаться только на внедрении указанных технологий, необходимо полномасштабно интегрировать психологическую, социальную и медицинскую помощь несовершеннолетним потерпевшим и свидетелям преступлений с системой расследования преступлений и рассмотрения таких уголовных дел в судах.

Следует отметить, что проведение расследований невозможно без тесной координации действий следователя с государственными органами и организациями, осуществляющими выявление несовершеннолетних, нуждающихся в государственной защите. Ребенок должен чувствовать себя безопасным после официального заявления о случае насилия, получить надлежащую помощь и реабилитацию, не дожидаясь окончания процесса. В этом должен проявляться междисциплинарный подход к работе с каждым случаем насилия.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ИСТЦА КАК СУБЪЕКТА ФУНКЦИИ ОБВИНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В.Н. Мелешко

Гражданский истец является одним из участников уголовного процесса. Основанием признания лица гражданским истцом является наличие в уголовном деле достаточных данных полагать, что, во-первых, вред причинен непосредственно предусмотренным уголовным законом общественно опасным деянием, во-вторых, он подлежит возмещению (компенсации).

О признании гражданским истцом орган, ведущий уголовный процесс, выносит постановление (определение). Признание лица гражданским истцом может быть и по инициативе прокурора, суда.

Если же в ходе производства по делу основания для пребывания лица в положении гражданского истца отпали, или исковое заявление подано ненадлежащим лицом, либо лицо отказалось от иска, орган, ведущий уголовный процесс, своим постановлением (определением) прекращает участие его в уголовном процессе в качестве гражданского истца.

Исходя из определения гражданского истца, приведенного в статье 52 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, можно дать следующую развернутую характеристику его: гражданским истцом может быть физическое или юридическое лицо, заявившее требование о возмещении (компенсации) причиненного ему вреда; вред может быть моральный, имущественный и физический; в качестве гражданского истца может быть признано лицо, если имеются основания полагать, что непосред-

ственно преступлением или общественно опасным деянием вменяемым ему причинен вред; лицо обретает статус гражданского истца как субъект уголовно-процессуальных правоотношений по вынесении постановления о признании его гражданским истцом. С момента признания лица гражданским истцом оно становится участником процесса и наделяется широкими правами, направленными на поддержание, защиту и реализацию его исковых требований. Если гражданским истцом признано физическое лицо, оно совпадает в одном лице с потерпевшим и пользуется всеми правами, предоставленными как потерпевшему, так и дополнительно – гражданскому истцу.

В частности гражданский истец имеет право: знать сущность обвинения. Закон не обязывает орган расследования уведомлять гражданского истца, равно как и потерпевшего о характере предъявленного обвиняемому обвинения. Но при поступлении ходатайств от указанных лиц о разъяснении сути обвинения орган уголовного преследования обязан это сделать; давать пояснение по предъявленному иску. Закон не предусматривает в качестве источников доказательств показания гражданского истца. При необходимости получения соответствующей информации гражданский истец может быть допрошен в качестве свидетеля; заявлять ходатайства о принятии мер обеспечения предъявленного иска. В целях последующего возмещения вреда он может потребовать отыскания и изъятия имущества подозреваемого или обвиняемого, наложения ареста на их денежные вклады. Такие ходатайства являются обязательными для исполнения, так как в соответствии со статьей 156 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь эти меры орган уголовного преследования обязан принять и при отсутствии указанного ходатайства. В слу-

чае непринятия органом уголовного преследования мер, обеспечивающих возмещение вреда, причиненного преступлением, судья в стадии назначения и подготовки судебного разбирательства обязывает их принять (ст. 284 УПК Республики Беларусь); при ознакомлении с уголовным делом вправе выписывать из него сведения, относящиеся к гражданскому иску, в любом объеме, а также с разрешения следователя копировать их, за исключением сведений, составляющих тайну данных о личности, в целях обеспечения ее безопасности; поддерживать полностью или частично гражданский иск либо отказаться от него в любой момент производства по уголовному делу.

Перечень прав гражданского истца, представленный в статье 53 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, не является исчерпывающим, так как конкретизация этих прав и некоторые дополнения к ним имеются в нормах, регламентирующих участие гражданского истца в отдельных процессуальных действиях. Кроме прав гражданский истец наделяется соответствующими обязанностями: являться по вызовам органа, ведущего уголовный процесс; обеспечивать представление в суд копий искового заявления по числу гражданских ответчиков; представлять имеющиеся у него предметы, документы; не разглашать сведения об обстоятельствах, ставших известными ему по делу. Свои полномочия он может осуществлять лично или через представителя, несовершеннолетний через законного представителя. В случае недееспособности гражданского истца вместо него выступает в деле законный представитель.

Гражданский истец в необходимых случаях может быть допрошен в качестве свидетеля.

По общему правилу, регламентированному граждан-

ским законодательством, вред, причиненный гражданину или юридическому лицу, возмещается причинителем вреда. Это означает, что вред, наступивший в результате преступления, возмещает лицо, совершившее данное деяние, т.е. обвиняемый (возможно и подозреваемый), который несет одновременно гражданско-правовую (материальную) и уголовную ответственность, назначаемую по приговору суда. При этом вынесения постановления о признании обвиняемого гражданским ответчиком не требуется, однако он, как и гражданский ответчик, должен быть ознакомлен с содержанием предъявленного иска.

Статья 56 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь устанавливает широкий круг лиц, которые могут быть законными представителями.

Законные представители допускаются в уголовное дело с того момента, с которого в нем появляется участник, чьи интересы они должны представлять. Лицо, ведущее уголовный процесс, вынесшее постановление о допуске законного представителя в уголовное дело, уведомляет его об этом, объявляет и разъясняет его права и обязанности, предусмотренные статьей 57 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь. В соответствии с требованиями закона законный представитель не вправе совершить какие-либо действия против интересов представляемого им лица, в том числе отказаться от имени подозреваемого или обвиняемого от защитника.

Наряду с осуществлением прав законный представитель наделен и соответствующими обязанностями: подчиняться законным требованиям органа, ведущего уголовный процесс, представлять ему документы, подтверждающие его полномочия как законного представителя, являться по его вызовам для защиты интересов представляемого им

лица, не разглашать сведения, ставшие ему известными по уголовному делу, если он не был предупрежден об этом органом уголовного преследования или судом.

Таким образом, субъекты, осуществляющие функцию обвинения в уголовном процессе наделены широким кругом прав и соответствующих обязанностей для осуществления своих функций.

ПРИЗНАНИЕ ВИНЫ ПОДОЗРЕВАЕМОМ (ОБВИНЯЕМОМ) КАК УСЛОВИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

В.И. Самарин, А.Ю. Орехов

На рассмотрении Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь находится проект Закона «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях», которым в том числе предусмотрено введение в отечественную правовую систему нового уголовно-процессуального института: досудебного соглашения о сотрудничестве.

При введении нового для Беларуси института в уголовный процесс нельзя подходить односторонне. Следует учитывать интеграционный подход в борьбе с преступностью, поддерживаемый профессором А.В. Дуловым, ведь закономерность интеграционных процессов в науке является

формой проявления всеобщих связей в объективном мире [1, с. 199].

Согласно вносимому в УПК п. 5 ч. 2 ст. 468⁸ одним из условий заключения досудебного соглашения о сотрудничестве должно являться признание подозреваемым (обвиняемым) своей вины в совершении преступления, что говорит о необходимости рассмотрения вопроса с точки зрения не только уголовно-процессуального права, но и уголовного права. Считаем, что нет целесообразности во введении признания вины в качестве обязательного условия для заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, так как:

а) В теории обращают внимание на то, что по смыслу законопроекта последующий отказ лица от признания своей вины и предъявленного обвинения не исключает действительности досудебного соглашения о сотрудничестве, не влияет на решение прокурора о подтверждении факта выполнения взятых на себя обязательств и направлении уголовного дела в суд, а также не является определяющим по вопросу о возможности применения к лицу, заключившему досудебное соглашение о сотрудничестве, более мягкого наказания.

Более того, в определённых случаях такое условие может отрицательно сказаться на эффективности применения нового института, так как на практике подозреваемые (обвиняемые), не признавая себя виновными, в некоторых ситуациях готовы активно сотрудничать со следствием и возмещать причинённый ущерб [2, с. 30].

б) Составители закона не конкретизировали содержание и объем понятия «признание вины в совершении преступления». Таким образом, открытым останется вопрос необходимости полного признания вины как обязательного

условия заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. На момент подписания досудебного соглашения следствие может не располагать информацией обо всех эпизодах преступной деятельности лица либо о роли каждого из соучастников в преступлении, а подозреваемый (обвиняемый) в силу своей юридической непросвещенности или заблуждения может не осознавать объем подлежащего признанию. Кроме того, между сторонами, заключающими досудебное соглашение о сотрудничестве, может возникнуть спор о праве (правильности квалификации преступления).

в) Законодатель желает сделать подозреваемого стороной досудебного соглашения о сотрудничестве. Но в отношении данного участника уголовного процесса еще не сформулировано обвинение и соответственно не очерчен круг деяний, в совершении которых лицо может признать себя виновным. Кроме того, исходя из анализа ч. 2 ст. 324 и ч. 1 ст. 326 УПК, признание вины связывается с выдвинутым обвинением.

Только в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого органы уголовного преследования могут сделать обоснованный вывод о виновности конкретного лица, с которым последнее вправе согласиться. Именно с этого момента данный юридический факт может иметь какое-либо доказательственное (если это подтверждено признательными показаниями обвиняемого в ходе его допроса) либо процессуальное (если суд с учётом мнения сторон сочтет возможным сокращённый порядок судебного следствия) значение [2, с. 31].

Более того, заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с признанием вины подозреваемым может негативно сказаться на реализации принципа всесторонне-

го, полного и объективного исследования обстоятельств дела при оценке органами уголовного преследования показаний подозреваемого.

г) Возможно законодатель желает позволить суду, имея признание обвиняемого, в большинстве случаев проводить судебное следствие в сокращенном порядке (ст. 326 УПК). Однако, в рассматриваемой ситуации признание вины будет сложно назвать «невынужденным», так как лицо будет поставлено перед психологическим выбором: признать вину, пойти на сотрудничество со следствием и гарантировать себе сокращение размера наказания или понести строгое наказание, не признавая вину.

Таким образом, признание вины в качестве обязательного условия заключения досудебного соглашения о сотрудничестве носит формальный характер (последующий отказ от признания вины не только не влияет на действительность досудебного соглашения, но и на применение правовых последствий, в случае его исполнения), а также может стать непреодолимым препятствием для его заключения.

Литература:

1. Дулов, А.В. Интеграционные процессы в науках, обеспечивающих борьбу с преступностью / А. В. Дулов // Проблемы совершенствования правовых средств и механизмов противодействия преступности в современном обществе: материалы межд. науч.-практ. конф., Минск, 13-14 нояб. 2006 г. / редкол.: А.В. Барков (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2007. – С. 198–202.

2. Климович, Ю. Перспективы института досудебного соглашения о сотрудничестве в отечественном законодательстве / Ю. Климович // Юстыцыя Беларусі. – 2013. – № 10. – С. 29–31.

ЗАКОНЫ ПРАВОВЫЕ И НЕПРАВОВЫЕ, ПРАВСТВЕННЫЕ И АМОРАЛЬНЫЕ

Н.В. Сильченко

Принцип эквивалентности (= взаимной соразмерности в оценке самых разных благ и действий) является первоначалом права. Зародившись в области товарообмена, со всей определенностью он стал проводиться в жизнь начиная с законов XII таблиц [1, с. 160; 2, с. 567]. В цивилизованном обществе процесс формирования права происходит под очень сильным воздействием со стороны государства, которое поддерживает «естественный» режим в отношениях, основанных на эквивалентных началах, закрепляет в законах уже сформировавшиеся правовые эквиваленты, и создаёт новые, ранее неизвестные и не встречавшиеся в истории развития права.

Правовыми можно считать законы, в которых закрепляются эквиваленты, сформировавшиеся эволюционно в ходе саморазвития правовых по своей природе общественных отношений, а также эквиваленты, которые создаются государством, в ходе регулирования правовых по своей природе общественных отношений и имеют формальную определённую, закрепляют формальное равенство сторон, имеют иные признаки правового эквивалента. Законы, регулирующие неправовые (например, нравственные) по своей природе отношения, являются неправовыми. Неправовыми являются также законы, в которых эквивалентная природа правовых по своему характеру общественных отношений существенно искажается и умышленно нарушается.

Эквивалентное начало правовых отношений отличает их от отношений нравственных, обмен стоимостями в ко-

торых происходит на неэквивалентных началах. Материальные и духовные ценности в нравственных отношениях переходят от одной стороны отношения к другой на иных основаниях – на принципах любви и благодарения, милости и сострадания.

Право основано на формальном равенстве, а процесс его функционирования неизбежно приводит к формированию фактического неравенства – основы и начала правовой справедливости. Правовая справедливость действует «без учета интересов конкретной личности» и потому для богатых и бедных имеет разное значение. Мораль же основана на равноценности людей перед Богом, и, признавая закономерным фактическое неравенство, стремится установить в обществе фактическое (насколько, конечно, это возможно) имущественное равенство. Иную картину мы видим в сфере политики, где справедливость исходит от государства, которое «...призвано её законодательно утверждать главным образом путём обеспечения гармоничного сочетания интересов всех социальных групп, личности и общества в целом [3, с. 113]».

На стыке взаимодействия права и морали создаётся особая группа законов, в содержании которых отражается как «давление» морали на право, так и «давление» государства на сферу нравственности.

Законы, регулирующие отношения по социальной защите населения, оказанию социальной помощи и проявлению милосердия, находятся на самой границе «столкновения» права и нравственности. Они не позволяют праву довести утверждаемое им фактическое неравенство до логического конца и ставят предел его действию. Законы такого рода не вполне отвечают духу и природе права, поэтому их условно можно именовать «неправовыми» законами. Фе-

номен подобного рода законов в теории права не изучен. В литературе, особенно публицистической, их иногда называют нравственными законами. Это, в общем-то верно, если иметь в виду то, что инспирированы они нравственными началами.

Те законы, которые не просто «вторгаются» в сферу действия морали, а идут в разрез с нравственными принципами и божественными нормами, – являются «аморальными» законами. Мы разделяем позицию Русской Православной Церкви, согласно которой право «... содержит в себе некоторый минимум нравственных норм, обязательных для всех членов общества ... в тех случаях, когда человеческий закон совершенно отвергает абсолютную божественную норму, заменяя ее противоположной, он перестает быть законом, становясь беззаконием, в какие бы правовые одежды он ни рядился... [4, с. 22–23]». На мой взгляд, мораль (=нравственность) является более сильным по сравнению с правом нормативным регулятором, поскольку, воздействуя на право, может корректировать шкалу правовой справедливости [5, с. 82]. В то же самое время тысячелетняя история «давления» права на нравственность не привела к переменам в нравственной шкале справедливости. Имевшая место в истории нашей страны попытка создания новой «коммунистической нравственности» путём нормативно-директивного и законодательного определения и закрепления её моральных принципов и норм, также провалилась.

Литература:

1. *Пашуканис, Е.Б.* Избранные произведения по общей теории права и государства / Е.Б. Пашуканис. – М.: Наука, 1980. – 271 с.
2. *Стучка, П.И.* Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права / П.И. Стучка. – Рига, 1964. – 748 с.

3. *Дробязко, С.Г.* Современное правопонимание и его акценты / С.Г. Дробязко // Степан Григорьевич Дробязко : к 90 – летию со дня рождения С.Г. Дробязко / Белорусский государственный университет, юридический факультет, юридический колледж ; редкол.: С.А. Балашенко [и др.]. - Минск : Бизнесофт, 2013. – 206 с.

4. Основы социальной концепции Русской православной церкви. – Москва, 2000.

5. *Сильченко, Н.В.* О справедливости в праве и морали / Н.В. Сильченко // Духовность, общество, личность, государство. – 2006. – № 1. – С. 76–83.

ДОЛЖНЫ ЛИ УЧАСТВОВАТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛИ НАРОДА В ФОРМИРОВАНИИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ И ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ?

Ю.К. Якимович

Идея участия народа в формировании судебной власти и его представителей в осуществлении правосудия не нова, была реализована в большинстве стран, в том числе и в России, еще в XIX веке, и не только не оспаривается в литературе, а, напротив, находило и находит широкую поддержку в отечественной и зарубежной литературе. Так, даже в Российской империи, во всяком случае, мировые судьи, а также и волостные суды избирались непосредственно населением. И только судьи окружных судов и судебных палат назначались Императором по представлению Министра юстиции. Участие в осуществлении судебной власти различных слоев населения в Российской Империи происходило посредством реализации институтов сословных представителей и присяжных заседателей. В Советском Союзе все без исключения судебные органы страны формировались путём выборности как судей, так и народных заседателей. И не просто избирались, а были подот-

чётны своим избирателям, отчитывались перед ними и могли быть досрочно отозванными. Причём судебная система формировалась так, что среди судей, а особенно в среде народных заседателей были представлены действительно все слои населения, или, как принято сейчас говорить, «гражданского общества». В том числе и поэтому население, граждане в значительно большей степени доверяли судьям тогда, чем доверяют сейчас.

Демократизации судебной системы, нейтрализации её корпоративности и укреплению независимости судей будет способствовать возврат к принципу выборности судей и подотчетности их избирателям. И ничего страшного нет в том, что этот принцип действовал в Советской России. К истории следует относиться ответственно и бережно, не рассматривать отдельные периоды развития Российского государства только с негативных, либо только с позитивных сторон. Однако происшедшие в конце XX начале XXI века существенные изменения в законодательстве привели фактически к отстранению народа от участия в формировании судебной власти. Вместо ранее действовавшего принципа выборности, как народных заседателей, так и профессиональных судей, ныне всех судей назначают.

Даже списки присяжных формирует исполнительная власть, а народ участия в этом не принимает.

Зависимость профессиональных судей от исполнительной власти весьма существенна. И чтобы нейтрализовать её, необходимы существенные изменения и не столько в сознании самих судей, сколько в действующей системе судебной власти. Как представляется, следует вернуться к выборности судей, особенно мировых, а также федеральных районных судов и подотчётности их избирателям.

Следует отметить, что споры вокруг того, в какой

форме предпочтительнее участие представителей народа в отправлении правосудия, что лучше: суд присяжных или суд шеффенов – велись на протяжении нескольких столетий и, кстати, аргументы за и против той или иной формы, проводимые современными авторами не новы.

В России действует суд присяжных. Не стоит ли пересмотреть взгляды и вернуться к институту народных заседателей? Да, этот институт достаточно серьезно критиковался в последние годы существования советского строя. Как только не называли народных заседателей: из них самые безобидные – «кивалы». При этом критике подвергался главным образом институт народных заседателей в том виде, как он сформировался в последнее десятилетие существования советской власти. Мы все помним те времена, когда народные заседатели постепенно из представителей народа, всех его слоев, стали представлять лишь пенсионеров. Институт народных заседателей критиковали еще и за то, что, якобы, сами они ничего не решали, постоянно зависели от мнения профессионального судьи. Смею заверить, исходя из собственного опыта (а в качестве народного заседателя я участвовал в работе народного суда, и областного суда на протяжении многих лет), что это далеко не так. Все зависело от культуры, опыта и профессионализма профессионального судьи и от настойчивости самих народных заседателей. Не припоминаю случая, чтобы профессиональный судья не посоветовался бы с народными заседателями по возникающим в ходе судебного разбирательства вопросам. Конечно же, если народные заседатели доверяли профессиональному судье, не сомневались в его профессионализме как юриста, то чаще всего они и соглашались с ним, убеждаясь в его правоте. При этом опытный судья никогда «не давил» на народных заседателей, а

убеждал их в своей правоте, если возникали разногласия. Я вовсе не исключаю и обратного. Всякое бывало в те времена. Но я знаю немало случаев привлечения судей к дисциплинарной и партийной ответственности за некорректное поведение в отношении народных заседателей. Считаю, что необходимо пересмотреть негативное отношение к институту народных заседателей (шеффенов) и внести соответствующие изменения в законодательство.

В этой связи весьма положительно следует оценивать научные исследования белорусских ученых и практику законодателя Республики Беларусь. В отличие от других государств постсоветского пространства, в Беларуси законодательство остается стабильным, без шараханий и сиюминутных и кому-то угодных изменений.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдеева Галина Константиновна – доцент кафедры криминалистики Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого (г. Харьков, Украина), кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник

Алымов Дмитрий Владимирович – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета (г. Курск, Россия), кандидат юридических наук, доцент

Антимонов Антон Сергеевич – преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета (г. Курск, Россия), кандидат юридических наук

Ардашев Роман Георгиевич – соискатель кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского государственного технического университета (г. Иркутск, Россия)

Бибилко Валентина Николаевна – профессор кафедры уголовного процесса и и прокурорского надзора Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь), доктор юридических наук, профессор

Бочарова Ольга Станиславовна – заведующая научной лабораторией криминалистических исследований документов и почерка Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь), кандидат юридических наук

Василевич Григорий Алексеевич – заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республи-

ки Беларусь

Веренчиков Игорь Романович – доцент кафедры криминалистики Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь), Юридический колледж Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Верещагина Алла Васильевна – заведующая кафедрой публичного права Института права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток, Россия), кандидат юридических наук, доцент

Григорович Василий Леонидович – доцент кафедры криминалистики Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь), кандидат юридических наук, доцент

Гучок Александр Евгеньевич – доцент кафедры криминалистики Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь), заместитель директора Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Данилевич Анатолий Александрович – заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь), кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь

Дергай Георгий Борисович – старший преподаватель кафедры криминалистики Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь), кандидат юридических наук

Дмитренко Денис Иванович – старший преподаватель кафедры криминалистики Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь)

Драпезо Роман Григорьевич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Кемеровского государственного университета (г. Кемерово, Россия)

Дулов Андрей Васильевич – профессор кафедры криминалистики Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Беларусь

Дятлов Олег Михайлович – доцент кафедры экономики и управления Института непрерывного образования Белорусского государственного университета, ведущий научный сотрудник Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь), кандидат юридических наук, доцент

Егоров Климент Степанович – ведущий научный сотрудник Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь), кандидат юридических наук, доцент

Зезюлько Вячеслав Витальевич – старший преподаватель кафедры правоведения Витебского филиала Международного университета «МИТСО» (г. Витебск, Беларусь)

Калинин Сергей Артурович – заведующий кафедрой теории и истории государства и права Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь), кандидат юридических наук, доцент

Китаев Николай Николаевич – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского государственного технического университета (г. Иркутск, Россия), кандидат юридических наук, доцент

Китаева Валентина Николаевна – доцент кафедры криминалистики и судебных экспертиз Байкальского государственного университета экономики и права (г. Иркутск, Россия), кандидат юридических наук, доцент

Ковган Жанна Ивановна – адъюнкт Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь)

Конин Владимир Владимирович – заведующий кафедрой международного права Калининградского филиала «Международный университет в Москве» (г. Калининград, Россия), кандидат юридических наук, доцент

Лапина Ирена Александровна – доцент кафедры государственного строительства Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь), заведующая кафедрой экономики и управления высшей школы Республиканского института высшей школы, кандидат юридических наук, доцент

Лузгин Иван Иванович – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминалистики Полоцкого государственного университета (г. Полоцк, Беларусь), магистр юридических наук

Мелешко Владимир Николаевич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь)

Орехов Александр Юрьевич – студент Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь)

Орехова Екатерина Петровна – старший преподаватель Юридического колледжа Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь)

Петрова Ольга Валентиновна – доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Белорусско-

го государственного университета (г. Минск, Беларусь), кандидат юридических наук, доцент

Ритвинская Татьяна Юрьевна – старший научный сотрудник Института пограничной службы Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь)

Рубис Александр Сергеевич – профессор кафедры уголовного процесса Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь), доктор юридических наук, доцент

Рыбалко Елена Яковлевна – старший научный сотрудник Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь)

Самарин Вадим Игоревич – доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь), кандидат юридических наук, доцент

Селюков Дмитрий Дмитриевич – доцент кафедры проектирования дорог Белорусского национального технического университета (г. Минск, Беларусь), заведующий лабораторией судебных автодорожных исследований, кандидат технических наук, доцент

Сергеев Олег Дмитриевич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Кемеровского государственного университета (г. Кемерово, Россия)

Сильченко Николай Владимирович – доктор юридических наук, профессор (г. Гродно, Беларусь)

Славгородская Ольга Александровна – доцент кафедры криминалистического обеспечения расследования преступлений Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент

Смахтин Евгений Владимирович – заведующий кафедрой уголовного права и процесса Тюменского государственного университета (г. Тюмень, Россия), доктор юридических наук, доцент

Тарасова Елена Константиновна – доцент кафедры криминалистики Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь), кандидат юридических наук, доцент

Туркова Валентина Николаевна – старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского государственного технического университета (г. Иркутск, Россия)

Федончук Маргарита Владимировна – ведущий специалист Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, аспирант кафедры криминалистики Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь), магистр юридических наук

Хлус Александр Михайлович – доцент кафедры криминалистики Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь), кандидат юридических наук, доцент

Чуприна Елена Петровна – доцент кафедры криминалистики Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь), кандидат юридических наук, доцент

Шамонова Тамара Николаевна – доцент юридического факультета Международного университета в Москве (г. Москва, Россия), кандидат юридических наук, доцент

Шумак Григорий Александрович – заведующий кафедрой криминалистики Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь), кандидат юридических наук, доцент

Эсмантович Ирина Игоревна – декан юридического факультета Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины (г. Гомель, Беларусь), кандидат исторических наук, доцент

Якимов Андрей Андреевич – старший прокурор отдела Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, младший советник юстиции, старший преподаватель кафедры криминалистики Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь), магистр юридических наук

Якимович Юрий Константинович – профессор Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

ОГЛАВЛЕНИЕ

Андрей Васильевич Дулов: более полувека у штурвала криминалистики...	3
<i>Дулов А. В.</i> Основы формирования общей теории борьбы с преступностью.....	11

Раздел I. ОБЩАЯ ТЕОРИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Гучок А. Е.</i> Повышение эффективности научно-исследовательской и разработочной деятельности в криминалистике.....	25
<i>Дулов А. В., Рубис А. С.</i> Разработка криминалистической теории оказывания – актуальная задача юридической науки.....	27
<i>Лапина И. А.</i> Материальные и социальные процессы следообразования: криминалистическое значение.....	40
<i>Лузгин И. И.</i> Теория отражения как методологическая основа технико-криминалистического обеспечения.....	44
<i>Смахтин Е. В.</i> Идеи А. В. Дулова о методологии криминалистики и ее интегративном характере.....	48
<i>Шумак Г. А.</i> Криминалистическая модель экономических преступлений... ..	52
<i>Федончук М. В.</i> К вопросу о методах криминалистики.....	66

Раздел II. ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

<i>Бочарова О. С., Ритвинская Т. Ю.</i> Современные способы защиты биометрических документов.....	70
<i>Григорович В. Л.</i> Применение голографии для регистрации и хранения трехмерных изображений криминалистических объектов.....	74
<i>Дмитренко Д. И.</i> Формализация подходов голографического исследования материальной структуры преступления.....	79
<i>Китаев Н. Н., Китаева В. Н.</i> Повторная ольфакторная экспертиза в России: проблемные вопросы.....	87

Раздел III. ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

<i>Альмов Д. В.</i> Особенности разрешения следственных ситуаций при производстве тактической операции «атрибуция трупа».....	92
---	----

<i>Авдеева Г. К.</i> Инновационные технологии в судебной экспертизе.....	95
<i>Бочарова О. С., Дятлов О. М.</i> Тесная связь науки и практики – парадигма судебно-экспертной деятельности.....	99
<i>Бочарова О. С., Дятлов О. М., Рыбалко Е. Я.</i> Оценка пригодности методик в судебно-экспертной деятельности на примере межлабораторного профессионального тестирования в лабораториях судебно-технического исследования документов стран ЕврАзЭС.....	103
<i>Верецагина А. В.</i> Развитие института специальных знаний в российском дореволюционном гражданском процессе.....	109
<i>Дергай Г. Б.</i> Повторная судебная экспертиза: контроль качества исследования и оценочные суждения о профессионализме эксперта.....	112
<i>Драпезо Р. Г.</i> Сбор образцов для сравнительного исследования по делам об убийствах, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия преступления.....	116
<i>Зезюлько В. В.</i> Использование невербальных сигналов личности на допросе для установления психологического контакта с допрашиваемым.....	119
<i>Егоров К. С.</i> Разработка новых элементов экспертных технологий для объективизации решения основных задач криминалистической экспертизы цифровых речевых фонограмм.....	124
<i>Конин В. В., Эсмантович И. И.</i> Тактика производства следственных действий при расследовании преступлений, совершенных организованными группами.....	128
<i>Селюков Д. Д.</i> Методика криминалистической оценки категоричного вывода заключения эксперта.....	133
<i>Славгородская О. А.</i> К вопросу об использовании научных разработок А.В. Дулова при формировании криминалистического учения о личности свидетеля.....	137
<i>Тарасова Е. К.</i> Тактическая операция «профилактика» при расследовании преступлений, связанных с употреблением наркотических средств.....	141
<i>Чуприна Е. П.</i> Оценка результатов предъявления для опознания.....	144
<i>Шамонова Т. Н.</i> Особенности тактики предъявления для опознания.....	148

Раздел IV. ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

<i>Антимонов А. С.</i> Актуальные вопросы расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними женского пола с использованием современных технологий.....	154
--	-----

<i>Ардашев Р. Г., Туркова В. Н.</i> О раскрытии массовых убийств, замаскированных инсценировками несчастного случая.....	159
<i>Веренчиков И. Р.</i> Профилактическая деятельность следователя как элемент системы безопасности государства.....	163
<i>Ковган Ж. И.</i> Финансово-экономическая экспертиза: методы экспертного исследования.....	169
<i>Орехова Е. П.</i> Криминалистическая характеристика убийств, инсценированных под несчастный случай.....	172
<i>Сергеев О. Д.</i> Современные проблемы методики расследования преступных нарушений правил безопасности при ведении горных работ.....	175
<i>Хлус А. М.</i> Влияние идей А.В. Дулова на формирование современных методик расследования преступлений.....	179
<i>Якимов А. А.</i> Использование возможностей навигационных спутниковых систем в расследовании преступлений.....	186

Раздел V. ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Василевич Г. А.</i> Правовые аспекты противодействия коррупции.....	193
<i>Бибило В. Н.</i> Профессиональная деформация личности следователя.....	203
<i>Данилевич А. А.</i> Психологическая структура судебных прений.....	208
<i>Калинин С. А.</i> Субъектный подход в юриспруденции: базовая гипотеза...	210
<i>Петрова О. В.</i> Производство по уголовным делам с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей: международный опыт и перспективы в Республике Беларусь.....	214
<i>Мелешко В. Н.</i> Правовое положение гражданского истца как субъекта функции обвинения в уголовном процессе.....	219
<i>Самарин В. И., Орехов А. Ю.</i> Признание вины подозреваемым (обвиняемым) как условие заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.....	223
<i>Сильченко Н. В.</i> Законы правовые и неправовые, нравственные и аморальные.....	227
<i>Якимович Ю. К.</i> Должны ли участвовать представители народа в формировании судебной системы и отправлении правосудия?	230
Сведения об авторах.....	234

Научное издание

СОХРАНЯЯ ПРОШЛОЕ, ОПРЕДЕЛЯЯ НАСТОЯЩЕЕ, ПРЕДВОСХИЩАЯ БУДУЩЕЕ

**Сборник научных трудов,
посвящённых 90-летию доктора юридических наук,
профессора, заслуженного деятеля науки
Республики Беларусь А. В. Дулова**

Ответственный за выпуск *Д. И. Дмитренко*

Подписано в печать 15.10.2014.
Формат 60х84/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,18. Уч.-изд. л. 10,15.
Тираж 150 экз. Заказ 489.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика.
Издатель и полиграфическое исполнение ООО «Бизнесофсет».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
1/118 от 18.12.2013.
2/28 от 12.12.2013.
Пр. Независимости, 95/7-3, 220043, г. Минск.
Тел./факс: (017) 280-13-80.
E-mail: boprint@tut.by